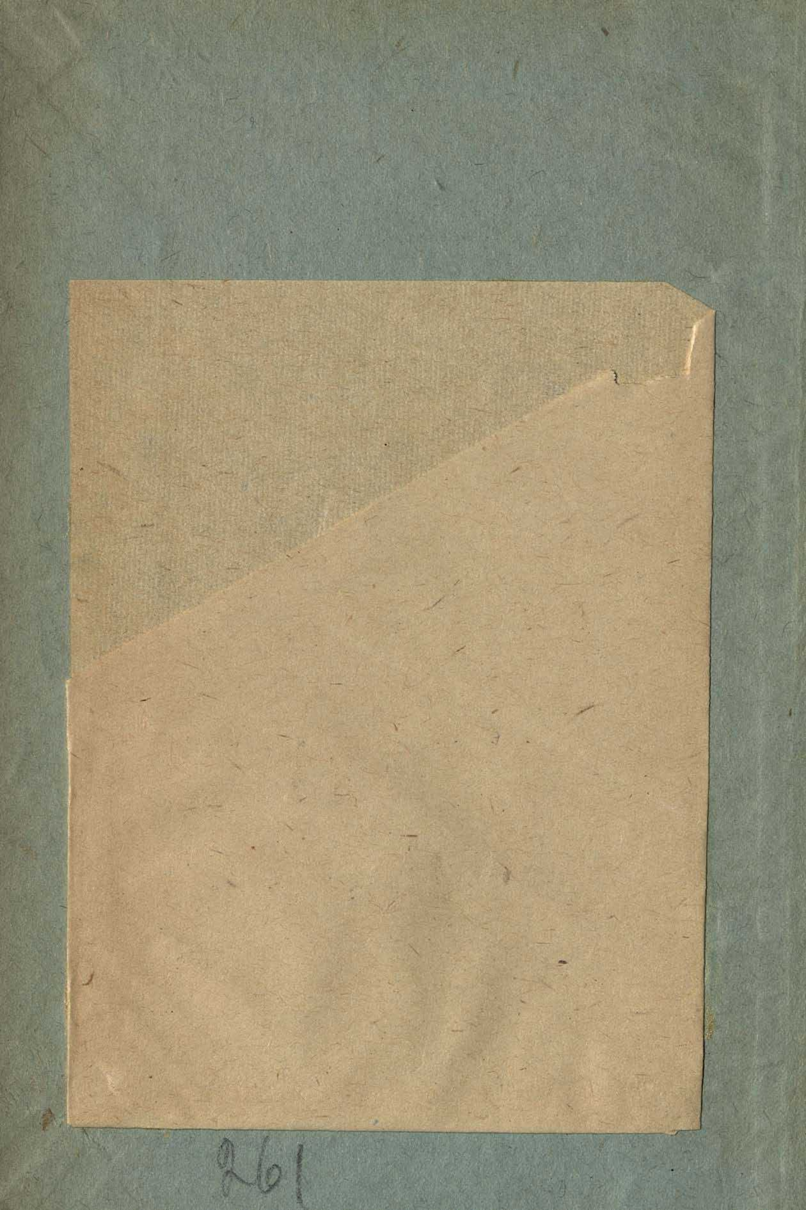
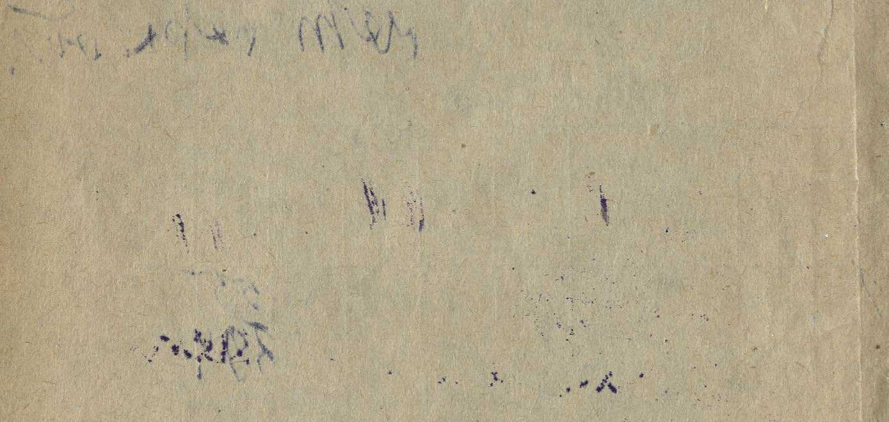

5 1454
R 84/615


261


. ТРОЦКИЙ
РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В СРЕДНЕМ
ПОВОЛЖЬЕ
КРАТКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 САМАРА

нет в арх. отд.



ИСТПАРТОТДЕЛ КРАИКОМА В. К. П. (б).

В. Троцкий

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

В СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОМ КРАЕ

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
САМАРА. — 1930.



Обллито № 2069—18|IX 1929 г. А 15. Гиз № 34209. Тираж 5.000 экз.

Тип. № 1 им. т. Мяги Самполиграфтреста уг. Венцека и Галактионовской.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящей брошюре автор ее ставил своей задачей дать по печатным материалам краткий исторический очерк революционного движения в Средне-Волжском Крае, начиная с народных движений XVII и XVIII веков—Разиновщины и Пугачевщины, и заканчивая настоящим моментом революционного строительства.

Для этой цели автором был использован, главным образом, материал Истпартовских изданий, а также работы краеведческого характера и журнальные и газетные статьи, касающиеся истории революционного движения в Среднем Поволжье.

По своему об'ему и по изложению брошюра предназначается для массового читателя-учащихся школ II-й ступени, слушателей единой партийной школы, курсантов различных краткосрочных курсов, красноармейцев и т. д.

Вместе с этим брошюра будет не бесполезна и для преподавателей обществоведов в школах Средне-Волжского края, так как она даст им необходимый местный иллюстрированный материал при прохождении истории классовой борьбы и истории ВКП(б) и может служить пособием при

экскурсиях в местные историко-революционные музеи. Наиболее подробно освещается жизнь большевистских организаций во время революции 1905 г. и Октябрьской революции и в годы гражданской войны, в других же местах небольшой об‘ем издания вынуждал автора не быть многословным, но приводимый список использованных материалов даст возможность желающим проработать по указанным книгам тот или иной вопрос значительно глубже. Просьба к товарищам, заметившим в брошюре какие либо неточности или пропуски сообщать о них автору по адресу: г. Самара, Крайком ВКП(б), Истпарт В. В. Троцкому.

В. Троцкий.

Самара,
октябрь 1929 г.

Глава I.

Среднее Поволжье в XVI и XVII веках.

Русская колонизация Среднего Поволжья.

Коренное население Среднего Поволжья до половины XVI века составляли нацменьшинства. Русские начинают захватывать их земли лишь после покорения Иоанном Грозным Казани в 1552 году. Московские цари смотрели на Среднее Поволжье, как на громадный земельный фонд, из которого они могли щедро нарезать земли в поместья московским боярам и дворянам. Кроме того, их алчность привлекала и р. Волга, по которой шел торговый путь в Каспийское море и через него в восточные государства Средней Азии, как например Персию и в Бухару.

Уже в конце XVI века Москва построила в Мордовской земле ряд городов: Алатырь, Темников, Кадом и Шацк. В 1586 г. строится город Самара, при помощи которого Москва расчитывала иметь наблюдение за «вольницей», бежавшей в Самарскую луку, где прибрежные густые леса и глубокие пещеры в берегах давали возможность разбойному люду следить за проходами торговых караванов и грабить их.

В 1648 году строится г. Симбирск, и от него в 1652 году проводится так называемая Симбирская линия, т.-е. строится ряд укреплений по левому берегу Волги и правому р. Черемшана, как напр.: Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Ст. Майна и др.

В 1666 г. был основан город Пенза.

Мордва.

Мордва исстари занимала земли между реками Волгой и Окой и притоками р. Мокши, т.-е. целиком всю бывшую Пензенскую губернию и части губерний Нижегородской, Симбирской и Тамбовской. Когда Мордовский край начал заселяться русскими, то для каждого мордовского поселения была отведена особая земельная дача, называвшаяся «ободом». В нее входили, кроме пахотных земель, леса, покосы, бобровые гоны, участки для охоты и пчеловодства. Со всех своих промыслов мордва платила так наз. «ясак», т.-е. должна была отдавать натурой часть добытых продуктов. «Ясак» был установлен еще татарами, которым раньше подчинялась мордва, остался он и при московском владычестве. Затем к ясаку были добавлены и пошлины, т.-е. обложения деньгами. С пахотных земель мордва платила оброк так называемым «посопным хлебом», который она должна была свозить к Саратову.

Войдя в состав Московского государства, мордовские земли считались принадлежащими «великому государю» и управлялись его воеводами. Часть мордвы была взята на военную службу, за которую они получали от московских царей вотчины и поместья. Они назывались мурзами, и некоторые из них получили потом права дворянства. Большая же часть мордвы несла еще более тяжелую лямку, чем крепостное крестьянство в остальной России. Мордва царским правительством была лишена многих прав: она не могла жить в городах, необходимые для нее предметы обихода могла покупать только в незначительном количестве, русские купцы не могли торговать в мордовских селах, а также продавать мордве оружие, мордве запрещалось заводить у себя кузницы и ковать металлические изделия и т. д.

Кроме экономического гнета со стороны московских властей, не мало пришлось вытерпеть мордве от попов и монахов, распространявших среди языческой мордвы православие и силою московского оружия приводивших ее «ко крещению». Иногда мордва расправлялась с своими «крестителями».

Так, в начале XVII века мордва утопила в Суре двух архимандритов Троицкого монастыря, а третьего сбросила с монастырской башни; «монашескую братию» разогнала и уничтожила царские грамоты на землю, жалованную монастырю из мордовских земель.

Еще тяжелее стало положение мордвы в XVIII веке. В 1718 г. Петр I издал указ, которым повелевалось брать мордву «к рубке, теске и возке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ». По этом указу из 9 мужчин в возрасте от 15 до 60 лет брались двое ежегодно на 6 месяцев: один пеший, один конный. Итти на работу приходилось за несколько сот верст от своих селений в осеннее и зимнее время; никакой платы за работу не полагалось, а кормись и существуй, как хочешь. Такие лесорубы из мордвы назывались «лошманами». В то же время самой мордве запрещалось рубить для своих надобностей лес, даже не заклейменный. И хотя жила мордва в кольце лесов, но не могла срубить для своего пользования ни деревца.

Татары.

После покорения Казанского царства царское правительство старалось вырвать из рук татар торговлю в Среднем Поволжье, до этого времени находившуюся в их руках. Татарские купцы были

ранее посредниками в торговле между Москвой и Средней Азией, их торговые караваны доходили до Персии, Китая и Индии. Они знали местные языки и торговые условия каждой страны. Русские купцы видели в них своих конкурентов и старались уничтожить их. Под влиянием русского торгового капитала правительство старается оторвать татар от торговли. Их также приписывают к рубке корабельных лесов, облагают подушным налогом и другими сборами. Попы и монахи силой, как и мордву, обращают их в православие, срывают их мечети.

Башкиры.

Башкиры добровольно подчинились Москве после падения Казанского царства на условии, что они останутся владельцами своих земель. В 1557 году Грозный особой грамотой закрепил за ними это право «на вечные времена, согласно их обычаям». Башкиры, бывшие еще в то время кочевниками, совершенно не ценили принадлежавших им земельных богатств продавали и сдавали свои земли за бесценок различным выходцам из бывшего казанского царства, как например, мордве, татарам и чувашам. Эти пришельцы, смешавшиеся между собою и с башкирами, получили название «тептерей». Вслед за ними потянулись на башкирские земли, самовольно захватывая их и русские крестьяне. Жалобы башкир в Москву не приводили ни к чему и, хотя в 1641 году Московское правительство и запретило переселение на башкирские земли, а также продажу их и сдачу в аренду, московские воеводы в Башкирии разрешали пришельцам селиться среди башкир, считая их владения «диким полем».

Чуваши.

Территория от реки Волги до Суры в XVI в. была заселена чувашами, занимавшими Алатырский, Буинский, Карсунский и Сенгилеевский уезды, бывшей Симбирской губернии, Бугульминский (ранее Самарской губернии, теперь Татреспублики), Ставропольский уезд (Самарской губернии) и Белебеевский и Стерлитамакский уезды бывшей Уфимской губернии.

Москва покорила чуваш в 1551 г. Летописец об этом говорит так: «чувашу и мордву привели к правде»:

Московская «правда» для чуваш, как и для мордвы заключалась в захвате их земель, обложении их тяжелыми податями и налогами и насильственном обращении в православие.

Крепостное право.

Крепостное право в Поволжье, как и в остальной России, стало распространяться с конца XVI и начала XVII века. Крестьяне не имели своей земли уже с XIII и XIV в., когда она была отнята у них постепенно князьями, боярами и дворянами, а также монастырями.

У этих то владельцев крестьяне и арендовали землю на определенные сроки, обыкновенно на год, по истечении которого они могли переходить на земли другого владельца. Очень часто крестьяне, поселяясь на землях нового владельца, брали у него ссуды на обзаведение хозяйством. Если они в срок не уплачивали своего долга, то становились «холопами» своего господина, т.-е. теряли свою свободу, не могли уйти на новое место, должны были работать на владельца земли и становились его рабами.

Крестьяне более охотно селились на землях крупных владельцев, бояр и монастырей, где условия аренды были выгодны. Для мелких владельцев, дворян, переходы крестьян были разорительны, так как их земли часто пустовали, и они не могли получать от них дохода. За аренду земель крестьяне расплачивались или «барщиной», т.-е. своей работой на барских землях, или «оброком», уплатой владельцу сельско-хозяйственными продуктами или деньгами. Дворяне начали домогаться у московских царей запрещения крестьянских переходов. Московские цари, которые вели борьбу с боярами, старавшимися ограничить их самодержавие, пошли навстречу дворянским требованиям, расчитывая в дворянах найти поддержку своей власти. С конца XVI века цари начинают издавать указы, стесняющие крестьянские переходы.

В это время ухудшается и положение низших классов городского населения: ремесленников, мелких торговцев, служилых людей, которые облагаются московским правительством различными налогами и страдают от произвола и неправосудия московских бояр и воевод. Закабаливаемые низшие классы населения начинают восстания, дворянство ведет борьбу с боярами, в русские дела вмешиваются поляки и шведы, торговый польский капитал старается проникнуть в Россию, и все московское государство охватывается ожесточеннейшей гражданской войной, которую наши предки называли «Смутным временем» (1598—1613 г.).

В «Смутное время» мордва делает попытки свергнуть московское иго: эрзянцы выступили против царя Василия Шуйского, они, «засев в своих лесах, отрезали дороги, пролегавшие из окраинных городов к центральным, ловили царских гонцов, посылавшихся из Москвы, и отправляли их под

Москву в лагерь Дмитрия». В 1606 году мордва, холопы и крестьяне пытались взять г. Нижний Новгород, бывший на стороне Шуйского, но были разбиты. Мордва скрылась в своих лесах и продолжала «грабить» на торговых путях товарные обозы, приказных и помещиков в течение всего 1607 года. В следующем году к эрзянцам присоединились и мокшанцы и пытались отрезать дороги, которые шли к Нижнему от Казани и Симбирска, но были разбиты под Чебоксарами воеводой Шереметьевым. До конца «Смутного времени» московские власти не могли смирить мордву, нападавшую на торговые обозы и совершенно расстроившую торговлю Москвы с Поволжьем.

Московское правительство в лице первых царей из дома Романовых: Михаила и Алексея—вышло победителем из гражданской войны. Торговый капитал, в лице дворянского класса и торговой буржуазии, торжествовал свою победу. Московский царь стал первым торговцем.

Начинается рост городского населения, которому нужен хлеб. Хлеб может дать крестьянство, но для этого оно должно потерять право перехода, должно быть прикреплено к кровососам, своим помещикам, которые будут этот хлеб из него выкачивать. В 1645 году царь Алексей Михайлович в сборник своих законов «Соборное Уложение» включает статьи, окончательно прикрепляющие крестьян к земле и личности помещиков.

Московские цари начинают раздавать смирившимся перед ними и ставшим их слугами боярам и дворянскому служилому люду вотчины и поместья в Среднем Поволжье с живущим на них населением. Нацменьшинства попадают, как и русские крестьяне, в крепостное состояние.

Казачество.

Крестьянство из Центральной России и из Среднего Поволжья бежит на южные и юговосточные окраины Московского государства, на низовья реки Дона и реки Урала. Здесь образуются вольные общины, в которые, кроме крестьян, стекается и другой беглый люд из Московского государства. Эти вольные поселенцы юго-восточных степей России получают название казаков. Они управляются выборными из своей среды атаманами и их помощниками—эсаулами. Занятия их составляют: охота, рыболовство, набеги на восточные государства Турцию и Персию, а также и на окраины Московского царства.

Они беспощадно грабят московские торговые караваны, проходящие по Волге и Каспию.

Из среды казачества выходят и первые вожди народных движений против царя, бояр и капиталистов.

Глава II.

Разиновщина и Пугачевщина.

Бунт Степана Разина.

Прошло 50 лет с небольшим после «Смутного времени», и закабаленное население Среднего Поволжья снова делает попытку свергнуть с себя иго Московских царей и капиталистов. С 1667 по 1671 г. Поволжье было охвачено бунтом, поднятым против Москвы донским атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным.

Молва о Разине пошла с 1667 г., когда он собрал голытьбу из донских казаков и хотел с ними спу-

ститься по реке Дону в Азовское море, чтобы пограбить турецкие берега, но атаман Яковлев, представитель казаков богатеев, не пропустил его туда. Тогда Разин поднялся вверх по Дону и от Калача перебрался на реку Волгу, здесь он устроил свой стан недалеко от Камышина. Из собранной им голытьбы он создал внушительную силу, разбив ее по казачьему обычаю на сотни и десятки. Летом 1667 года Разиновцы разграбили московский торговый караван, шедший из Нижнего Новгорода в Астрахань. Московские стрельцы, составлявшие охрану каравана, сдались Разину без боя. «Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми я готов, как брат, поделиться», говорил атаман сдавшимся ему стрельцам.

С Волги Разин пробрался в Каспийское море, а из него поднялся вверх по реке Яику (так называлась тогда река Урал) и захватил Яицкий городок (ныне г. Уральск), после чего к нему присоединилась часть яицких казаков. Беззаветная удаль Степана Тимофеевича, его ласка к бедному и обездоленному люду и щедрость, с которой он разделял добычу со всеми своими сподвижниками неудержимо влекли к нему сердца народных масс. Силы Разина росли не по дням, а по часам.

Весной 1668 года он снова на сотнях лодок со своей ватагою ушел в Каспийское море и добрался до берегов Персии. Целый год грабили и жгли разинцы персидские города, забирая в них богатую добычу: золото, серебро, шелковые материи, дорогие ковры, заморские вина. Персидский шах выслал против Разина большой флот под начальством Менеды-хана. Казаки разбили флот, хана и его сына убили, а его красавицу дочку взял Разин на свой струг, и она стала его наложницей.

25-го августа 1669 года вернулась Разиновская вольница в Астрахань, требуя пропуска на Волгу, а затем к себе на Дон. Царские воеводы, не имея силы оказать казакам сопротивление, согласились пустить их в город и начали с ними переговоры о том, чтобы казаки сдали все добро, награбленное в Персии, но получить им ничего не пришлось. Две недели гулял тароватый атаман в Астрахани, раскидывая деньги астраханской бедноте, катаясь с своими товарищами на разукрашенных челнах по Волге. Во время одной из таких поездок захмелелый атаман поднял на руки свою красавицу персиянку и швырнул ее в реку со словами: «Возьми, Волга матушка! Много ты мне дала серебра и золота и всякого добра, наделила честью, а я тебе еще ничего не дал».

Таково было отношение к женщине у наших предков в XVII веке, и в этом могучий атаман ничем не отличался от них.

Из Астрахани Разин поднялся вверх по Волге, захватил и разгромил Царицын, а затем перебрался на Дон, и здесь на острове Кагальнике раскинул свой стан. Весной 1670 года Разин снова появляется на Волге, он спустился вниз и захватил Астрахань, где по его приказанию был убит воевода Прозоровский, перебиты бояре и приказные; астраханская беднота вся пристала к разинцам и помогала им уничтожать своих исконных лиходеев. Затем он поднимается вверх, берет Саратов и рассылает своих атаманов по всему Поволжью поднимать крестьянство, которому они обещают полное истребление бояр, дворян, приказных, искоренение чиноначалия, установление по всей Руси казачества и всеобщего равенства. На призыв Разина поднимаются крестьяне и все покоренные Москвою народности Поволжья, и восстание охватывает все пространст-

во по Волге от Саратова до Симбирска, на запад до Воронежа и Рязани; бывшие губернии: Нижегородскую, Тамбовскую, Пензенскую, Самарскую и Симбирскую. Вот, например, как рассказывал об этом в своем показании московским властям один из захваченн. ими разинцев: «Из Карсуни мы пошли по черте (линия укрепления) и по селам и по деревням, помещиков и жен их и детей побивали, и дома их разоряли и пришли к Пензе. И как пришли к Пензе и на Пензе к тому вору *) Миньке Харитонову **) пристал вор атаман Васька Федоров и собрались с ним такие же изменники Пензенцы и иных уездов, с Пензы, де, взяли две пушки и с ними, де, Кадомского и Керенского уездов татарове и мордва». Пенза была взята Разинцами 25 декабря 1670 года; ее первый воевода Лачинов был повешен, его крепостные «с теми ворами сложились за един», а весь гарнизон в 900 человек перешел на сторону разинцев.

Сам Разин с главными своими отрядами дошел до Симбирска. Москва напрягала все усилия, чтобы подавить грозившее ее смести крестьянское восстание. Против Разина были посланы лучшие московские воеводы, лучшие войска, в том числе и наемные иноземцы, бывшие на службе Московского царя. В сентябре 1670 года воевода князь Барятинский нанес Разину два поражения под Симбирском. Началось с беспощадной жестокостью подавление восстания: московские воеводы сжигали и сносили с лица земли целые села и деревни, восставших уничтожали всеми способами,—топили в Волге, расстреливали, четвертовали, вешали и сжигали на кострах.

*) «Ворами» в Москве назывались все восставшие против властей и царя.

**) Харитонов один из атаманов Разина.

После поражения под Симбирском Разин кинулся вниз по Волге, но уже ни Самара, ни Саратов не пустили его к себе. Он добрался до своего городка Кагальника, где и провел зиму 1670 года. Весной 1671 г. он пытался взять г. Черкасск, где засели казацкие старшины, но был разбит и вместе со своим братом Фролкой был взят в плен 10-го апреля 1671 г. и выдан Москве. После мучительных пыток и истязаний, во время которых он не издал ни одного крика, его предали 6-го июня 1671 года мучительной казни—четвертованию; отрубили руки и ноги, а затем и голову. Но в сердцах русских крестьян и рабочих Стенька до наших дней остался любимым героем, борцом за народную свободу. Сотни песен, легенд и рассказов создал народ про своего могучего атамана. Его именем назывались в гражданскую войну красные рабочие и казачьи полки, своею кровью защитившие завоевания Октябрьской революции.

Усиление крепостного права в XVIII веке.

XVIII век был периодом дальнейшего расширения и усиления крепостного права, как по всей России, так и в Среднем Поволжье. Московское царство в 1721 году превращается в Российскую империю. Россия в XVIII веке завладевает частью берегов Балтийского, Черного и Каспийского морей. Неудержимым потоком русское сырье: хлеб, лес, кожи, пенька, а также полуфабрикаты, как железо, чугун, медь, полотна хлынули в промышленные страны запада, особенно в Англию. Чтобы добыть это нужны были миллионы рабочих рук, которые могло дать только крестьянство. В самой России также возникают фабрики и заводы, и правительство разрешает прикреплять к ним крестьян; преимущественно это было распространено

на Урале. Здесь к заводам прикреплялись государственные крестьяне, получившие название «поссесионных». Они не выполняли барщины, как помещичьи крестьяне, им нарезались земли, за которые они платили оброк, и, кроме того, должны были выполнять государственные натуральные повинности: работать на заводах, рубить корабельные леса, возить руду, распахивать казенные земли. Часто их гнали на эти работы за сотни верст от их селений. Поэтому среди поссесионных нередко вспыхивали бунты и восстания. Чтобы не допустить рабочих до этого, каждый Уральский завод строился как крепость: окружался рвами, вне его возводились батареи с пушками, находились гарнизоны. Как мера наказания для крепостных фабричных применялись палки (шпицрутены), розги, плети, кнуты, кандалы, колодки на шею и т. д.

Императоры и императрицы русские щедро наделяли в это время своих любовниц и любовников землями и крепостными, в которых они обращали государственных крестьян. Одна Екатерина II раздала 800 тысяч душ, а сынок ее, слабоумный Павел I, за четыре года успел раздать 600 тысяч душ. В бывших Симбирской и Самарской губерниях десятки тысяч десятин отводятся любовнику Екатерины II-й, гр. Орлову, как например, Усольское поместье, охватывавшее всю Самарскую луку; в XVIII же веке в б. Пензенской губернии мы видим также крупные поместья Апраксиных, Шереметьевых, Долгоруких, Трубецких и др. Пензенские помещики на своих землях устраивают заводы винокуренные, чугунно-плавильные, поташные и фабрики полотные и парусиновые, так, например, в селе Нижней Пестравке Городищенского уезда, в 1764 г. кн. Оболенский возводит стекольно-фарфоровый завод (ныне «Красный Гигант»).

В Оренбургской губернии в XVIII веке идет усиленное расхищение башкирских земель, вызывавшее целый ряд башкирских восстаний, при усмирении которых уничтожались десятки тысяч башкирского народа.

Уральское и Оренбургское казачество.

В XVII и XVIII веке закрепощаемые и закабаливаемые крестьяне нередко из Среднего Поволжья бежали далее на Восток на р. Урал. Здесь еще с XVI века начала складываться Уральская казачья община.

Так, в 1577 году часть волжской вольницы, разбитой царскими войсками, ушла на р. Урал и здесь в 1580 г. основала Яицкий казачий городок (ныне г. Уральск). К яицким казакам потянулись все, кому тесно и тяжело было жить на Руси: беглые крепостные, мордва, чуваши, мещеряки, бежавшие из Москвы стрельцы и под'ячие, казацкая голытьба с Дона. В общину принимали всякого, лишь бы он был храбрым, ловким. Община росла и вверх и вниз по реке Уралу и его притокам.

По отношению к яицким казакам царское правительство вело двойную политику: когда казаки совершали набеги на московские земли или грабили московских купцов, для их усмирения посылались войска, с другой стороны Москва пользовалась казаками, как военной силой для борьбы с кочевниками, башкирами, киргизами и калмыками.

В конце концов Москва признала за казаками право на «владение рекою Яиком (Уралом) с сущими при ней реки и притоки и со всеми угодьями от вершин той реки и до устья», было разрешено также казакам набираться на житье вольными людьми.

С XVIII века царское правительство начинает

систематически проводить уже свою военную колонизацию среди уральского казачества и нацменьшинств Урала.

С этой целью от гг. Самары и Уфы проводятся внутрь степей несколько линий крепостей, а именно: Самарская от Самары к Оренбургу, Нижне-Яицкая от Оренбурга до Каспийского моря, Сакмарская по р. Сакмаре от Оренбурга к Уфе и Верхне-Яицкая вверх по реке Урал, до г. Верхне-Уральска (крепость, основанная в 1734 году).

В 1743 г. основывается г. Оренбург при впадении р. Сакмары в р. Урал. Оренбург в скором времени сделался крупным торговым центром, через который происходила вся торговля России с Средней Азией. Здесь был выстроен обширный «Меновой двор», на который одни киргизы пригоняли ежегодно до 200 тысяч голов скота, до 200 тысяч баранов и свыше 10 тысяч лошадей. Русские купцы привозили сюда мануфактуру, хлеб, железо и соль, из Средней Азии привозились бухарские ткани.

Город Оренбург являлся главным центром для Оренбургского казачьего войска, которое организовалось по Среднему Уралу и по линиям Самарской и Сакмарской. Это войско было создано не вольной волею здесь поселившихся людей, но рядом правительственных указов. Так, в 1743—44 г. в гг. Оренбург и Бердскую Слободу были пригнаны 550 городовых казаков и дворян гг. Самары и Уфы и пригорода Алексеевки, в Оренбургские же казаки были зачислены и пришлые люди, жившие в крепостях по названным нами линиям. С 1748 года войско начинается управляться назначаемыми атаманами. Далее состав его пополняется калмыками, татарами, переселявшимися сюда русскими и украинскими крестьянами, отставными солдатами и т. д.

Пугачевский бунт.

На землях Яицкого и Оренбургского казачьих войск и началось в 1773 году новое восстание народных масс, охватившее восточную половину Европейской России и получившее по имени его вождя название Пугачевского бунта.

Емельян Пугачев, казак Зимовейской станицы Донского войска, после службы в армии некоторое время скитался по разным местностям России. В 1773 году он появился в земле уральских казаков и здесь, с согласия некоторых из них, начал выдавать себя за спасшегося чудом от смерти императора Петра III. Петр III-й, муж Екатерины II-й, был убит в 1762 г. одним из ее любовников Орловым, но в народе ходила молва, что, хотя царица с придворными и хотели убить Петра III за его намерение освободить крестьян, но императору удалось скрыться; через некоторое время он где нибудь об'явится и тогда даст свободу крепостным. Выдавая себя за Петра III, Пугачев быстро нашел для себя-сторонников в лице уральских казаков, среди которых только перед этим было восстание, подавленное военною силою. В середине сентября 1773 года Пугачев с отрядом в 300 человек захватил Яицкий городок (Уральск), после чего к нему присоединяется отряд башкир. В конце сентября Пугачев берет крепости: Рассыпную, Чернореченскую, Нижне-Озерную, Татищеву, последняя представляла важный укрепленный пункт на Самарской линии; после ее взятия, разбив затем высланный отряд правительством, Пугачев 5-го октября подошел к Оренбургу и начал осаду города; в это время Пугачевская армия достигала свыше 100 тысяч человек, из них 17.000 было горнозаводских рабочих. Осада Оренбурга

безуспешно продолжалась до конца марта 1774 года. Сам Пугачев жил то в Бердах, то в Каргале, откуда им посылались во все стороны доверенные поднимать восстание среди крестьян, рабочих и угнетенных национальностей: башкир, калмыков, татар, черемисов, чуваш и мордвы.

Из Оренбурга восстание перекинулось в Башкирию, где г. Уфой овладел пугачевец Чика, и на Волгу. 25-го декабря 1773 года Пугачевцы взяли Самару, жители которой встретили его с крестным ходом и присягнули.

Высылаемые правительством войска терпели поражения, бывали случаи, что солдаты переходили на сторону Пугачева, сдавались ему иногда и офицеры, как например Шванович, сын богатого дворянина.

Наконец, екатерининским генералам удалось разбить пугачевцев в двух сражениях 22-го марта 1774 г. под Оренбургом и Татищевой крепостью.

Пугачев скрылся в Башкирию, собрал там новые силы, затем захватил целый ряд уральских заводов, рабочие которых оказали ему поддержку литьем орудий и вступлением в ряды его войск. В конце июня он появился перед Казанью, из которой все дворянство в панике бежало в Москву. Под Казанью Пугачев опять был разбит, но лишь он переправился через Волгу, как восстание охватило все Среднее Поволжье губернии: Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую и Самарскую. В это время он выпускает манифест, в котором обещает крепостному крестьянству все то, чего оно жаждало веками.

В манифесте говорилось «Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим милосердием всем находящимся прежде в крестьянстве быть верноподданными рабами собственно нашей короны и

награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, солеными озерами без покупки и без оброку и освобождаем от всех прежде чинимых от злодеев дворян, градских судей и мздоимцев—крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощение».

Свое предполагаемое государство Пугачев представлял в виде казачьей общины, в которой вся земля будет принадлежать народу, в которой не будет никаких налогов, не будет ненавистной солдатчины и чиновничества. По отношению к помещикам, классовому врагу крестьян и рабочих, манифест предлагал проводить самый беспощадный массовый террор: «кои дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили со своими крестьянами, по истреблении которых, противников и злодеев дворян, всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Екатерина II приказала снять часть войск с Турецкого фронта (у России в это время шла война с Турцией) и бросить их против Пугачева. Когда восстание разлилось по Среднему Поволжью, против Пугачева начали действовать три армии: одна шла за ним по пятам от Казани, вторая двигалась ему навстречу и третья наступала на Пензу. Захватив города—Цивильск, Курмыш и Алатырь, 26-го июля Пугачев овладел Саранском, где он приказал повесить 300 человек—дворян, купцов и приказных. Назначив в городе своего воеводу и

захватив казну, Пугачев двинулся к Пензе, которую он взял 1-го сентября.

Мордва, чуваши и черемисы толпами переходили на сторону Пугачева, в котором они видели своего избавителя. Началось поголовное истребление помещиков. Попы, боясь гнева восставшего крестьянства, служили молебны «о здравии чудесно спасенного императора Петра Федоровича» и приводили народ к присяге ему.

От Пензы Пугачев двинулся не на Москву, что вызвало бы восстание крепостных во всей России, а на Саратов. В этом была его главная ошибка, приведшая его к гибели. Хотя ему и удалось захватить Саратов и Царицын, но затем он был разбит под Царицыном, где потерял все свою артиллерию и обоз, 2000 человек убитыми и 6000 ранеными. Пугачев после поражения расчитывал пробраться на Дон, но за ним неотступно шел один из самых энергичных его преследователей, полковник Михельсон. 20-го августа 1774 г. Пугачев был разбит у немецкой колонии Сарепты, а 14-го сентября арестован и в железной клетке под надзором Суворова отвезен в Москву. 10-го января 1775 года в Москве на Болоте Пугачев был казнен; его должны были «четвертовать», но палач сразу отсек ему голову.

Дорогой ценой заплатило крестьянство Среднего Поволжья за свое участие в Пугачевском бунте. Главный из усмирителей гр. Панин издал инструкцию, которой предписывалось бунтовщикам отрубать руки и ноги, а потом голову, тела же класть на «колеса» посреди дорог; все сочувствующие бунту секлись беспощадно плетьми. В каждой из бунтовавших деревень было поставлено по виселице, «колесу» и «глаголю» (столб с перекладиной наверху в виде буквы «Г») для подвешивания за

ребро. Казнился по жребию один из трех: жены и дети бунтовщиков отдавались в рабство, а земля их переходила к помещикам. Десятки тысяч крестьян были уничтожены при подавлении восстания. Причинами, вызвавшими поражение восстания, были: вражда нацменьшинств не только к помещикам, но и к русским рабочим и крестьянам, на которых они также смотрели как на своих колонизаторов, затем вражда нацменьшинств между собою, например, башкир с киргизами, киргиз с калмыками и т. п.; классовые противоречия среди самих нацменьшинств, например, борьба бобылей—тептерей с землевладельцами, башкирами, наличие у Екатерины сильной регулярной армии, которая после победы над Турцией слабо поддавалась Пугачевской пропаганде. В Пугачевском бунте в зачаточном состоянии выступили все те силы, которые впоследствии свергли царизм.

Главными сподвижниками Пугачева, организаторами и руководителями его войска, были уральские рабочие горных заводов, как например, Хлопуша, ранее рабочий Охтенского завода в Петербурге, Белобородов и др.; за рабочими шло угнетенное крестьянство и поднимались закабаленные царизмом нацменьшинства.

Глава III.

Крепостное право в Среднем Поволжье и его отмена.

После подавления Пугачевского бунта крепостное право тяготело над крестьянством до 1861 г. В это время произвол и жестокости помещиков усиливались с каждым годом, и крестьяне были доведены ими до положения бесправных животных.

Барщина.

В Среднем Поволжье было распространено так называемое барщинное хозяйство. Сущность «барщины» заключалась в следующем: помещиком отводился крестьянской общине участок земли, который крестьяне распределяли между собой, сообразно количеству душ в каждой семье. На этом наделе и должен был прокормиться крестьянин со своей семьей. На обработку своего надела крестьянин мог затратить только часть своего рабочего времени. Большую же часть его он должен был обрабатывать, не получая за это платы, барские земли на своей лошади, с своей сохой, удобрить эти земли навозом со своего двора, вспахать их, засеять, убрать хлеб, а затем перевезти барский хлеб иногда за сотни верст в город для продажи. Чем больше увеличивается вывоз русского хлеба за-границу, тем более помещики стремятся расширить барскую запашку, отнимая у крестьян отведенные им земли и угодья, снося крестьянские дворы, и переселяя их даже в другие губернии, где владельцы имели земли худшего качества.

По закону, изданному Павлом 1-м, на «барщине» крестьяне должны были работать три дня в неделю, но помещики заставляли работать 4, 5, 6 дней, а некоторые даже и в воскресенье. Из каждой крестьянской семьи на барщину выходило два человека—мужчина и женщина, это называлось «тяглом».

В Пензенской губернии процент барщинных крестьян равнялся 71,2 %, в Симбирской—73,3 %, а в Оренбургской и Самарской 83 %.

К числу барщинных работ относились работы на помещичьих фабриках и заводах, которых, как мы уже сказали, было не мало в Пензенской губернии,

были они и в Симбирской губернии, где изготовлялись сукна, в Оренбургской губернии—металлические заводы. Некоторые из помещиков находили, что фабрика может дать доходу «втрое или вчетверо» больше, чем его можно было получить с вотчинной земли. Один из писателей декабристов в своей книге, которая вышла за-границей при Николае 1-м, писал: «В последние годы появилось новое несчастье для бедного русского мужика—суконные и другие фабрики. Помещики помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин, в жалкие лачуги и силой заставляли их работать. Я вспоминаю, с каким ужасом крестьяне говорили об этих заведениях, они говорили: «в этой деревне есть фабрика» с таким выражением, как если бы они хотели сказать: «в этой деревне есть чума».

Бесправие крестьян.

По отношению к помещику крестьянин считался бесправным существом, как домашнее животное или неодушевленный предмет. Помещики могли продавать крестьян семьями и в одиночку, могли их менять на что хотели, например: на лошадей, собак и т. д.

Помещик производил над крестьянином суд и расправу: он мог его сослать в Сибирь, отдать в солдаты (а служба тогда продолжалась 25 лет), подвергнуть порке плетьми или розгами в неограниченном размере, так что наказываемые иногда умирали под розгами. Многие помещики в своих имениях имели свои доморощенные тюрьмы, применяли к крестьянам самые изощренные пытки, так, например, помещица Салтыкова («Салтычиха») замучила несколько десятков человек, а правительство за это наказало ее лишь ссылкой в монастырь.

Крестьяне не могли подавать в суд жалоб на своих помещиков, такие жалобы не рассматривались, а подавшие их подвергались в полиции порке.

Отдавая почти все свое время на барщину, крестьянство жило почти в скотском состоянии. Вот как, например, описывает в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву», жизнь крестьянина первый русский буржуазный революционер XVIII века, пензенский помещик Александр Николаевич Радищев.

«Четыре стены, до половины покрытые, как и весь потолок, сажею, пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью, печь без трубы (по черному), дым всякое утро, наполняющий избу; окна затянуты пузырем, так скупо пропускающим свет, что самый полдень кажется сумерками; два или три горшка (счастлива изба, если в одном, из них всякий день есть постные щи), корыто для свиней, если они есть, и тогда спят вместе с ними, глотая воздух, в котором горящая свеча кажется будто в тумане или за завесою; посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки с лаптями «для выхода».

Укоряя помещиков, Радищев говорит о них: «звери алчные, пьяницы ненасытные, что мы крестьянину оставляем. То, что отнять не можем—воздух. Отымаем у него нередко не только дар земли—хлеб и воду, но самый свет. Закон запрещает отымать у крестьянина жизнь—но разве мгновенно, а сколько способов отнимать ее у него постепенно! С одной стороны почти всесилие, с другой немощь беззащитная.... Вот жребий вола в ярме!».

Радищев ясно видит основную причину такого положения крестьянства—это самодержавие, поддерживающее помещичий строй и он говорит—«самодержавство есть наипротивнейшее человечес-

кому естеству состояние». За свое смелое обличение крепостников и крепостного права Радищев по указу Екатерины II-й подвергся ссылке в один из глухих углов Сибири.

Причины отмены крепостного права.

Начиная с 20-х годов XIX столетия и царское правительство, и наиболее дальновидные из дворян, как например, дворянские революционеры (декабристы), начинают сознавать необходимость освобождения крестьян в интересах сохранения самого же дворянского класса. К этой мысли их приводят следующие обстоятельства.

Несмотря на всю жестокую расправу помещиков с крестьянами, с каждым годом все более и более понижалась производительность крестьянского труда и вместе с тем все менее и менее начинали получать помещики дохода от своих имений. Некоторые из них, применявшие свободный труд наемных рабочих, на практике убедились, что при нем они получают больший доход, чем при крепостном труде крестьян.

Во-вторых, год от году увеличивалось число крестьянских волнений, охватывавших иногда целые уезды и губернии. Так, в 1825—1829 г. был 41 крестьянский бунт, а в 1850—1854 уже 138 бунтов. Увеличивалось и число кровавых расправ крестьянства со своими угнетателями.

Всю опасность этих восстаний для помещиков понимал и Александр II-й, когда, обращаясь к представителям дворянства, он заявил: «Лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, пока они сами себя освободят снизу».

В-третьих, в России после Наполеоновских войн быстро начинает развиваться промышлен-

ность, с каждым годом растет число фабрик и заводов, для которых нужны были свободные рабочие руки. Эти руки могло дать только крестьянство, но оно было закабалено помещиками. Для сбыта продуктов промышленности нужен был внутренний рынок, между тем крестьянство было лишено покупательной способности, так как из него все соки высасывали помещики. Интересы развивающегося класса промышленной буржуазии требовали освобождения крестьян. Царское правительство, в силу указанных причин, должно было пойти на реформу и начало разрабатывать условия ее проведения. К этим работам были привлечены и помещики, которые в каждой губернии составили особые комитеты. Помещики Среднего Поволжья, где была распространена барщина, стремились сохранить за собою земли и выдвигали проекты освободить крестьян или совсем без земли, дав им только юридическую свободу, или же дать им такие малые наделы, чтобы они не могли прокормиться на них и должны были бы арендовать землю у помещиков или же батрачить на них.

19 февраля 1861 года.

19-го февраля 1861 года было отменено крепостное право, но крестьяне получили при этом земли гораздо менее того, чем у них было до освобождения. За отведенные им земли правительство заплатило помещикам вдвое больше их стоимости, а крестьяне должны были уплачивать эти суммы правительству с процентами в течение 49 лет., кроме того в течение ряда лет крестьяне должны были выполнять различные обязанности по отношению к помещику. Если помещик соглашался без выкупа дать землю крестьянам, то он мог отвести им только $^1/_4$ того надела, которым они владели до освобождения.

Такие наделы получали название «дарственных», и они были распространены в Среднем Поволжье. После освобождения царское правительство, кроме выкупных платежей, обременило крестьян целым рядом других налогов: государственными земскими сборами, подушной податью, местными земскими и волостными сборами и т. д.

Сумма платежей бывших помещичьих крестьян в Среднем Поволжье составляла от 124 до 200 % от доходности земли. В результате реформы, например, в Самарской губернии на крестьянскую душу приходилось в среднем 1,9 десятины земли, а на помещичью 120 десятин, т. е. в 60 раз более, в Пензенской губернии надел на душу в некоторых местах был менее десятины, в Оренбургской губернии как многоземельной, наделы были от 3,5 десятин до 5,4 десятин на душу.

В. И. Ленин о реформе 1861 года.

Вот как писал о реформе 1861 года В. И. Ленин: «насквозь лицемерна и лжива та оценка великой реформы, которая у нас стала ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны огромные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены,—посажены на четвертной нищенский надел. На самом деле крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленую им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена была назначена гораздо выше ее действительной цены...

А к этому помещичьему гнету прибавился еще гнет капитала. Власть денег всей тяжестью обру-

шилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно, нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и раскалола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще».*)

Этот мучительный процесс раскрестьянивания, обрисованный такими яркими красками Владимиром Ильичем, переживало и крестьянство Среднего Поволжья.

Народничество.

Куцая реформа 1861 года, ее никчемность для крестьянства рождали в последнем недовольство сво-

*) Сочинения В. И. Ленина, том IV, «Рабочая партия и крестьянство».

им «освобождением» и вызывали в нем надежду рано или поздно получить всю помещичью землю и добиться настоящей воли. Этими крестьянскими настроениями и думали воспользоваться представители, так называемого «народничества», революционного движения, возникшего в России в 60 годах прошлого столетия. Народничество представляло из себя разновидность утопического, т. е. несбыточного, который не мог осуществиться в жизни, социализма. Представителей этого социализма было много и в Западной Европе XIX столетия, как например, Прудон, Оуэн, Фурье, Бланки и др. Утопичен этот социализм был потому, что он основывался не на изучении фактов действительной жизни, которые могли бы быть проверены научно, а на предположениях того или иного экономиста или мыслителя, предположениях, взятых из собственной своей фантазии, возникшей у него в процессе лишь кабинетного мышления.

Утопистами были и все наши народники, как например, Герцен, Чернышевский, Бакунин, Лавров, Михайловский и др. Их утопия заключалась в следующем.

Видя у крестьян общинное землевладение, они приняли его за зачатки социализма в России и полагали, что через крестьянскую общину мы придем к социализму. Отсутствие в общине коллективного производства, коллективного распределения, без коих немыслим социализм,—этого они не видели. Они отрицали развитие в России капитализма, несмотря на то, что росло число фабрик и заводов, что росла численность рабочего класса. Народники утверждали, что у России свой особый ход исторического развития: она, минуя капитализм, прямо из феодального строя перейдет к социализму.

Этот переход они думали произвести через крестьянство, которое, по их мнению, путем пропаганды можно было поднять ко всеобщему бунту против самодержавия и помещиков; так, например, писал Бакунин. Вести пропаганду и агитацию среди крестьянства, по мнению народников, должна была разночинная интеллигенция, которая представляла из себя прослойку между классом крупной буржуазии и классом мелкой буржуазии крестьянством. Состав этой разночинной интеллигенции в 60-х годах был довольно разнообразен: в нее входили и дети мелкопоместных обедневших дворян, сыновья мелких чиновников, сельского духовенства, иногда мещан или одиночек из крестьян. Эта масса молодежи после реформы 60-х годов стремилась к свету знания, стремилась приложить к какому либо делу свои молодые силы. Но этим стремлениям молодежи ставило преграды царско-помещичье правительство, которое предназначало свои гимназии и университеты лишь для дворянских сынков. В промышленности найти приложение своих сил эта масса интеллигенции не могла, так как промышленность не была еще достаточно развита. Произвол самодержавия, жестокая его расправа с народом к которому разночинцы были близки по своей жизни, революционизировали их и делали восприимчивыми к усвоению взглядов народников. Пришлась разночинцам по душе и идея народника Лаврова, что народ должны за собой вести «критическо-мыслящие личности», т.-е. люди, получившие достаточное развитие и стремящиеся итти к более справедливому общественному строю. Интеллигенция и начала смотреть на себя, как на эти «критически мыслящие личности», призванные быть учителями крестьянства и вести его за собою на борьбу с самодержавием и помещиками.

Хождение в народ.

Под влиянием народнических идей в 1872-1873 г.г. среди, главным образом, молодежи университетских городов начинается так называемое «хождение в народ». Участники его небольшими группами отправлялись в различные местности России, переодеваясь крестьянами. Они изучали какое нибудь легкое ремесло, например, кузнечное, сапожное, красильное и т. д. и отправлялись путешествовать по деревням, а иногда и поселялись в них, ведя пропаганду, распространяя прокламации и революционные брошюры. Недовольство крестьян остатками крепостничества, ходившие в народ рассматривали, как недовольство против царя и помещиков во имя социализма. На самом же деле крестьянин бунтовал против помещиков, так как они мешали ему развивать его мелкособственническое хозяйство. Крестьянство наивно верило, что в его борьбе с помещиками царь стоит на его стороне. Поэтому, пока народники говорили против помещиков, крестьяне слушали их, но лишь заходила речь о царе, крестьяне крутили лопатки агитаторам и выдавали их властям.

Царское правительство, получив из разных местностей сведения о пропаганде, начало решительную борьбу с хождением в народ. По всей России в 1874 году было привлечено к следствию о хождении в народ 770 человек, из них 265 арестовано, 452 оставлены до суда на свободе и 53 скрылись. Кроме того, многие были наказаны в административном порядке. «Хождение в народ» было распространено и в Среднем Поволжье. Здесь народники думали найти благодарную для себя почву среди малоземельного крестьянства, страдавшего от частых недородов и голодовок, некоторые из них устро-

ились здесь волостными писарями, сельскими учителями и т. д. Но и здесь «хождение в народ» было подавлено.

Разочаровавшись в возможности поднять крестьянство путем пропаганды, народники приходят к сознанию необходимости создать революционную организацию со строгой конспирацией и дисциплиной, которая бы об'единила все народнические силы, сохранившиеся в городах после царского разгрома. В 1876 году возникает группа, которая в 1878 г. получает название «Земли и Воли». В «Земле и Воле» возникает два течения: одно из них считает нужным попрежнему вести в крестьянстве пропаганду мирным путем, другое же считает, что нужно перейти к борьбе с царизмом, путем террора, покушений на представителей правительства во главе с императором Александром II-м. Это разногласие приводит к тому, что на Воронежском с'езде «Земля и Воля» распадается на две группы: одна из них «Черный передел», стояла за прежнюю мирную пропаганду, другая же «Народная Воля» вступает на путь террора. Исполнительный комитет «Народной Воли», ставит главной своей целью убийство Александра II-го, что и приводит в исполнение 1-го марта 1881 года. Инициаторы и исполнители этого акта: Желябов, С. Перовская, Рысаков, Михайлов, и Кибальчич были преданы смертной казни через повешение, а новый царь Александр III-й, усилив систему политического сыска, добился разгрома всех народовольческих организаций на местах.

С 1887 года партия «Народной Воли» прекратила свое существование. Народничество не получило, как и везде, широкого распространения среди рабочих и крестьянских масс Ср. Поволжья.

В 80-х годах по Поволжью встречаются лишь народники-одиночки, которыми кое-где ведется не-

значительная кружковая работа. Так, в селе Царевщине Самарского округа с конца 1870 г. вел работу учитель Серафимов, который организовал кружок из семи местных крестьян, читал с ними подпольную литературу, вел беседы на политические темы. Участники кружка П. Солдатов и М. Сараев завязали связь с сс. Старый Буяном, Кобельмой, Екатериновкой и Дубовым Уметом, где они также вели революционно-пропагандистскую работу, но без всякой определенной программы. П. Солдатов завязал связи и с рабочими Ширяевских каменоломень. В 1887 г. Серафимов умер, но с начала 90 годов его работу начали продолжать фельдшер Казаков и учителя Валерьян и Гавриил Петровы (братья известного писателя Скитальца).

Революционный марксизм.

С конца 80-х и начала 90-х годов среди рабочих и трудовой интеллигенции Ср. Поволжья на смену народничества, бывшего утопией, начинает выступать научный революционный марксизм, основоположниками которого в России были Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. Следуя заветам великого вождя пролетариата К. Маркса, марксисты учили, что только пролетариат, как единственно до конца революционный класс, может свергнуть иго капитала и освободить человечество от ужасов капитализма и гнета самодержавия. В этой борьбе пролетариат должен руководить другими классами, и в первую очередь крестьянством, в их борьбе против самодержавия. Чтобы выполнить эту великую задачу русский пролетариат должен быть организован, должен иметь свой авангард—свою рабочую политическую партию.

Идеи революционного марксизма с конца 80 и начала 90 годов быстро распространяются по Сред-

нему Поволжью, организуя рабочий класс для борьбы с его вековыми врагами, самодержавием и капиталистами.

Глава IV.

В. И. Ленин в Среднем Поволжье.

В Среднем Поволжье прошли первые 23 года жизни великого вождя русского и мирового пролетариата В. И. Ленина—здесь впервые он увидел и беспросветное рабство «освобожденных», но находившихся в кабале у помещиков, крестьян, и здесь же, изучив труды К. Маркса, осознал великую роль рабочего класса, как вождя революции.

Детство и юность В. И. Ленина в Симбирске (Ульяновске).

Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился в 22 (10)-го апреля в г. Симбирске, где его отец, Илья Николаевич Ульянов, занимал в это время должность инспектора народных училищ. Илья Николаевич происходил из мещанской семьи г. Астрахани. При помощи брата он окончил гимназию, а затем и Казанский университет, добывая уже средства к жизни уроками. По окончании университета И. Н. служил учителем математики в Пензе, а в 1869 г. был переведен на должность инспектора народных училищ в Симбирск, и с 1874 года был там же директором. Мать Владимира Ильича, Мария Александровна (урожденная Бланк), была дочерью врача. Кроме Владимира Ильича в семье Ульяновых было еще пятеро детей: старший брат его Александр Ильич (родившийся в 1866г. стар-

шая сестра Анна Ильинична, младший брат Дмитрий и младшие сестры Мария Ильинична и Ольга Ильинична (умершая в 1888 г.).

Семья Лениных была дружной и культурной семьей. Илья Николаевич отдавал большую часть своего времени школьному делу, организатором которого он и был в Симбирской губернии. При нем в губернии было открыто 400 школ, с 20.000 учащихся. Свои досуги в семье он посвящал детям, руководя их занятиями, особенно двух старших сыновей. Мария Александровна имела сильный характер, соединявшийся в ней с кротостью и чуткостью ко всем окружающим, она стояла в стороне от симбирского дамского общества, отдавая все свое время воспитанию детей и домашнему хозяйству.

Семья Ульяновых жила скромно лишь на жалованье Ильи Николаевича, и только при большой экономии Марии Александровне удавалось сводить концы с концами.

На лето вся семья уезжала в д. Кокушкино Казанской губернии, где у отца Марии Александровны было маленькое имение. Владимир Ильич, как рассказывает в своих воспоминаниях об Александре Ильиче А. И. Ульянова,—был резвым и проказливым мальчиком. Но уже лет с 5-6, он признал авторитет старшего брата, которого он горячо любил и старался во всем ему подражать. О чем бы его в это время ни спросили, он всегда отвечал, что думает «как Саша».

Когда Александру Ильичу исполнилось 8½ лет, Илья Николаевич поместил его в приготовительный класс Симбирской классической гимназии.

Анна Ильинична так рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Отец стоял за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину,

проходя гимназический курс с первых классов. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков. Он боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным поставить мальчиков раньше под мужское влияние».*)

В 1879 году, когда Владимиру Ильичу исполнилось 9 лет, отец поместил его в 1-й класс Симбирской гимназии, в которой он проучился 8 лет, будучи все время первым учеником и получая как по всем предметам, так и по поведению, высшую отметку пять. В последних классах гимназии Владимир Ильич уже пользовался большим влиянием на своих товарищей, как рассказывает один из них Д. Бушуев.

«Повсюду, где только являлась возможность собраться: на гуляньях, прогулках, в садах, а в зимнее время на катках, мы собирались своим тесным кружком, где тов. Ленин ставил вопросы о демократии, о крепостном праве, о тяжелом состоянии рабочего класса, которые подвергались оживленной дискуссии. Уже и тогда тов. Ленин имел всегда за собой большинство, умея доказать остальным правоту своего взгляда. Несмотря на то, что эти собрания носили случайный характер, они оставляли в умах и сердцах их участников неизгладимый след, часто в дальнейшем определявший их общественную работу».

Когда в 1886 году умер отец Владимира Ильича, тов. Ленин был в последнем классе гимназии. Его

*) А. И. Ульянова-Елизарова «Воспоминания об А. И. Ульянове.

брат Александр Ильич, учившийся в Петербургском университете, был арестован 3-го марта 1887 г. за подготовку покушения на императора Александра II-го. Александр Ильич был участником революционной группы «Народной Воли», подготовлявшей произвести цареубийство 1-го марта 1887 года при помощи взрывчатых снарядов. Александр Ильич, как знающий химию, изготовлял динамит для этих снарядов. Царское правительство приговорило Александра Ильича к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 19-го мая 1887 года. Владимир Ильич, оканчивавший в это время гимназию, узнав о гибели брата, с твердостью перенес это известие. Он сказал. «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо итти».

Для него уже в эти минуты был ясен другой путь, путь революционного марксизма, подготовлявшего могильщика самодержавия—рабочий класс.

При окончании гимназии Владимир Ильич был награжден золотой медалью. В отзыве о нем гимназии, который он должен был представить в университет (отзыв был подписан директором Керенским, отцом председателя Временного Правительства в 1917 году А.Ф. Керенского), говорилось: «весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойный по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях непохвальное о себе мнение».

В. И. Ленин в Казани.

Несмотря на такую аттестацию, Владимир Ильич, как брат казненного революционера, не мог и думать о поступлении в столичный университет. В июле 1887 г. он подает в Казанский университет прошение о приеме его на юридический факультет, куда и поступает 25-го (13-го) августа. Студенчество того времени было настроено революционно, так как произвол самодержавия обрушился и на университеты: из них изгонялись наиболее смелые и талантливые профессора, студенты должны были подчиняться строгой дисциплине, обязательно носить всегда форменное платье, за каждым шагом их следила полиция и шпионы. Студенчество всеми силами боролось с этим гнетом, в высших учебных заведениях часто устраивались сходки протеста, которые правительство именовало «беспорядками».

За каждым шагом молодого студента Ульянова следила полиция, тем более, что Владимир Ильич сблизился в это время с бывшим в Казани марксистским кружком Федосеева. 4-го декабря 1887 года в университете произошла сходка, в которой тов. Ленин принимал активное участие, за что и был арестован. Когда арестовывавший его пристав сказал ему «Ну, что вы бунтуете молодой человек, ведь стена». Владимир Ильич ему ответил: «Стена, да гнилая, ткни и развалится». За участие в сходке Владимир Ильич по распоряжению полиции был выслан в д. Кокушкино, в 40 верстах от Казани, где и прожил до осени 1888 г., когда ему было разрешено вернуться в Казань, куда в это время переехала жить и вся семья Лениных. В Казани Ленин продолжает сношения с кружком Федосеева и энергично занимается изучением «Капитала» Карла Маркса.

В. И. Ленин в Самарской губернии и в г. Самаре.

Летом 1889 года семья Ульяновых переехала жить в д. Алакаевку, Богдановской волости, Самарского узда.

С этого времени начинается самарский период жизни Владимира Ильича, продолжавшийся до октября 1893 года. В эти годы тов. Ленин уже выступает, как убежденный марксист-теоретик и как организатор первого марксистского кружка в Самаре.

Каждое лето вместе с своей семьей он проживает в д. Алакаевке, Богдановской волости, бывш. Самарского уезда, остальное время проводит в Самаре, исключая недолгие поездки в Сызрань и дер. Бестужевку, а также в Петербург для сдачи государственных экзаменов за курс юридического факультета.

В дер. Алакаевке, мать Владимира Ильича имела небольшой хуторок с земельным участком в в 82 десятины. Живя в Алакаевке, т. Ленин мог близко соприкасаться с крестьянской жизнью и наблюдать происходившие в ней хозяйственные процессы. Поэтому является весьма интересным, что представляла из себя Алакаевка в то время.

Алакаевка являлась во всех отношениях самой захудалой деревенькой волости.

Все крестьяне ее находились на четвертном дарственном наделе. Ревизских душ в Алакаевке считалось 82, дворохозяев 39. Населения обоего пола в 1889 г. было 197 человек, из них работоспособных 100.

Из 34 домохозяев, владевших наделами, 25 обрабатывали землю своим инвентарем, пять при помощи найма и 4 двора (119)—не обрабатывали вовсе своих наделов. Урожаи в Алакаевке были ниже

средних по всей волости (рожь сам 4.5, овес сам 4). Безлошадных и бескоровных в Алакаевке было 9 дворов или 26 %, с одной лошадью 7, двухлошадных 5, трехлошадных 7, имевших более 3 лошадей 6 дворов. Из 34 дворов у 4 не было своих изб. Из всех жителей только один занимался каким-то ремеслом: на отхожие промысла никто из Алакаевки не уходил, в сельско-хозяйственных рабочих жило десять человек.

На Алакаевку падало государственных, земских и волостных платежей всего 511 рублей 40 коп. или по 6,2 руб. на окладную душу, или по 7,5 руб. на десятину.

Школы в Алакаевке не было, но зато был кабак. Грамотных не было ни одного мужчины, ни одной женщины; из детей у кого-то учились 4 мальчика.

На основании этого краткого очерка экономики Алакаевки и других статистических данных о Богдановской волости можно придти к следующим выводам. Живя в Алакаевке, тов. Ленин мог видеть в ней крестьянское малоземелье (0,8 десятин на ревизскую душу и происходящий на этой почве процесс пролетаризации крестьянства, выражающийся в значительном проценте безземельных, безлошадных. Можно было видеть и уже начавшееся расслоение деревни на три основных ее группы: бедняков (процентов 15), зажиточную кулацкую верхушку (процентов 20-25) и основную массу среднего крестьянства (процентов 60-65).

Обнаруживались в Богдановской волости и кабальные отношения между помещиками и крестьянами: сдача земли в аренду за деньги по высокой цене, за отработку на помещичьих землях или за выполнение других работ, например, вывоз хлеба в Самару. Богдановская волость давала и образцы капиталистического ведения хозяйства: в име-

нии Серебрякова (12.400 дес.) и Чарыкова—(5794 десятин) широко практиковалось применение сел.-хоз. машин и батрацкого труда.

Не могла не броситься в глаза В.И. и культурная отсталость деревни, ее повальная безграмотность.

Все эти явления, наблюдаемые в течение четырех лет, без сомнения, должны были служить для Владимира Ильича иллюстративным материалом и подкреплением тех статистических данных по другим губерниям, изучением которых он был занят в это время. Результатом этих работ и явилась статья тов. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»., которая была найдена лишь через 30 лет в архивах охранного отделения. Вот в каких ярких красках описывает Л. Б. Каменев процесс написания этой работы.

«1892 год. Александр III-й правит Россией. Провинциальная глушь Самара. Обложившись цифрами земской статистики, высланный студент Владимир Ульянов в изучении хозяйственной жизни крестьянства ищет ответа на вопрос о судьбах русской революции. Из-за груды цифр земских статистиков-народников все яснее вырисовывается этот ответ. Деревня расслаивается. Старая опора царской монархии—поравненная в бедности и нищете деревня—распадается. Идет фабрика, а с ней пролетариат, могильщики царизма и буржуазии».

О жизни семьи Ульяновых в Алакаевке сохранились воспоминания у некоторых крестьян этой деревни, которые и были записаны в 1925 году.

Так, крестьянин Матвей Филиппов рассказывает: «Люди были хорошие—жили просто. Кроме матери и Владимира Ильича жили еще здесь Дмитрий Ильич, Мария Ильинична и Анна Ильинишна с мужем Елизаровым. Отношения их к крестьянам были хорошие, не барские. Анна Ильинишна

снабжала нас книгами, а когда разразилась холера, то она организовала аптечку, за нами ухаживала, лечила».

Две старушки Екатерина и Наталья Фроловы, жившие по соседству с Ульяновыми и помогавшие им по хозяйству, говорят о В. И. «Разговаривать он (Владимир Ильич) мало разговаривал, больше читал. Возьмет книгу, заберется или в сад, или в купальню и читает там целый день, а как станет жарко, так он в речку бух».

Эту настойчивую работу В. И. отмечает и Мария Ильинишна: «целыми днями В. И. проводил за книгами, отрываясь только для прогулки и для споров с тем небольшим кругом товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе».

Тов. Голубева, знавшая В. И. в 1891-92 г. г., так характеризует его в это время: «Это был муравей, который рылся, копался. По целым дням он просиживал за Марксом, составлял конспекты, делал выписки, заметки. Трудно его тогда было оторвать от работы».

Так жил В. И. в Алакаевке; в это время он был близок с братьями Алексеем и Евгением Преображенскими, которые с несколькими товарищами организовали народническую колонию близ с. Неяловки, недалеко от Алакаевки. Справка департамента полиции за 1889 г. отмечает: «Получены указания из Самары (по месту пребывания Ульянова), что он продолжает вращаться в среде лиц вредного в политическом отношении направления».

В такой же беспрерывной напряженной работе протекала жизнь Владимира Ильича и в Самаре. Кроме изучения марксизма, он энергично готовился к сдаче государственных экзаменов за курс университета.

В мае 1890 года он получил разрешение министра народного просвещения на сдачу экзаменов и за один год приготовился к ним настолько успешно, что осенью 1891 г. сдал все экзамены при юридическом факультете Петербургского университета и получил диплом 1-й степени.

Возвратившись в Самару, Владимир Ильич в январе 1892 г. поступает помощником присяжного поверенного к известному самарскому адвокату и общественному деятелю Андрею Николаевичу Хардину.

Начинается канцелярская волокита по вопросу о выяснении «благонадежности» В. И. и лишь только в августе 1892 г. он получает возможность выступать, как защитник, в судебных заседаниях. В течение 1892 года Владимир Ильич выступает в суде десять раз, но дела эти не имели важного значения: в семи случаях это были мелкие кражи, в одном случае оскорбление сыном отца, в одном—нарушение служебных обязанностей и в одном—избиение жены. В последнем случае, когда выяснилось, что обвиняемый самарский мещанин Гусев бил свою жену кнутом, Владимир Ильич отказался сделать заявление суду о смягчении наказания для своего подзащитного. Из десяти дел только по одному суд вынес оправдательный приговор.

Деятельность адвоката имела для тов. Ленина значение лишь только потому, что она давала ему возможность легального существования в глазах властей. Все свое время и все силы Владимир Ильич отдавал революционной работе в кружках, которые в это время начали организовываться в Самаре.

Владимир Ильич сближается с Александром Павловичем Скляренко, который вел подпольную

работу в кружках молодежи и имел связи с рабочими и крестьянами. Вначале Скляренко и его товарищи были народовольцами, но под влиянием Владимира Ильича они начали превращаться в марксистов. Тов. Ленин часто бывал на собраниях в квартире Скляренко. Здесь он читал свои статьи, касающиеся экономического развития России. Выступал с критикой работ народников, как, например, Николая-она, Постникова, Карышева и пр.

Кружок Скляренко сделался известным не только в Самаре, но и во всем Среднем Поволжье. Послушать о новом марксистском учении приезжало в Самару много народников. Дискуссии происходили в квартире Скляренко. Вот как рассказывает о них один из участников М. И. Семенов (М. Блан). «Все они (народники) яростно нападали на раз'яснявшее и опрокидывавшее все старые догмы марксистское учение, но под ударами спокойной и подчас язвительной аргументации Владимира Ильича, все они быстро теряли свои позиции. Особенно убийственной и неожиданной для противников была классовая теория, при помощи которой быстро и просто раскрылись такие понятия и идеи, как «народ», «благо народа», «все для народа и через народ» и т. д.

Работа Владимира Ильича и А. П. Скляренко, а также И. Х. Лалаянца, превратила Самару в начале 1890 г. в провинциальный штаб марксизма.

Владимир Ильич покинул Самару осенью 1893 года.

Молодой орел, отточивший марксистские когти в самарской тиши, вылетел на широкий простор классовых битв в Петербург, где и начал претворять теорию в практику революционной борьбы.

Глава V.

Большевистское подполье.

После от'езда Владимира Ильича из Самары работа самарских революционеров марксистов не заглохла, они сумели проникнуть в рабочие массы Самары, организуя среди них первые социал-демократические кружки, призывавшие их к борьбе с капиталом и царизмом.

Первые маевки.

В деле организации рабочих масс Самара всегда шла впереди других городов Среднего Поволжья. Уже в 1896 году здесь была проведена первая маевка. Но празднования 1-го мая самарским рабочим приходилось устраивать, скрываясь от жандармских и полицейских глаз, где-либо за городом: у Постникова оврага, за Волгой, на берегу р. Татьянки, на Коровьем острове, за р. Самаркой и т. п. Обыкновенно уже за несколько дней до 1-го мая жандармы и полиция предусмотрительно старались запрятать в тюрьму и тех членов социалистических партий и тех рабочих, которые могли бы явиться инициаторами маевки. Тем не менее маевки устраивались. На них небольшими группами, стараясь ускользнуть от внимания «недреманного ока», по большей части приезжая на лодках, стекались рабочие со всех концов города. Представители революционных партий произносили горячие речи о значении дня 1-го мая, призывали к борьбе с капиталом, пелись революционные гимны и песни. К вечеру участники маевки также небольшими группами возвращались в город.

„Самарский Вестник".

К концу 1896 года самарские марксисты уже настолько окрепли, что начали издавать первую легальную марксистскую газету в России «Самарский Вестник», в которой принимали участие ряд выдающихся марксистов того времени. В этой газете была помещена статья тов. Ленина «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», в ней он критикует проект народника Южакова об устройстве в деревнях гимназий, в которых ученики крестьяне должны были бы учиться и в то же время заниматься земледельческим трудом, чтобы на доходы от него содержать гимназию. «Самарский Вестник» был закрыт правительством в марте 1897 года.

С 1902 года самарская с.-д. организация становится одной из опорных искровских организаций в России, с этого-же времени быстро идет вперед и революционное рабочее движение в Самаре.

„Искровская" организация в Самаре.

В январе 1902 года приехал в Самару Г. М. Кржижановский (ныне председатель Госплана) с женой Зинаидой Павловной и прожил здесь до июля 1903 года. В это время в Самарской организации работали М.И. Ульянова (теперь секретарь «Правды»), Ф. И. Ленгник, Н. Ф. Пономарев, А. Г. Шлихтер, В. П. Арцыбушев («Самарский Маркс»), К. К. Бауэр, А. И. Соловьев и др., была у организации и обширная перифирия из «сочувствующих».

При помощи Ф. И. Ленгника т. Кржижановский устроился, как инженер, на службу на Сам.-Злат. ж. д., в качестве начальника депо и одновременно помощника нач. участка службы тяги. Эта

служба легализировала его положение. Казенная квартира Кржижановских находилась вдали от города, около депо, что было весьма важно в конспиративном отношении. Вскоре после приезда Г. М. самарскими с. д. было устроено организационное совещание, на котором присутствовали и некоторые с.-д. из других городов, находившиеся проездом в Самаре. На совещании было решено сделать Самару опорным пунктом «искровских» организаций, создать аппарат для получения «Искры» из-за границы, завязать связь с другими организациями и занять испытанными товарищами важнейшие промышленные пункты России. Был выработан шифр, намечены явочные квартиры, ночевки, адреса для получения заграничных писем и организовано паспортное бюро, которым заведывал В. А. Арцыбушев.

Географическое положение Самары на магистрали в Сибирь и на водном пути по Волге способствовали развертыванию работы.

Товарищи, высланные в Самару, и бежавшие в нее из сибирской ссылки, распределялись на работу самарским центром. Переписку с «Искрой» вел сам Г. М. Кржижановский, а также и его жена Зинаида Павловна («Улитка»), им обыкновенно отвечала Н. К. Крупская. Переписка касалась транспортирования «Искры», положения дел в различных организациях, подготовки II-го с'езда на местах и за границей, изыскания денежных средств, явок и т. д.

Эту переписку тов. Кржижановский характеризует в следующих выражениях:

«Вот они заботы и тревоги той поры: финансы и еще раз финансы. А главный и наиболее верный источник—самообложение скудных заработков. Вечные провалы, адреса и шифры, транспортные налаживания, возня с подпольными типографиями,

паспорта, написанные неопытной рукой, поиски верных людей и квартирных пристанищ, организационные неполадки... Непрерывная борьба за твердую линию строительства».

В переписке все города и организации, отдельные товарищи, предметы, имеющие отношение к революционной работе назывались условными именами. Так, Самара—называлась «Дашей», Киев—«Красавском», организационный комитет по созыву II-го с'езда «Александром», II с'езд «Сашей», Московский комитет «старухой», кавказская транспортная группа «лошадьми», паспорта «платками» и т. п.

Успех дела в распространении «Искры» во многом зависел от той строгой конспиративности, какою были окружены ее агенты. Несмотря на все предосторожности, самарские жандармы догадывались о работе Кржижановского, о чем он говорит в одном из писем: «Я получаю уже второе предостережение прямо от жандармов, а досадно! Очевидно, необходимо переходить на нелегальное положение». «Искровская» группа Кржижановского, находясь в Самаре, вела работу во всероссийском масштабе; другие же самарские социал-демократы соприкасались непосредственно с рабочими массами и организовывали их. Пролетариата в Самаре было в это время немного: на Жигулевском пивоваренном заводе Ф. Вакано работало до 500 человек, на семи механических мукомольных мельницах человек 400, на металлических заводах Журавлева, Лебедева и Шерстнева человек до шестисот и несколько сот человек в мастерских Сам.-Злат. ж. д. Но самарские рабочие в своей массе не представляли из себя чистого пролетариата, у большинства из них не были порваны связи с деревней, где у них были зе-

мельные наделы, и куда по временам они возвращались для полевых работ. Вести пропаганду в такой среде было особенно трудно.

„Кружки ядра".

С 1902 года среди рабочих возникают так называемые «кружки-ядра». Инициатором их был Николай Петрович Ковригин, служивший в это время корректором в «Самарской газете», пользовавшийся большой популярностью среди наборщиков различных типографий: к нему они, обыкновенно, обращались за разрешением волнующих их вопросов революционного движения. Ковригин и подал наборщикам мысль об организации «кружка-ядра» из представителей от разных фабрик и заводов, из которого впоследствии и должен был возникнуть районный рабочий комитет Р.С.-Д.Р.П. Провести эту идею в жизнь взялись наборщик И. Демидов среди городских рабочих, а Александров («Свет») среди железнодорожников. Демидов был теоретически подготовлен к этому чтением революционной литературы, которую он получал от своего отца-наборщика и других наборщиков, как, например, Е. С. Борисова, Г. М. Губанова и др.*)

Демидов с жаром принялся за осуществление принятой им на себя задачи. Ему удалось с'агитировать рабочего Ромашевской мельницы В. Бутрова, а затем к началу 1903 года образовать первый «кружок-ядро» из рабочих, в который, кроме, него входили два мельника, два наборщика, булочник, столяр и шляпница. Собрания кружка происходили на квартире у булочника. Теоретические занятия с кружком вел Ляховецкий, выяснявший своим

*) Воспоминания И. Демидова. Архив Истпарта Крайкома ВКП(б).

слушателям основные положения политэкономии и старавшийся пробудить в них сознание классовых инетресов и вытекающую отсюда необходимость революционной борьбы.

Практические задачи для кружка наметил Демидов: они состояли в агитации среди рабочих тех предприятий, где служили участники кружка, в распространении легальной и нелегальной литературы, в образовании библиотеки из легальных произведений. Библиотеку организовал Ляховецкий. Рабочие с удовольствием читали беллетристические произведения «Овод» Войнича, «Борьба за право» Францоза, «Крестьянин» Эркман-Шатриана и др. Агитаторы вели беседы по поводу прочитанных книг, старались перевести разговоры на необходимость борьбы с самодержавием. После такой подготовки давалась для прочтения и нелегальная литература. Но такая агитация охватывала лишь единицы рабочих и не удовлетворяла ее организаторов, которым хотелось развернуть скорее массовую работу. Члены кружка пришли к убеждению, что прокламации и листовки будут лучшим способом агитации, чем беседы с двумя или тремя рабочими и распространение литературы. Весною 1903 года была образована из рабочих группа РСДРП, в которую вошли Н. А. Ковригин, техник «Разум», Ляховецкий и Распопов. Группа обзавелась гектографом и выпустила первую прокламацию под названием «Обращение к самарским рабочим». В прокламации указывалось на тяжелое положение рабочих, на эксплоатацию буржуазией, которую поддерживало царское самодержавие; оканчивалась прокламация лозунгом :«Долой самодержавие!».

Прокламация была разбросана по предприятиям но отношение большинства рабочих к ней было безразличное, лишь мельничные рабочие встретили ее

сочувственно, и благодаря ей удалось организовать второй кружок в 8 человек.

Жандармы забили тревогу, об'ехали все предприятия, допрашивали хозяев и рабочих, старались узнать, кто приносил прокламации, но никого из распространителей найти им не удалось.

Так как на гектографе прокламации отпечатывались неясно, то группа решила перейти к мимеографу, на котором и были отпечатаны в огромном количестве экземпляров несколько последующих прокламаций, уже широко распространенных по всему городу. На одном из собраний у Ковригина участники кружка высказали пожелание обзавестись тайной типографией. И. Демидов взялся для этой цели похитить из типографии шрифты и краску; затем он сводил «Света» (Александрова) в типографию и показал ему устройство типографской кассы и станка. «Свет устроил кассу и станок, Демидов раздобыл шрифт и тайная типография или, как называли в то время, «техника» была готова. Эта типография без провала просуществовала до 1907 года.

Через полгода работы, по словам Демидова, в революционное движение группою было втянуто до 25 рабочих, человек 10 учащихся, хорошо организованных, кроме того, в группу входило пять приезжих социал-демократов; у группы имелась «техника» и был налажен регулярный выпуск прокламаций. 1-е мая 1903 г. было отпраздновано устройством в Постниковом овраге митинга, на котором присутствовало до 30 человек. С речами о значении 1-го мая выступали Ляховецкий и Разум, а затем, впервые в Самаре, рабочие спели революционные песни «Дружно, товарищи, в ногу!», «Похоронный марш» и др.

На железной дороге работа шла вяло до начала 1904 года, пока не поступил слесарем в вагонный цех Костя Калмыков («Бас»), приехавший в Самару

по заданию московского центрального ж.-д. узла. Убежденный социал-демократ-большевик, уверенный в своих силах, но в то же время в высшей степени скромный, Калмыков быстро приобрел авторитет среди ж.-д. рабочих и организовал из них подпольный кружок из 10—12 человек. В кружок входили братья Кузнецовы, Василий и Александр, Д. Ефимов, И. Ерилин, В. Ермаков, А. Синтуранов, Сахчинский, Коханский и др. В кружке Калмыков вел беседы на самые разнообразные темы , как политического, так и партийного организационного характера.

Среди рабочих ж.-д. распространяется нелегальная литература и прокламации в сотнях экземпляров, заводятся талонные членские книжки, по которым собираются членские взносы, производятся отчисления на литературу, в кассу взаимопомощи, в стачечный фонд на случай забастовки.

Осенью 1903 года жандармы, наконец, выследили организацию: в октябре был арестован Н. П. Ковригин, а в ноябре арестованы Демидов, Фирсов М. И. студент-естественник, «Свет»—Александров, Калмыков—«Бас», Буянов и Горшков. На свободе остались лишь Ляховецкий и вновь привлеченные в кружки учащиеся. Все участники просидели в самарской тюрьме 14 месяцев. Вначале все находились в одиночках,и тюремный режим для всех был крайне суровый, но в 1904 году, когда повеяло политической весной, и в тюрьму был назначен новый начальник Орлов, условия заключения изменились к лучшему. Политическим было разрешено сообщаться друг с другом, камеры на день не запирались, в большем количестве начала поступать как легальная, так и нелегальная литература, доходила до тюрьмы и «Искра». В тюрьме группа узнала о происшедшем на II-м с'езде расколе на большевиков и меньшевиков. Такое же разделение произошло и между сидевшими в тюрь-

ме: Ковригин, Дубинин, Азарх, Демидов и Калмыков причисляли себя к большевикам. Фирсов и сидевшие в самарской тюрьме два саратовских с.-д. Мельситов и Воловов склонялись к меньшевизму, Распопов занял нейтральную позицию, называя себя «просто социалистом». В рассуждениях и спорах не мог принять участия лишь Н. П. Ковригин, просидевший все время в строгом одиночном заключении. Когда участники группы вышли из тюрьмы, они могли убедиться, что за время их отсутствия рабочее движение в Самаре не заглохло, а продвинулось вперед.

Демидов рассказывает в своих воспоминаниях, что«не было почти ни одного завода, фабрики или мастерской, где не было бы у с.-д. связей с рабочими».

К 1904 году самарская организация выросла не только количественно, но и качественно: в ней появился ряд новых пропагандистов и агитаторов. Регулярно выпускались прокламации, которые и по содержанию и технике печатания стояли выше прокламации 1902—1903 года.

Работа кружков подготовила почву для массового революционного движения, развернувшегося в Самаре в 1905 году.

1904 год может быть отмечен не только расширением работы местной организации, но и усиленным распространением через Самару большевистской литературы из-за границы. «Ведало этим делом» Транспортное бюро восточного района РСДРП».

Главным деятелем этого бюро являлся Василий Петрович Арцыбушев (умер в Уфе 2/V—1917 г.), имевший кличку «Маркса» за свое наружное сходство с последним. Секретарем бюро была жена Арцыбушева Мария Григорьевна Шехтер. Бюро имело постоянную связь с 17 комитетами Поволжья и Урала. Через Бюро проходили все директивы

ЦК и через него распределялась литература по району. В бюро являлись все товарищи, командированные ЦК на Урал и в Поволжье. Главной явочной квартирой была квартира Арцыбушева, находившаяся на Симбирской (ныне Ульяновской) ул.

В это время, как говорит один из участников Транспортного Бюро, Г. Соколов,—«можно смело сказать, что вся революционная Россия прошла через Самару». Кроме вышеназванных товарищей, здесь побывали: А. И. Рыков, бывший в Самаре в 1904 г. с поручением от ЦК, А. И. Свидерский жил в Самаре и работал в газете «Волжское Слово», муж Анны Ильиничны—М. Т. Елизаров работал в губ. земстве, т. Ландер был редактором «Городского Вестника», Львов-Рогачевский, Дубровинский, Богданов, Воеводин, Позерн и другие.

Симбирское подполье.

В Симбирске большевистское подполье сложилось позднее, чем в Самаре. До 1902—1903 г. здесь никаких революционных организаций не было. Первоначальное ядро симбирских большевиков сложилось из учеников городского училища, как то: В. Рябикова (кличка «Младенец старший»), В. Орлова, С. Никитина и других. Орлов, поступивший после городского училища в Казанское промышленное училище, начал высылать своим друзьям в Симбирск нелегальную литературу.

На революционное развитие симбирской молодежи оказал большое влияние высланный в 1902 г. в Симбирск в один из полков студент Военно-Медицинской академии Юрий Кролюницкий. (В это время по распоряжению Николая II за беспорядки студенты «сдавались в солдаты»). Приезд Кролюницкого оживил работу: установились связи с солдатами и почтово-телеграфными чиновниками,

среди которых и распространялась литература, присылаемая Орловым.

С 1902 года начала появляться в Симбирске и «Искра», высылавшаяся из-за границы. Весною 1903 года Орлов и Рябиков были арестованы, но пробыли в тюрьме недолго. Орлова исключили из училища, и он должен был вернуться в Симбирск. Под влиянием «Искры» Орлов, Рябиков и Кролюницкий решают дать своему кружку название «Симбирской группы с-д», изготовляют для группы печать, завязывают связи с Казанью, Самарой и Саратовом. В 1903 году группа пополнилась семинаристом А. Лебедевым, через которого завязалась связь с семинарией.

Группа силами ее членов изготовила гектограф и начала при помощи его печатать листовки и прокламации собственного произведения, или же делать перепечатки из нелегальных изданий.

После II-го С'езда РСДРП в Симбирск начали наезжать из Самары и Казани представители большевиков и меньшевиков и склоняли симбирцев последовать по тому или другому пути. Симбирская группа самоопределилась, как большевистская.

В начале 1904 года группа получила задание из Самары переправлять на север и восток заграничную литературу.

Одним из представителей искровской организации «Виктором», приехавшим, повидимому, из Одессы, был доставлен в Симбирск под видом «сафьянного товара» транспорт литературы, в 15 пудов весом. В числе книг были «Коммунистический манифест» и др. сочинения Карла-Маркса и Энгельса, «Эрфуртская программа», сочинения Лассаля, Плеханова и др.

«Виктор», удивленный молодостью Орлова и Рябикова дал им клички: первому «Младенец млад-

ший», второму «Младенец старший», под которыми они стали известны в поволжских организациях. Получив литературу, группа для изучения ее создала марксистский кружок, в который кроме членов группы вошли учащиеся фельдшерской школы: «Макс», Ю. Чарочникова, Шура Матвеева и высланный из Москвы студент Борис Прозин.

В 1904 году Симбирские большевики отпечатали на гектографе листовку против русско- японской войны (4000 экз.) и при помощи уличных ребятишек быстро распространили ее среди мобилизованных у самого здания воинского присутствия.

Несмотря на то, что вся полиция была поставлена на ноги, ни автора (Кролюницкого), ни издателей обнаружить не удалось.

Осенью 1904 г. в Симбирске произошла первая забостовка типографских рабочих, в которой руководящая роль принадлежала членам группы. Они сумели сорганизовать всех печатников и выработать для них требования, которые они должны были пред'явить своим хозяевам. Требования были отпечатаны и распространены по всем типографиям Рабочие забастовали, и хозяева дня через три пошли на некоторые уступки, они соглашались даже на введение 8-ми часового рабочего дня. Печатники настаивали на принятии своих требований и продолжали бастовать. Однако, владелец одной из типографий сумел при помощи водки сманить некоторых несознательных наборщиков приступить к работам, а затем началась работа и в других типографиях но как бы то ни было после забастовки с.-д. начинают пользоваться большим влиянием среди наборщиков; два из них Сидоров и Михайлов начинают принимать активное участие в группе. Печатание прокламаций и листовок продолжалось, но гектограф и мимеограф уже не удо-

влетворяли членов группы. При помощи наборщиков была устроена ручная печатная машинка, добыта типографская краска и похищен шрифт из типографий Токарева и Губернской. Подпольная типография на Московской улице была строго законспирирована, в ней работали (Макс) и студент-ветеринар из Казани. Несмотря на все розыски, полиция не могла найти типографии.

Так проходила работа Симбирских большевиков до 1905 года.

Подполье Оренбурга.

Зародышем с-д. организаций в г. Оренбурге нужно считать кружок, образованный в начале 90-х годов среди ж. д. рабочих провизором Давидом Григорьевичем Гансбургом. «Это был человек», как рассказывает о нем один из товарищей—«глубоко-убежденный в правоте и величии идеи, служению которой он отдал себя всецело. Все свободное время он посвещал работе среди рабочих кружков, в которых авторитет его был чрезвычайно высок». Хотя по своим убеждениям Гансбург и был меньшевиком, но его работа много содействовала пробуждению революционного сознания среди рабочих.

Фабрично-заводских рабочих в это время в Оренбургской губернии было немного. Так к 1-му января 1905 года на всей территории губернии насчитывалось 87 предприятий, на которых работало всего 3135 рабочих. Со стороны владельцев фабрик в отношении рабочих царил полнейший произвол: на них налагались часто большие «штрафы», к ним применялась ручная расправа, охраны труда никакой не было, санитарные условия были ужасные, рабочий день продолжался 11 и более часов. На этой почве росло недовольство рабочих, возникали конфликты, но рабочие, не имея руково-

дителей, выступали разрозненно. Самым большим предприятием в Оренбургской губернии были в это время главные мастерские Ташкентской ж. д., среди рабочих которых и создалась крепкая социал-демократическая группа. В эту группу входили из железнодорожных—рабочих: Харламов, Жембурий, Беляев, Славин, Мордовин, Прохорыч и др., от механического завода Эверта Д. Потеряхин, от лесопильного завода Кандалов, а также студенты Юдин и Белоблатский. Занятиями группы руководил Гансбург, ему помогали студенты, но так как они должны были уехать, то за их дело взялась товарищ «Роза». Кроме занятий в кружке подпольная работа выражалась в распространении с-д литературы из Питера, Москвы и Самары. Хотя с-д. группа и была небольшая по количеству ее членов, но уже перед революцией 1905 года она сумела завязать связи со всеми фабриками и заводами в Оренбурге.

Большевики в Пензе до 1905 года.

До 1905 г. с-д. группы в Пензе не было. Когда в 1903 году ЦК решил устроить в Пензе приемочный пункт получения литературы для Самарского транспортного бюро, то приехавший с этой целью в Пензу В. Соколов нашел там, как он рассказывает в своих воспоминаниях, лишь одного своего человека. Это был А. И. Смирнов, заведующий отделом народного образования в земстве, марксист и переводчик некоторых трудов Маркса.

В квартиру его и был привезен Соколовым первый транспорт присланных сюда прокламаций из Бакинской подпольной типографии. Как основная база для получения литературы, Пенза самарскими транспортниками-большевиками была признана неудобной. Смирнов познакомил Соколова с

земским инженером Росселем, который затем и получал здесь транспорты и производил сбор денег за рассылаемую литературу.

До большевиков среди Пензенской интеллигенции вели пропаганду эс-эры, устраивавшие для этого иногда платные вечера. Одним из таких вечеров воспользовался Соколов, сделавший доклад о Бакинской забастовке и устроивший сбор в пользу бакинских рабочих.

Во время приезда в Пензу Соколов, под видом друга Росселя, останавливался у него на квартире, и здесь, в кабинете Росселя, производилась распаковка и упаковка получаемой большевистской литературы. Россель же помог и приобрести печатную машину для Самарской типографии.

Произошло это так. Земство поручило Росселю заведывать типографией. На типографские средства Россель ухитрился заказать машину для Самары, которая даже и не побывала в Пензенской типографии, а была прямо перевезена в Пензе с одного вокзала на другой и отправлена в Самару под видом «машинных частей». В Самаре эту машину сумели благополучно получить и перевести ее в подпольную типографию, которая помещалась в одном из переулков около улицы Льва Толстого (тогда Москательной), на этой машине и печаталась «Хроника восточного бюро РСДРП».

Были, без сомнения, в Пензе и другие большевики до 1905 г., но у них не было связи с массами в этом была их слабость. Архивных материалов о большевистском подполье в Пензе не сохранилось, так как в первые дни Февральской революции весь архив Жандармского управления был уничтожен самим начальником его.

*) Соколов. Транспортно-техническое бюро ЦК.

Глава VI.

Революция 1905 года.

Подпольная работа большевиков дала наглядные результаты в первую революцию 1905 года, когда на борьбу с царизмом поднялись рабочие и крестьяне всего Среднего Поволжья. Забастовки на фабриках и заводах, массовое крестьянское движение против помещиков и властей, открытые столкновения с полицией и войсками, террористические акты против представителей администрации —вот те формы, в которых проявилась революция 1905 года в Среднем Поволжье.

Забастовочное движение в Самаре.

Забастовки по Среднему Поволжью начались сразу после кровавого воскресенья 9-го января 1905 года. Известие о расстреле было получено в Самаре 10-го января, и сразу же вызвало сильное брожение среди рабочих, которые начали производить сборы в пользу пострадавших питерских товарищей. С-Д комитет выпустил листовку, в которой призывал Самарский пролетариат к политической стачке и выставлял требования 8-ми часового рабочего дня и свержения самодержавия. Забастовка началась 30 января и продолжалась до 5-го февраля: в ней принимали участие рабочие механических заводов, мельниц, печатники, пекаря и железнодорожники. Январская забастовка была первым политическим выступлением Самарского пролетариата. Благодаря этой стачке улучшилось положение печатников и железнодорожников, но она показала и другим рабочим, как им нужно добиваться улучшения своего положения. После этой стачки последовал ряд других стачек, охватывавших раз-

личные предприятия в течение февраля—апреля месяцев. Празднование 1-го мая опять послужило поводом к забастовке, продолжавшейся в общем около 2-х недель.

1-е мая в 1905 году приходилось на воскресенье. С-Д комитет решил в виду под'ема революции возможно шире провести празднование и даже всеобщую стачку. Еще накануне все кружки РСДРП на фабриках и заводах были оповещены, что маевка состоится у Постникова оврага.

С утра к назначенному месту потянулись группами рабочие. Митинг начался с 12 часов дня. Выступал ряд ораторов. Красивую речь произнес Б. П. Позерн («Западный»). Он вспомнил времена казацкой вольницы Стеньки Разина, которая боролась против гнета царей и бояр. Ее движение было подавлено, так как шла она стихийно. «Теперь вольница опять поднимается, во главе ее идем мы, люди, знающие, чего они хотят, и это движение приведет к положительным результатам».

После митинга кем-то было предложено собраться в Струковском саду, затем присутствовавшие в числе нескольких сот человек, стройными рядами, начали возвращаться в город.

По близости города, в поле манифестантов поджидала конная и пешая полиция, которая при виде организованности рабочих, никого не осмелилась арестовать. Вечером много рабочих пришло в Струковский сад, переполненный буржуазной публикой. Часов около 10 вечера рабочие, собравшись около музыкальной эстрады, потребовали исполнения «Марсельезы». Музыканты отказались играть и тогда рабочие сами запели: «Отречемся от старого мира», Раздались крики: «Долой самодержавие! Долой полицию!

Получился эффект поразительный; публика бросилась врассыпную, точно зайцы, бросая зонты и палки, вопя «Спасайтесь»!.

Часть демонстрантов с пением «Марсельезы» вышла из Струковского сада и пошла по Красноармейской ул. по направлению к соборному садику. Здесь их поджидали казаки и полиция, в которых начали бросать камни. Из толпы демонстрантов раздалось несколько выстрелов вверх. Тогда, казаки начали нагайками избивать демонстрантов. Часть последних скрылась в соборном саду, где они и были арестованы.

Майскую забастовку начали коночники, не вышедшие 1-го мая на работу. На следующий день 15 (2-го мая) к ним присоединились печатники, затем столяры, портные и портнихи, шляпочницы.

16 (3) мая забастовали мельничные рабочие. На Жигулевском заводе, где владелец Вакано с тремя инженерами—иностранцами старался удержать рабочих от забастовки, был сильно избит инженер Шоман. 18 (5) к забастовке присоединились металлисты, и число бастующих достигло 6.000 человек. С 19 (6) мая забастовка пошла на убыль, но тем не менее забастовки не прекращались уже в течение всего 1905 года.

Стачечное движение в Самаре достигло наибольшего развития в октябре 1905 года. Когда началась всеобщая забастовка, то Самарские рабочие устроили вечером 22 (9) демонстрацию на Дворянской улице с пением «Марсельезы» и возгласами «Долой самодержавие-», «долой полицию, да здравствует свобода!». С-Д комитет выпустил листовку, в которой призывал рабочих примкнуть к всеобщей забастовке. В листовке писалось «Вставай рабочий, час борьбы настал. Бросай работу, пусть станут мастерские, пусть не дымятся трубы фабрик, пусть

не ходят поезда... пусть швея бросит иглу и грузчик свою многопудовую, ношу.... Устроим праздник, и то будет не праздник мира, а праздник битвы с врагом рабочих, царем, убийцею народа! В прокламации выставлялись требования 8-ми часового рабочего дня, создания демократической республики. С 24-го (11) началась всеобщая забастовка. В ночь на этот день прекратилось движение поездов по Самаро-Златоустовской жел. дор. от Батраков до Челябинска. 25-го забастовали типографии, началась забастовка в средне-учебных заведениях. 26-го в городе закрылись все фабрики и заводы, мельницы, мастерские, к 12-ти часам дня в Струковском саду собралась толпа рабочих и учащихся в несколько тысяч человек, которая прошла по всей Дворянской, закрывая учреждения. Большевики приняли самое активное участие в проведении всеобщей забастовки, их ораторы устраивали повсюду летучие митинги, снимали с работы и т. п. К 2-м часам работа везде прекратилась. К 3-м часам демонстранты подошли к тюрьме, требуя освобождения заключенных, затем направились к мужскому монастырю (где теперь начало рабочего поселка) там состоялся митинг, на котором было до 20 тысяч участвующих. После митинга тысяч 12 демонстрантов—возвратилось в город, проходя по Самарской улице и Льва-Толстого, а затем по Дворянской (Советской). В здании почты, на углу Панской и Дворянской, (Ленинградской и Советской) находились казаки, напоенные водкой и подготовленные к расправе.

Когда толпа подошла к почте, казаки преградили ей путь; откуда то раздался выстрел, и спешившиеся казаки дали несколько залпов по толпе. В результате их было 12 человек раненых тяжело, при чем один из них—рабочий Журавлевского за-

вода Карасев Иван Васильевич на третий день от полученных ран скончался, несколько десятков человек отделались легкими ранениями; со стороны казаков было ранено 2 человека и убито 2 лошади. Выпущенная большевиками листовка, призывавшая к дальнейшей забастовке, говорила: «День 13 октября да будет вечно памятен Самарскому пролетариату. В этот день кровь наша пролилась на мостовую Самары, и пали 12 жертв под царскими пулями.

Похороны убитого Карасева, происходившие 31 (18) октября, сопровождались опять манифестацией. В этот день, как раз, в Самаре был получен манифест Николая II-го о «свободах» и о созыве Государственной Думы. С этого дня в Самаре становится очагом революции Пушкинский народный дом. Здесь происходят митинги, устраиваемые большевиками, здесь же происходит организация профсоюзов. Всеобщая забастовка продолжалась до 5-го ноября—(23 октября); первыми, по распоряжению Московского Бюро, несмотря на убеждения большевиков, прекратили забастовку железнодорожники. 6-го ноября к работе приступили и остальные предприятия Самары. Работе большевиков среди рабочих масс много мешали меньшевики, с которыми приходилось работать в одном комитете, который считался об'единенным. Так, меньшевики тормозили дело организации боевых дружин, за которое энергично взялись большевики, подготовляя рабочие массы Самары к вооруженному восстанию. К началу декабря в Самаре по инициативе с-д комитета возникает первый Самарский Совет

рабочих депутатов, в нем было 35 человек, из которых 23 были соц.-демократами. Председателем совета был большевик Н. Е. Вилонов, его товарищем Н. Н. Накоряков. Совет имел только 4 заседания, в последнем 1916 г. 13 декабря он призывал Самарский пролетариат снова к политической забастовке, которая должна была перейти во всенародное вооруженное восстание. Но дни Совета уже были сочтены. Правительство, разгромив вооруженное восстание в Москве, принялось за разгром революционного движения и по всей России. 21-го (8) декабря началась вторая политическая стачка в Самаре, а 23-го (10) декабря войска и полиция под командой полковника Баранова окружили Пушкинский дом, где на митинге собралось до 2.000 чел.

Первоначально собравшиеся думали оказать сопротивление, но так как большинство были безоружны, то пришлось сдаться; имевшееся у некоторых оружие или было брошено в уборной, или запрятано в калориферы. При выходе из дома все обыскивались, при чем многие были избиты казаками и полицией. К концу декабря прекратилась и вторая политическая забастовка. Рабочее движение во главе с своим авангардом большевиками—должно было уйти в подполье и там готовиться к новым боям и к своей окончательной победе.

Рабочее движение в Оренбурге.

Вторым центром рабочего движения в Среднем Поволжье в 1905 году был Оренбург. Первую забастовку здесь подняли в марте 1905 года рабочие

железнодорожных мастерских, требуя вместо 10 ти часового рабочего дня 9-ти часовой, а также повышения оплаты сверхурочных. Во вторую забастовку 12 сентября к ним примкнули и рабочие депо, бастовало свыше 1.000 человек и снова часть их требований была удовлетворена. Но один из большевиков железнодорожников Мордовин уже тогда говорил своим товарищам: «Мы должны быть готовы к более серьезным, к более важным политическим требованиям, а не к экономическим мелочам. Подачками рабочие не улучшат своего положения». Когда возникла всеобщая политическая забастовка, к ней примкнули и рабочие Оренбурга. В это время к экономическим требованиям были добавлены и политические и рабочие встали под красные знамена большевиков. Забастовку начали 16 октября 1905 года,—главные мастерские, к ним присоединился завод Эверта. Забастовщики затем обошли все предприятия Оренбурга, везде прекращая работу. На площадке около боен было устроено собрание, на котором присутствовало несколько тысяч человек. Губернатор выслал сначала для разгона толпы казаков, но затем отозвал их Забастовка продолжалась до 7-го ноября, но затем она была подавлена. Пытались рабочие поднять забастовку и в декабре 1905 года, руководителями его были рабочие Славин, Мордовин, Жамбурия, Харламов и студент медик Турашвилли. 2-го января 1906 года руководители забастовки были арестованы, и всем рабочим об'явлен расчет. В 1905 году начинается в Оренбурге и профессиональное движение; первым здесь возник, во время декабрь-

ской забастовки, союз мельничных рабочих. Остальные профсоюзы возникли позднее в 1906—1907 гг.

Рабочее движение в Симбирске.

В начале 1905 года Симбирская группа большевиков пополняется новыми товарищами: врачами Зиновием Соловьевым, Дмитрием Ульяновым (брат Владимира Ильича) и земским статистиком тов. Черноморднком. Группа пополняется и рабочими. С начала весны 1905 года Симбирский с-д. комитет начинает устраивать по воскресеньям в Обрезковом саду массовки, на которые собиралось до 200 человек. Ораторами выступали обыкновенно Кролюницкий и Орлов. Октябрьская забастовка в Симбирске охватила ж.-д. служащих и рабочих, почтово-телеграфные конторы, служащих земства. Широкое развитие забастовочное движение получило в Симбирске лишь в следующем 1906 году. С конца 1905 года начали организовываться в Симбирске и профессиональные союзы. Первым возник Союз пекарей, затем союз типографских рабочих, далее союзы портных, домашней прислуги, металлистов, строительных рабочих, столяров и приказчиков.

Рабочее движение в Пензе.

Рабочее движение в 1905 году в Пензенской губернии не получило широкого размаха, выразившись лишь в ряде забастовок, главным образом, экономического характера. Начались эти забастовки вскоре после кровавого воскресения, 9-го января. 17-го января произошла забастовка

на фабрике Казеева в с. Б.-Луки, Керенского уезда. Забастовали 185 ткачей, требовавших прибавки заработной платы в размере 30 коп. на полкуска сукна, но так как остальные 100 человек рабочих к забастовке не примкнули, то она прекратилась через четыре дня. Неудачна была и следующая забастовка—телеграфистов Пензы и Рузаевки; 4-го февраля они пред'явили М.-Каз. ж. д. 20 требований экономического характера, но ни одно из них не было принято администрацией, а забастовавшим было об'явлено, что 6-го февраля они будут уволены, если не приступят к работе. 7-го февраля телеграфисты приступили к работе, хотя в это время и началась забастовка 300 рабочих депо станции Рузаевка. На станцию были высланы войска и казаки, и забастовка прекратилась. На Литвинской фабрике происходила забастовка с 24-го по 28-е октября, рабочие добились только прибавки по 20 копеек с куска сукна. В с. Лашме рабочие подожгли ряд построек винокуренного завода Арапова, разгромили вальцовую мельницу, и дело дошло до вооруженного столкновения с полицией и казаками.

Подводя итоги рабочему движению Среднего Поволжья в революцию 1905 года, можно сказать, что это движение получило широкий размах лишь в Самарской губернии, где уже до этого, с начала 1900 годов сложилась крепкая большевистская организация, которая и могла руководить как забастовочным, так и профессиональным движением. В других губерниях Среднего Поволжья большевистские организации лишь только начинали скла-

дываться и не имели еще необходимых сил для того, чтобы охватить своим руководством рабочий класс.

Крестьянское движение в Симбирской губернии.

Крестьянское движение, охватившее в революцию 1905 года все Среднее Поволжье, было гораздо сильнее и напряженнее рабочего движения в это время, и подавить его правительству удалось лишь к половине 1907 года. Слабой стороной крестьянского движения являлось то, что оно было неорганизованно, распыленно и не имело связи с движением рабочих в городах. Экономическими причинами, вызвавшими крестьянское движение, являлись их малоземелье и кабальные арендные сделки, при помощи которых помещики высасывали из них все соки.

Впереди других губерний и в крестьянском движении, как и в рабочем, шла Самарская губерния. Здесь в движении принимало участие 190 волостей из 306 волостей, бывших в это время в губернии, т.-е. 62 %. По размеру убытков, причиненных помещикам, Самарская губерния заняла второе место во всей России, после Саратовской, в последней убытки от разгромов составили сумму в 9.550.320 рублей, в Самарской же губернии они выразились в сумме 3.915.017 рублей. Наиболее сильные аграрные беспорядки были в уездах Бузулукском, Самарском и Ставропольском, южная часть губернии участвовала в движении слабее. Движение крестьянства направлялось как против крупных земельных собственников, так и против властей и государственного порядка. Собственно аграрные беспорядки выражались в разгроме усадеб, в поджогах, в разграблении помещичьего имущества (увоз хлеба и

сена), покосах и порубках. Борьба против властей выражалась в отказах от платежа податей, в движении против сельских стражников, в политических манифестациях и в попытках вооруженного восстания. Разгром помещичьих усадеб происходил, главным образом, в конце ноября 1905 года. Все эти погромы происходили приблизительно в том виде, как произошел разгром богатейшей экономии Зубовской в Бугурусланском уезде*), принадлежавшей помещикам Марковым. Вот картина этого разгрома, данная исследователем крестьянского движения. Н. Н. Сперанским.

Разгрому Зубовской экономии Марковых предшествовал увоз с поля экономического сена, которое сначала возилось по ночам. С утра 22 го ноября (5 декабря) появившиеся на улицах кучки молодежи, стариков, женщин и детей направились к экономии и, перебравшись через сад к дому владельца, начали его громить. Послышался звон разбиваемых окон и дверей. Толпа ворвалась в дом. Полетели на пол люстры, лампы, зеркала. Все это топталось ногами. Большую часть роскошной библиотеки владельца имения, по сообщению «Самарского Курьера», местному учителю удалось спасти от погрома. Разгромив дом, толпа перешла в кладовые и контору. Находившиеся в кладовой вина были выпиты, выпили также и хранившийся в кладовой денатурированный спирт. В конторе разбили кассовый несгораемый шкаф и разорвали конторские книги. Той же участи подверглись богатые оранжереи. Затем, крестьяне перешли во двор, разбили кладовые амбары и подвалы, вывели лошадей и коров, большую часть которых уводили к себе, незахваченный же скот выпускали на волю. Не-

*) В то время Самарского уезда.

которые запрягали экономических лошадей и навьючивали целые воза всевозможных запасов и с.-х. инвентаря. Ночью сломали замок у амбара с 40.000 пудов ржи. В эту же ночь разбили винокуренный завод и подвал с налитым в нем спиртом, которого было до 18.000 ведер.

В первую ночь разгрома был сожжен также скотный двор, а в следующие—материальный сарай, кирпичный завод, рабочие казармы, склад дров, другие постройки и отдельные хутора имения. Убыток определялся выехавшей потом на место комиссией около ½ миллиона рублей.

Большинство помещиков бежало из имений, лишь только крестьянская толпа появлялась вблизи имения. Крестьяне шли вооруженные кольями, вилами, палками, изредка у них были и ружья, иногда ими пред'являлись и некоторые требования, но разгром все равно происходил, если даже эти требования и удовлетворялись.

В разгромном движении участвовало 149 сел и деревень, разгромлено было 79 хуторов и усадеб, 50 из них были уничтожены совершенно.

Из движений, носивших политический характер, нужно остановиться на образовании Старо-Буянской крестьянской Республики. Выше мы уже говорили, что в с.с. Царевщине, Старом Буяне и др. существовал революционный крестьянский кружок еще с 90-годов прошлого столетия, наиболее видными деятелями которого были крестьяне—Порфирий Солдатов и Лаврентий Щибраев. В 1904 году кружок этот завязал связи как с самарскими с-д. так и эс-эрами. Из большевиков сюда наезжали Дмитриев («Разум»), А. Коростелев, М. Досов. Благодаря пропаганде, Царевщина в революционном отношении стала впереди остальных деревень Самарской губернии. 16-го (3) ноября здесь состоял-

ся сход, на котором присутствовали и представители с. Старого Буяна. В принятой резолюции говорилось, что крестьяне поднимают вооруженное восстание, что они противопоставят насилию и произволу чиновников свою силу, удаляют все волостное правление, все должностные лица у них будут выборные, и они приступят к обсуждению вопроса о переходе всех земель, лесов и лугов в общенародное достояние. Эти постановления были отпечатаны на гектографе и распространены по всем деревням. Старо-Буяновцы взяли в свои руки все дела волостного правления, заставили отказаться от власти должностных лиц и вместо них выбрали своих. Крестьянин Антип Князев был избран ими в председатели «Старо-Буянского народного управления». На сходе же ими была принята своего рода конституция, названная ими «Временный закон по Старо-Буянскому волостному народному управлению». В первой части ее говорилось, что «С'езд постановляет настоящего правительства не признавать и не считаться с его законами, а с 13 ноября 1905 года об'явить свою волость управляющейся самим народом, при чем, законодательная власть принадлежит народному с'езду, а исполнительная—народному правлению».

В этой крестьянской конституции, составленной ими при участии учителя с-р. В. Петрова, было несколько десятков параграфов, которые говорили о самоуправлении в волости, о правах и обязанностях выборных должностных лиц, о разрешении аграрного вопроса, народном образовании и т. д.

От ведения каких бы то ни было переговоров с приезжавшими в Н. Буян властями крестьяне категорически отказывались. Эта крестьянская республика просуществовала две недели до 26-го ноября, когда в село прибыли жандармы и казаки

и арестовали всех руководителей движения. На ащиту их население не выступило, и вооруженного восстания в волости не произошло.

2-го августа 1906 года была неудачная попытка вооруженного восстания и в с. Кинель-Черкассы, где у крестьянской молодежи была даже боевая дружина, вооруженная винтовками и бомбами.

Самарский Комитет РСДРП с 1905 года начинает вести работу в деревне, выделяя для этого особых товарищей.

Большевикам в деревне пришлось столкнуться с эс-эрами, у которых уже были связи в деревне. Партия эс-эров, возникшая в 1902 году, была партией народнической. Она также как и народники основной силой революции считала крестьянство, главным методом борьбы с самодержавием террор. С-Р. вели среди крестьянства агитацию, говоря, что они дают крестьянам всю землю, большевики же лишь одни «отрезки». Постановления III-го с'езда партии о конфискации всех помещичьих земель лишило эс-эров возможности вести агитацию на этой почве. Главными темами бесед с крестьянами были такие: самодержавие царя и самодержавие народа, подати, налоги, вооруженное восстание, Учредительное собрание, демократическая республика и т. п. В конце 1905 года при комитете РСДРП быласоздана особая аграрная группа, состоявшая из раз'ездных агитаторов. Кроме них, в деревне вели агитационную работу и самарские рабочие, у которых имелись связи с деревней, как, например, металлисты—большевики Попов и Головчанский, Елфимов, Кузнецов и другие.

В августе 1906 года Самарский комитет РСДРП провел совместный с'езд рабочих и крестьян, который в прокламациях назывался «Совет рабочих

крестьян и мещан». Этот с'езд продолжался 27—28 августа (9—10 сентября), на нем участвовало 23 рабочих, 26 крестьян и 7 мещан.

Созыв с'езда показывает, что уже в революцию 1905 года Самарские большевики старались проводить в жизнь идею союза рабочего класса и крестьянства. С'езд выработал программу действий, которые крестьянство должно было предпринимать в ходе революции до вооруженного восстания (отказ от податей, взятие вкладов из сберкасс, агитация среди солдат и т. д.) и во время вооруженного восстания (обезоружение полиции, захват ж. д. путей и правительственных учреждений и т. п.) За время 1905—1907 гг. Самарский Комитет РСДРП выпустил для деревни до 80.000 листовок).

Несмотря на всю силу крестьянского движения в Самарской губернии царскому правительству при помощи солдат, казаков, жандармов и полиции удалось подавить движение. Всего было привлечено к суду до 2.000 человек, из них 974 крестьянина было приговорено к различным наказаниям.

Крестьянское движение в Пензенской губернии.

На втором месте по аграрному движению в Среднем Поволжье стоит бывшая Пензенская губерния. В 1905 г. все десять уездов ее были охвачены крестьянским движением. Причины движения были те же, что и в Самарской губернии. Цена арендуемой земли доходила в Пензенской губернии до 20 и более рублей за десятину. Из всей земельной площади Пензенской губернии в 3.418.416 десятин помещикам, которые составляли менее 10% всего населения, принадлежало 37% земли, а крестьянству, которого было более 90% принадлежало лишь 1.814.031 дес. или 53%.

Наибольший под'ем движения и в Пензенской губернии пришелся на ноябрь 1905 г.; с 1-го по 20 ноября здесь подверглись разгрому 63 имения. На каждый день приходилось по 2—3 поджога.

Пензенские помещики, как, например, Араповы, Римские-Корсаковы, князья Шаховские и т. п. засыпали премьер-министра Витте и министра внутренних дел телеграммами об оказании им помощи. Из Питера летели телеграммы Пензенскому губернатору, и он должен был перекидывать войска, полицию и казаков из одного имения в другое. Но сил этих было недостаточно—всего рот десять пехоты и сотни три казаков. Поэтому генерал-ад'ютант Сахаров, который был командирован в Пензу Николаем II для подавления беспорядков, издал распоряжение, что «Пехота должна занять наиболее важные центральные пункты, выделяя лишь отдельные команды для охраны усадеб. Конные же части должны были высылать во все стороны раз'езды и чаще показываться в различных селениях и усадьбах.» Этими приемами власть хотела создать среди крестьянства впечатление, что в губернии находится много войск.

Формы движения в Пензенской губернии были те же, что и в Самарской: разгромы усадеб, поджоги, разграбления, порубки, потравы и т. д., но самая борьба была ожесточеннее и сопровождалась большим количеством жертв, как со стороны крестьян, так и со стороны правительственных властей. Так в дер. Федоровке Пензенского уезда крестьяне лишь с одними кольями и камнями бросились на казаков и стражников, крича: «Бей, режь их». Казаки начали стрелять, что еще более разожгло толпу. Крестьяне кричали—«двух смертей не бывать, одной не миновать, и, несмотря на данный казаками залп, теснили их. В этой схватке был убит один кре-

стьянин и ранено двое, со стороны казаков было ранено двое. В с. Поиме, Чембарского уезда был убит урядник Есин и ранен урядник Соколов. В селе Каменка, Нижне-Ломовского уезда, во время столкновения крестьян с полицией и войсками, один из крестьян доской ударил Нижне-Ломовского исправника по голове, а подбежавшие бабы камнями и палками добили его, в Мокшанском уезде был убит земский начальник Сабуров.

Крестьянское движение в Симбирской губернии.

В Симбирской губернии аграрное движение началось в марте 1905 года в уездах Алатырском, Ардатовском и Курмышском крестьянами, которые пострадали от неурожая 1904 и 1905 г. г.

В это же время начались беспорядки и в Корсунском, Сенгилеевском и Сызранском уездах. В последнем особенно волновались волости Самарской Луки, где находились громадные имения гр. Орлова-Давыдова, кн. Долгорукого и Ушакова, у которых крестьяне должны были арендовать земли. Эта местность была благодарной, в смысле пропаганды, и сюда постоянно приезжали агитаторы из Самары. Наибольшего обострения борьба крестьян с помещиками, как и везде, достигла в ноябре 1905 года. В это время произошло большое число разгромов и поджогов помещичьих имений и вооруженных столкновений с полицией и казаками, так, например, в экономии Насакина были тяжело избиты палками исправник и его помощник.

Для подавления беспорядков в 1906 году Симбирский губернатор составил конный отряд из 400 стражников, нанимали стражников и отдельные помещики. Усмирители не останавливались перед самой жестокой расправой с поднявшимся

крестьянством. Так, например, в с. Малой Цыльне, Буинского уезда, где крестьяне-татары пытались произвести запашку земель русских крестьян дер. Русской Цыльны (татары считали эти земли своими, а они были проданы помещиком Мотовиловым русским крестьянам) было убито трое татар, два тяжело ранены и больше десяти ранено легко.

А вот картина того, как в с. Труслейке, Карсунского уезда у крестьян отбирался «расхищенный лес» удельного ведомства.

20-го сентября 1906 года, в среду, т.-е. в базарный день, в село Труслейку нагрянули, как снег на голову, со всех четырех сторон 60 человек стражников, две роты солдат и 30 человек казаков в сопровождении двоих офицеров, помощника исправника, пристава и чиновника Казанской удельной конторы, седенького старичка, по прозванию «крыса».

Базар шел обычным порядком.

«Крыса», как и его спутники, приняли базар за митинг. Раздается команда: «разогнать». И... «пошла писать деревня»... Засвистали в воздухе нагайки, раздув широко ноздри, помчались кони по живой стене... Не прошло и трех-пяти минут, как от всего базара до полуторы сотни человек валялось на земле, обливаясь кровью... Очевидец так описывал это побоище:

«Там бежит спотыкаясь и падая с воплем девушка крестьянка...., там—перепрыгивая через телегу и сорвавшись с нее—тяжело падает на землю беременная женщина космачкой (с открытой головой) и, разувшись, просит помочь ей встать... но увы... Кругом одни стражники. Дальше шесть дюжих молодцов во все лопатки хлещут 70-летнего старика, прижавшегося к телеге, но уже лишившегося сознания (после порки старик был «причащен», так как был избит почти до смерти)... Еще дальше

сквозь строй гонят мужиков, парней и торговцев, без разбора, кто чей и «откудова». Телеги перевернуты, товары валяются в грязи, топчутся, а лошади приезжих базарников храпят, мечутся и рвут сбрую. Кончилась свалка, и базарная площадь опустела. Только кое-где собирает последние силы раненый, хочет встать, но опять падает».

Затем началось «собирание» удельного леса. Было приказано ломать и разбирать все новые постройки, так как предполагалось, что они сложены из расхищенного леса. Затрещали дома, амбары, конюшни, бани, заборы, сыпались бревна, доски, горбыли... Все это складывалось и отвозилось крестьянами, которые, работая под наблюдением «крысы», понуждавшего их при помощи вооруженной силы, накладывали воза не по силе лошадей, а по приказанию чиновника. Таким образом, около 35 лошадей было надорвано, при чем, хозяин лошади не смел и пикнуть: на него сыпались за это 25 ударов плетью. Таким образом, было 100 ударов мужикам и 5 ударов «бабе»...

Так проходили 1905 и 1906 г. г. в Симбирской деревне. Всего за это время по 8 уездам понесли убытки 104 владельца на сумму 1.016.750 рублей.

Крестьянское движение в Оренбургской губернии.

В Оренбургской губернии наиболее революционным в 1905 и 1906 гг. было крестьянство Спасской волости, страдавшее от малоземелья. В это же время помещики Эверсман, Корсаков, Эйман и др. владели здесь тысячами десятин и сотнями голов скота. Помещичий скот нередко делал потравы на крестьянских землях, и крестьяне не могли получить за это никакого вознаграждения. Если же крестьянская лошаденка попадала на помещичье

поле, то помещики требовали за ее выкуп 1—2 рубля, а иногда и вовсе не возвращали ее. Эверсман отмежевал для себя 15 десятин крестьянского леса и отнял лесной участок у башкир; помещик Корсаков отрезал себе 10 десятин крестьянской земли, в с. Тагиле помещик Тимашев захватил 500 десятин земли, принадлежащей крестьянам. На все жалобы крестьян вице-губернатор Кауфман отвечал «не ссорьтесь с помещиками, не то будете сосланы в Сибирь.»

В ноябре 1905 года в с. Спасское приехали студенты Дезорцев и Колчанов. Они провели здесь крестьянское собрание, роздали революционную литературу. Под влиянием их агитации крестьяне создают революционный кружок, в который входило около 20 крестьян, во главе его стоял крестьянин С. Я. Блиничкин. Кружок в программу своей деятельности включал и следующие задачи: «отобрать земли от церквей, монастырей и от всех удельных князей и передать их трудящимся на земле». Под влиянием агитации кружка начались в Спасской волости поджоги помещичьих имений. В волость была направлена сотня казаков, которая начала бесчинствовать в деревнях и бить крестьян плетьми. Крестьяне в свою очередь ловили отдельных казаков и избивали их.

В село приехала вторая сотня, во главе со становым приставом, потребовавшая выдачи «вожаков». Когда был арестован С. Я. Блиничкин, крестьяне, вооруженные вилами, топорами и кольями, бросились на стражу, освободили Блиничкина и помогли ему скрыться. В 1906 году Блиничкин был арестован и выслан в Сибирь. Члены кружка скрылись в соседних хуторах, но когда были арестованы их жены, некоторые добровольно явились к властям. По этому делу было посажено в тюрьму 18 крестьян,

В июле 1906 года были освобождены члены кружка Д. Блиничкин, А. Шилцов и М. Абрамов. Вернувшись на родину, они снова развернули работу кружка, собрания начали устраивать на берегу р. Ик в Красном Яру. Кроме Спасского возник кружок и в с. Семакине. Стражники выследили заседания кружка, а их в свою очередь подстерегли крестьяне и убили двух стражников. После этого в Спасском было введено военное положение; вечером было запрещено показываться на улице, нарушивших запрещение пороли. Кроме Спасского были волнения крестьян в сс. Семакине, Бурче, Сулаке, Николаевке и Белорецком заводе.

Но к началу 1907 года крестьянское движение в Оренбургской губернии было задавлено царским правительством.

Революция 1905 года не разрешила стоящих перед ней задач: она не свергла самодержавие, не передала крестьянам землю, не дала рабочим 8-ми часового рабочего дня. Но она была «генеральной репетицией» для двух последующих революций, так как в ней уже действовали те классовые силы и в тех соотношениях, которые проявились в революциях 1917 г., а именно, рабочий класс, как вождь пролетарской революции, крестьянство, которым руководил пролетариат и вел за собой на борьбу с помещиками и капиталистами, и буржуазия, готовая пойти на сделку с монархией, лишь бы удержать свои капиталы.

Глава VII.

Период реакции и империалистической войны.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве царское правительство принялось за разгром революционного движения и на местах.

Видные революционные работники на местах или были арестованы и засажены в тюрьмы, сосланы на каторгу, или же должны были снова уйти в подполье. Профессиональные союзы, организовавшие рабочий класс и руководившие его экономической борьбой, были запрещены правительством. Рабочие могли лишь открыть то или иное общество только с разрешения губернаторов. Те же давали это разрешение только тогда, когда устроители были «благонадежны», т.-е. ни в чем революционном не были замечены и были далеки от всякой политики. Такие порядки установились по всей России, так было и в Среднем Поволжье. Но репрессии не сломили русский пролетариат, и он продолжал свою борьбу с самодержавием и в глухую пору реакции, готовясь к новой революции. Подготовкой к ней и занялись большевики, меньшевики же старались тянуть пролетариат к подчинению буржуазии, уверяя, что у нас революция произошла буржуазная, что необходимо рабочим подчиниться буржуазной монархии, поддержать Государственную Думу и т. п.

Самарская организация РСДРП в годы реакции.

Самарская организация РСДРП, выступившая руководителем Самарского пролетариата в революции 1905 года,*) мужественно продолжала борьбу с царизмом и в годы реакции, используя все легальные и нелегальные возможности.

В 1906—1907 гг. работа большевиков и меньшевиков сосредоточилась вокруг легально суще-

*) История Самарской организации РСДРП в эпоху революции 1905 г. посвящена большая статья И. И. Блюменталя «Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском Крае», напечат. в сборнике Самарского Истпарта: «1903 г. в Самарском Крае».

ствовавших «механического общества» (союз металлистов) и «Общества неимущих мещан». В этих обществах представителями обоих фракций делаются доклады, читаются лекции, обсуждаются вопросы выборов в I-ю и II-ю государственные думы.

После попытки провести экономическую забастовку на разных заводах, «Механическое общество» в 1907 году закрывается полицией.

В 1906 году все же рабочие продолжали свои массовки. Так, 25 июня 1906 года жандармский полковник доносил Департаменту полиции: «с наступлением весны нынешнего года, лишь только открылась навигация по реке Волге, противолежащий Самаре берег этой реки сделался аудиторией для пропаганды революционных идей среди молодежи города, устраиваемых как социал-демократами, так и социалистами-революционерами. Обыкновенно в будние дни, перед заходом солнца, часов в 8—9 вечера, на лодках переезжали на ту сторону 50—60 человек молодежи и оставались за Волгой до 1—2 часов ночи. По воскресеньям и праздничным дням, частью на лодках, большинство на паромах, переправлялось уже значительное количество воскресной публики. Переезд начинался с 3 часов дня. Часов с 4-х открывались митинги, достигающие 1.000 человек. К 7—8 часам вечера публика возвращалась в город. Наблюдались случаи, что во время движения парома, наполненного народом, выбрасывались красные флаги и пелись революционные песни».

В 1908 году жандармско-полицейский режим был настолько строг, что никакие собрания и кружки были немыслимы, однако, несмотря на это Комитет РСДРП в Самаре существовал. В него входили «Всеволод», А. Коростелев, Буянов, Футорян («Хуторянин») и Брюк.

12-го мая (29 апреля), жандармами была захвачена «Общегородская партийная конференция» и арестованы все 27 ее делегатов, захвачены подпольная типография и конспиративная квартира. После процесса были высланы «Всеволод», А. Коростелев, Шмелев, Зубков и Герасимов, и приговорены к 8 годам каторжной работы Футорян и Брюк.

После разгрома 1908 г. организация РСДРП не могла долго оправиться и в 1909 году комитета в Самаре не было.

В 1910 году в Самару приезжает из Оренбурга т. Г. Коростелев, который собирает вокруг себя группу рабочих, старых партийцев. Эта группа организует «Второе потребительское общество рабочих и работниц г. Самары». Около этого общества централизуется вся партийная работа в течение 1910—1913 года. Здесь устраивались нелегальные собрания под видом заседаний правления, сюда поступала партийная литература, распространявшаяся затем между членами партии и рабочими.

В 1911 году сорганизовывается партийный комитет, и работа начинает идти планомернее: устраивается несколько пропангадистских кружков, на собраниях обсуждается вопрос о ликвидаторах.

К началу 1912 года, благодаря провокаторам, введенным жандармами в организацию, как например рабочим Рябову, Еремееву и др., которые умело скрывали вплоть до февральской революции свое подлое предательское дело, организации снова грозит провал. Некоторые видные работники, как например П. Воеводин и т. Кучменко, чувствуя, что их выследили шпики, уезжают из Самары.

Во главе комитета остались И. Зеленский и А. Буянов, кооптировавшие т. Фролова.

22 (9-го) февраля должен был состояться доклад т. «Леонида», присланного из ЦК, чтобы со-

общить о результатах Пражской конференции. Благодаря провокаторам, конспиративная квартира была обнаружена жандармами и конференция не состоялась. На следующий день были произведены аресты И. Зеленского, А. Буянова и Зота Ходакова, которые и были высланы в Нарымский край.

В связи с Ленским расстрелом в апреле происходили частичные забастовки. 14 (1-го мая) бастовали все типографии.

В 1913-м году с-д. организация снова усиливается, так как в Самару приезжает ряд товарищей, административно высланных из центра. Партийная работа ведется вокруг больничных касс. В 13 году происходят на разных заводах частые однодневные забастовки.

Рабочие завода № 42 в 1913 году делают попытки организовать общества «Металлист» и «Маяк», чтобы под легальным покровом вести в них нелегальную работу, но провокаторы сообщают жандармскому управлению об этом и предполагаемые общества не разрешаются губернатором к открытию.

В октябре 1913 года по поводу приезда члена Государственной думы Хаустова было устроено нелегальное собрание металлистов, которое и захватили жандармы. Все участники собрания в числе 24 человек, кроме Хаустова, были арестованы. *)

Несмотря на отсутствие Комитета, еще в декабре месяце 1913 года на одном из нелегальных собраний РСДРП было решено в 1914 г. издавать рабочий журнал соц. демократического направления.

---

*) Вельская. История Самарской оргаоизации РКП(б). Газета «Крестьянская Правда» № 12, 15—21 марта 1923 года, г. Самара.

«Заря Поволжья».

Первый номер этого журнала, получившего название «Заря Поволжья» вышел 26 (13) января 1914 года. Журнал выходил раз в неделю, в нем печатались различные статьи по вопросам внутренней политики и рабочего движения, написанные языком, понятным для каждого рабочего, помещались корреспонденции с фабрик и заводов г. Самары и соседних городов. «Заря Поволжья» получила большое распространение в рабочей среде. «Не было ни одной фабрики, ни одного завода, куда бы она не проникла», пишет о газете в своих воспоминаниях один из ее редакторов Васильев.

Этого было достаточно, чтобы на журнал обрушились преследования со стороны жандармов и полиции. Три редактора один за другим были посажены в арестное помещение вместе с ворами и хулиганами; несколько раз на редакцию накладывались крупные штрафы. Рабочие по пятачкам и гривенникам собирали по несколько сот рублей, чтобы поддержать издание. Перед 1-м мая жандармы произвели налет на типографию, где и отобрали все рукописи и разобрали набор, уже приготовленного номера.

Все же рабочие Самары 1-го мая 1914 года провели забастовку, подготовка к которой началась в рабочей среде уже с конца апреля. Жандармские донесения сообщают, что особенно к этому готовились 5, 6 и 7 мастерские завода № 42. В заводе образовалась довольно сильная группа, которая стремится сорвать 1-го мая работу. На заводе были распространены полученные из-за границы воззвания «Первое мая» и «За партию», на первом имеется подпись: «Центральный Комитет РСДРП и на втором группа социал-демократов».

Первомайская забастовка прошла довольно удачно: не работало около 2½ тысяч человек. С утра не работали типографии: земская, Козлова, Петрова, Левенсона и многие другие. На заводе № 42 не работали рабочие трех мастерских. Была прекращена работа на заводах Зимина, Игнатьева, Платкова, Крылова и др.

Вечером была сделана попытка устроить демонстрацию в Струковском саду. Около 9 часов вечера толпа рабочих, человек до 100, собралась около музыкальной эстрады и запела «Варшавянку», но набежала полиция и пение прекратилось.

Редакция «Заря Поволжья» была вначале смешанная: в нее входили и большевики и меньшевики ликвидаторы (ликвидаторами, назывались меньшевики, которые говорили, что нужно ликвидировать подпольные организации партии).

Большевики решили, что газета должна быть большевистской, и на рабочих собраниях, устраивавшихся подпольно, а также на конференции за Волгой, поставили вопрос вести ли газету в духе большевистской «Правды» или меньшевистского «Луча». Представители крупных заводов голосовали за большевиков, некоторые мелкие мастерские за меньшевиков. Газета в результате голосования стала большевистской.

Рабочие откликнулись на перемену направления газеты целым рядом приветствий, а также снова увеличились поступления в ее фонд.

12 июля (20 июня) за Волгой состоялось собрание большевиков, на котором был избран постоянный городской комитет, в который вошли: Елисеев, Сюлев, Калинин и Седенков.*)

---

*) Архив С. Г. Ж. У. 1914 г. дело № 27, стр. 60 и 64.

В продолжение всего 1914 года Самарская организация пополнялась товарищами, высланными в Самару и возвращающимися из ссылки; так, в начале июня вернулись из Нарымской ссылки И. Зеленский и А. А. Буянов.

Организация начала готовиться к созыву Поволжской конференции, для чего А. Буянов предложил об'ехать Поволжье и установить там связь с местными большевиками.

Бакинская забастовка и расстрел рабочих в Петрограде нашли свой отзыв и в Самаре, в виде происшедшей 27 (14 июля) однодневной забастовки, в которой участвовало всего до 4.600 человек. Бастовали все типографии, кроме губернской, трубочный завод (2000 человек), булочники, металлисты, деревообделочники, портные, переплетчики, сапожники и т. д.

В нескольких местах города были устроены демонстрации, наиболее крупная из них состоялась около часу дня на Панской улице, куда были оттеснены рабочие с Дворянской улицы. Здесь собралось до 1500 человек рабочих. Когда часть из них запела «Похоронный марш», на толпу налетел отряд стражников, и, обнажив, для устрашения, шашки, начал рассеивать демонстрантов; несколько человек при этом были легко ранены. Вторая демонстрация в 400 человек прошла от Соборного садика по Алексеевской ул. (ныне Красноармейская) до Самарской, а затем до Воскресенской площади, где часть рабочих разошлась, а часть была разогнана полицией.

После об'явления войны вся работа большевиков направилась по линии агитации против войны. В двух последних №№ «З. П.» (№№ 26 и 27) было помещено несколько статей против войны, вскрывавших сущность ее и призывавших пролетариат к

организованному противодействию ей. В том же направлении высказывались против войны и большевики, выступавшие на вечерах в «Обществе разумных развлечений». Большевистская агитация будила рабочую среду и волновала ее; сообщения жандармских агентов говорят об этом. Так, 8 августа (26 июля) агент доносит: «Рабочие трубочного завода говорят, что они заявят свои права, как только отзовут войска, что администрация завода, хотя и называет их «братцами», но они ей не верят, так как несколько дней назад, во время забастовки, их били нагайками».

8-го августа (26 июля) губернатором были закрыты и «Заря Поволжья» и «Общество разумных развлечений».

С августа наступает некоторое затишье в работе большевиков, так-как часть их была арестована, другие же были призваны на военную службу.

Несмотря на это, 30 (17 декабря) предполагалось устроить городскую конференцию в квартире одного рабочего трубочного завода на Оренбургской улице; членами ее были: тт. Ландер, Седенков, Бедняков, Борисов П. С., Розенштейн, Кармашов, Мяги, Хрынин, Климович и Незнакомова. В повестку дня было поставлено два вопроса: 1) О войне и 2) О практической работе в новых условиях.

Но лишь только собрались участники конференции, как им сразу же пришлось разойтись, ибо жандармы выследили место собрания и уже подходили к нему. На другой день большинство участников конференции было арестовано, а у остальных были произведены обыски.

В 1915 году работа Самарской организации расширяется еще больше: выпускаются листовки и прокламации против войны, на фабриках и заводах организуются кружки, в которых занимаются Хры-

нин, Климович, Мутнов, Кармашев, Ротшильд, Гавриленко, Лазько и др.

Устраивается политический красный крест, в который средства поступали, главным образом, от отчислений рабочих трубочного завода. В августе 1915 года в Самару приезжает из Саратова Вл. Ник. Максимовский, которым на заводах устраиваются кружки для пропагандистских занятий, в этой работе принимали участие: В. Ротшильд, М. Савельев, Алексеев П., В. Софронов, Г. Фокердинов, М. Тихомирова, М. Сапожникова. Устраивались собрания за р. Самаркой и за р. Волгой. На собраниях Максимовский выступал с докладами о войне, выясняя ее сущность и необходимость ее прекращения.

В ночь на 27-е августа все присутствовавшие на собрании были арестованы.

Военно-промышленные комитеты.

В 1915 году большевики ведут агитацию против участия рабочих в военно-промышленных комитетах.

Военно-промышленные комитеты должны были обсуждать вопросы, связанные с заказами казны заводам различных предметов военного снаряжения. Это были учреждения выборные. Буржуазия, желая втянуть и рабочих в дело поддержки войны, добивалась, чтобы и рабочие участвовали в этих комитетах. Меньшевики, поддерживая буржуазию, также старались втянуть рабочих в эти комитеты. Вопрос о военно-промышленных комитетах обсуждался на заводах Самары и везде принималась большевистская резолюция, выработанная Пановым и Гавриленко следующего содержания:

«Мы, рабочие, считаем неуместным совместную работу с буржуазией в военно-промышленном ко-

митете, благодаря неравенству, как в экономическом, так и в политическом отношениях, благодаря отсутствию свободы слова, собраний печати, и считая, что война, а тем более современная, всей тяжестью ложится на неимущие классы населения. Мы, рабочие, совместно с рабочими воюющих держав, должны требовать заключения мира без всяких аннексий, на что немецкие рабочие, безусловно, согласятся».

Кампания выборов в военно-промышленный комитет продолжалась почти пять месяцев; было устроено несколько десятков рабочих собраний, на которых большевики широко развернули свою агитацию. Свою линию поведения при выборах самарские большевики выравнивали по петроградским рабочим, а также и по директивам ЦК, напечатанным в «Социал-демократе», который получался в Самаре через А. С. Бубнова. Тов. Бубнов среди самарских большевиков во время выборов принимал самое активное участие.

Меньшевики в своей резолюции, хотя и заявляли, что военно-промышленные комитеты являются организацией буржуазной, но рабочие не должны отказываться от защиты своей страны от неприятельского вторжения, что разрешить вопрос об участии или неучастии в военно-промышленных комитетах может лишь всероссийский рабочий с'езд, созыва которого и должны добиваться рабочие.

В августе 1915 года ряды самарских большевиков пополнились латышами, прибывшими из Риги. В это время в Самару эвакуировался из Риги завод «Саламандра», на котором был подпольный кружок большевиков латышей, насчитывающий до 15 товарищей.

Затем латышская группа пополнялась товарищами с рижских заводов, которые перевозились на Урал. Группа была разбита на три ячейки, в которых велись регулярные занятия. *)

В декабре 1915 года латыши, совместно с русскими, избрали об'единенный партийный комитет, в состав которого входили от первых С. Викснин, Звейнек, Струппе и Я. Бауэр, от вторых Панов и Трусов. Вся организация была разбита на три района: трубочный, где работало несколько кружков, городской и латышская группа на правах района. **)

Благодаря строгой конспирации, группа латышей развила большую работу и не была обнаружена до лета 1916 года, пока в ее среду не проник провокатор Сапожков-Соловьев. Он сумел войти в состав пропагандистской коллегии, а затем и в число членов партийного комитета. Пользуясь своим положением Сапожков-Соловьев выслеживал всех участников большевистской организации и сообщал о них жандармам.

Летом 1916 года прибыл в Самару т. В. В. Куйбышев, бежавший из Иркутской губернии, он проживал в Самаре под фамилией Адамчика. В. В. Куйбышев и А. С. Бубнов, служивший в это время в продовольственном отделе гор. управы, являлись руководителями самарской организации большевиков.

18 (5) сентября часть большевиков была арестована, в том числе В. В. Куйбышев, П. А. Стяжкина, Ф. Е. Самойленко, В. Н. Андронников, а также были арестованы и приехавшие для переговоров об устройстве конференции большевики: из Ниж-

*) Архив С. Г. Ж. У. 1916 г. № 27 стр. 9.
**) Бешенковская. С 1913 г. по февраль 1917 г.

него-Новгорода,—П. Голубев, и из Сормова—И. А. Богданов.

Чтобы отвлечь подозрение от Сапожкова-Соловьева и дать ему возможность узнать еще более подробностей об организации, жандармы посадили в тюрьму и его. Находясь здесь, провокатор вращался среди политических заключенных, не подозреваемый ими, и получая от них сведения о жизни партии. По указанию Сапожкова жандармы нашли конспиративную квартиру латышей и арестовали некоторых из них.

29 ноября по делу несостоявшейся Поволжской конференции большевиков и Самарской организации РСДРП и состоялось постановление об административной высылке на 5 лет в Восточную Сибирь С. О. Викснина, Ф. Г. Самойленко, А. В. Гавриленко, А. П. Галактионова, И. С. Романова, П. Я. Струппе, А. С. Бубнова, В. В. Куйбышева, П. А. Богданова, М. М. Голубева, В. Н. Андронникова, П. А. Стяжкиной, И. Г. Бирна.

Высылались на три года в Западную Сибирь под гласный надзор полиции: Я. Я. Бауэр, А. В. Цепелевич, С. А. Коротков, Г. М. Маринин, Ж. Я. Бауэр, Ф. Н. Феоктистов, Ф. Т. Ермаков, М. А. Хализов, Ф. Я. Рабинович, Я. А. Карклин.

На усиление революционного настроения рабочих повлиял произведенный 5-го ноября в Самаре расстрел женщин—работниц и жен рабочих. Произошло это при следующих обстоятельствах. Между одной женщиной и торговцем произошел спор из-за отпущенного гнилого мяса. Полиция поддержала торговца, за женщину вступились другие женщины и начался разгром лавченок. Для усмирения толпы были вызваны стражники, которые без предупреждения стали пачками и в оди-

ночку стрелять в толпу, в результате несколько человек было убито и около 10 ранено.

Уже с начала февраля 1917 года среди рабочих железной дороги и завода № 42 начали подниматься разговоры о необходимости забастовки с пред'явлением требований о повышении заработной платы. К этому вынуждали рабочих возрастающая с каждым днем дороговизна, поднятие цен на дрова, муку и мясо. В случае отказа в повышении заработной платы, предполагалось устроить демонстрацию и с криками «Долой войну» пойти в город. Говорилось, что «бояться солдат нечего, так как они все предупреждены, и ни артиллерия, ни пехота стрелять не будут».*)

Ожидаемая забастовка началась 5 марта (20 февраля) из-за увольнения двух рабочих в 5-й мастерской и быстро охватила весь завод. Все рабочие вышли на улицу. Тогда из среды забастовавших выделился тов. Шверник и хотел изложить требования рабочих, но явившийся начальник завода, ген. Зыбин, не стал его слушать и пригрозил «экстренными мерами», которые и не замедлили последовать.

К заводу был вызван отряд казаков и пехоты, появление которых и заставило рабочих разойтись по домам. Среди малосознательной части чернорабочих, по преимуществу крестьян, начались колебания и забастовка через три дня прекратилась. Тем не менее, в результате ее до 150 человек было арестовано; часть из них отправлены на фронт, а другие в административном порядке были высланы в Сибирь.**)

*) Архив С. Г. Ж. У. 1917 г., дело № 40, стр. 8, 11, 12.

**) Стенограмма „Вечер воспоминаний рабочих Трубочного завода. Выступления тов. Иванова.

В городе волновались солдатки, не получавшие пособий.

8-го марта (23 февраля), в Международный день работниц, состоялся женский митинг в театре «Олимп», на котором большевики А. Бакаев и С. Ф. Хорошенина призывали работницк борьбе с капиталом.

С вечера 11 марта (26-го февраля) у Самары прервалась связь с центром. На улицах начали кучками собираться рабочие. Всеми чувствовалось, что безвременье реакции кончилось и наступает новая революция.

Симбирская организация во время реакции.

В начале реакции большевистская работа не заглохла в Симбирск. В начале 1906 года симбирские большевики получили от Петербургского комитета типографскую машину (бастонку). Кролюницкий сумел ее получить и благополучно перевести в типографию, помещавшуюся на Ильинской площади.

В типографии работали Макс, М. Яковлева, Н. Богоявленский, и В. Кислицына. 1-го мая 1906 года Симбирскому Комитету удалось провести забастовку, в которой участвовали типографщики, пекаря, завод Соколова, портные и сапожники и даже была закрыта часть магазинов. Симбирский комитетет в 1906—1907 г. уделял много внимания делу образования профессиональных союзов и коллегии пропагандистов, которые подготовлялись в кружке повышенного типа. В коллегию входили Кролюницкий, Винокуров, Орлов, Георгиевский, Рождественский и Сергей Мартов, оказавшийся провокатором. Была в комитете и особая аграрная группа.

Комитет не ограничивался работой в одном Симбирске, а посылал своих агитаторов на фабрики, вне города, напр. Екатериновскую текстильную, Ишеевскую и Языковскую суконную. Делались попытки устроить митинги и по уездным городам, как напр. в Сенгилее. Когда сенгилеевская полиция арестовала приезжих симбирцев, выступавших на митинге, кто-то ударил в набат, собралась большая толпа, которая ворвалась в участок и освободила арестованных. В самом Симбирске, где был назначен новый губернатор черносотенец Старинкевич, в июле 1906 года после одного из митингов полицией и черной сотней был устроен погром собравшихся: их били палками, нагайками, конная полиция хватала девушек за косы. Во второй половине сентября произошел провал симбирского комитета, при чем, в доме Орлова в руки полиции попал весь архив с расшифрованными явками, паролями, печатью комитета. Вследствие этого грозила опасность ряду организаций других городов. Бывшему при этом «Младенцу старшему» удалось бежать. Созванный наскоро комитет успел дать в ЦК и во все организации, кроме Саратова, телеграмму о провале. После провала «Младенцам» и Кролюницкому пришлось бежать из Симбирска, передав дела новому комитету, в который вошли Гимов Петр, Винокуров и др.

На другой день после бегства «Младенца» и Кролюницкого эс-эром студентом Зефировым взрывом бомбы был убит симбирский губернатор Старинкевич и Зефирову также удалось скрыться от полиции.

В августе 1906 года началась забастовка в Гурьевском районе, охватившая до 4.000 человек рабочих. Бастовали фабрики Румянцевская и Гурьевская. Дело дошло до вооруженного столкновения с войсками 31-го августа, при чем, несмотря на

открытый беглый огонь по рабочим, роте солдат пришлось отступить.

На следующий день прибыли новые войска—всего до 1.000 штыков. Были арестованы члены стачечных групп, боевых дружин и много рядовых рабочих.

В 1907 году организация издавала некоторое время еженедельную газету «Наши дни» и опять образовала небольшую подпольную типографию, которая скоро провалилась.

После 1907 года революционное движение в Симбирской губернии затихает вплоть до начала империалистической войны, большевистской же организации не было до февральской революции. Одиночки большевики не могли вести подпольной работы.

Война ухудшила положение крестьянства и рабочего населения, постоянные призывы вызывали нередко волнения среди запасных. Так, в Сенгилее в 1915 году произошло восстание запасных, для подавления которого пришлось применить военную силу; разбиравший это дело военно-полевой суд приговорил двух человек к расстрелу и 10 человек к каторжным работам. Были беспорядки и выступления запасных осенью 1915 года и летом 1916 года в гг. Ардатове и Алатыре, на станции Инза и в других местах губернии. В своем отчете царю осенью 1916 года Симбирский губернатор писал: «Для поддержания спокойствия на предстоящую тяжелую зиму—нам безусловно необходимо быть очень бдительными и иметь всегда в своем распоряжении достаточную военную силу». Но эта военная сила не могла уничтожить разрухи, охватывавшей губернию: цены на продукты первой необходимости возросли более чем на 100 процентов, тогда как заработок рабочих поднялся лишь на

30—40 %, увеличивалась спекуляция, торгаши припрятывали продукты, чтобы через некоторое время содрать за них с покупателя втридорога. На этой почве в Симбирске 4-го июля 1916 года произошел голодный бунт. Десятитысячная толпа, состоявшая по преимуществу из женщин, разгромила скрытые торговцами склады сахару, избила полицию камнями и заставила ее отступить. Было об‘явлено в городе чрезвычайное положение, беспорядки подавлялись войсками, при чем было убито и ранено 15 человек, по преимуществу женщины и дети.

Конец 1916 года и первые два месяца 1917 года прошли в Симбирске спокойно, так как население его, среди которого почти прекратилась всякая работа представителей революционных партий, некому было осведомить о наростающем революционном под'еме в центре.

Реакция в Оренбургской губернии.

В эпоху реакции работа большевиков в Оренбурге не прекращалась, хотя формальной большевистской организации и не было. Отдельные большевики, как например братья Коростелевы, Мутнов, А. Клейман, Мискинов и др. вели работу на железной дороге—в депо и главных мастерских на заводах, среди приказчиков. С 1912 года среди Оренбургских рабочих получила распространение газета «Правда», этим делом занимались специально выделенные товарищи. Главным пунктом, где и большевики и меньшевики могли близко соприкасаться с рабочими, было 1-е потребительское общество, в которое входили рабочие: железных дорог Ташкентской и Орской, мукомольных мельниц, металлургических и кожевенных заводов. Встречаясь в этом кооперативе большевики, работавшие

в различных предприятиях, могли поддерживать постоянную связь между собою. Во время империалистической войны начали устраиваться массовки рабочих. После одной из них все участники были арестованы, но затем освобождены, кроме Д. Г. Гансбурга, который, будучи больным, не вынес тюремного режима и покончил самоубийством. С 1915 года в Оренбург начали прибывать массы беженцев с Западного фронта.

По поводу их обеспечения продовольствием часто устраивались различные совещания, которыми также умело пользовались большевики, выступая на них с пропагандой своих идей. Но в это же время Оренбургскими большевиками, благодаря слабой связи их с центром, была допущена большая ошибка, а именно—некоторое время они принимали участие в работе военно-промышленного комитета. Узнав о том, что партия относится к военно-промышленным комитетам отрицательно, они порвали всякую связь с этим комитетом. В конце 1915 года в Оренбурге работал т. П. А. Кобозев, который начал настаивать на полном разрыве с меньшевиками, но достигнуть этого ему сразу не удалось, так как многие товарищи еще слабо разбирались в политических разногласиях. В городе в это время вели работу несколько буржуазных комитетов: биржевой, земско-городской, военно-промышленный, которые затемняли сознание рабочих своей агитацией за необходимость империалистической войны. Для противодействия им большевики создали нелегальный рабочий комитет. Хотя в этот комитет попали и меньшевики и эс-эры, но большевики выступали в нем организованно, как фракция и отстаивали большевистские положения. В 1916 году по инициативе тов. Кобозева и рабочих мастерских Каргина был создан кружок «самообразования», в котором

занималось до 200 рабочих. Кружок разбился на 6 групп; легально он занимался обучением грамоте, но часто на закрытых его собраниях тов. Кобозев делал рабочим сообщения о политических событиях, доказывая, что скоро должна наступить революция, к которой рабочим необходимо иметь свои организации. Против Кобозева меньшевики и эс-эры подняли травлю в газетах, рассчитывая отколоть от него рабочую массу, но попытка эта своей цели не достигла.

Реакция в Пензенской губернии.

С 1908 года большевистских организаций в Пензе не было до Февральской революции. Недовольство войной, вследствие вызванных ею экономического кризиса и разрухи, привело 25 июня 1916 года к погрому и самосудам над торговцами, скрывавшими продукты первой необходимости. К концу декабря 1916 года Пенза сидела уже на голодном пайке—в ½ фунта муки или 3/4 фунта печеного хлеба на человека.

Глава VIII.

Февральская и Октябрьская революции в Среднем Поволжье.

От февраля к октябрю в Самаре.

Февральская революция в Самаре прошла бескровно. 14-го марта, когда были получены первые телеграммы о происшедшем в Петрограде перевороте, представители Самарской буржуазии, собравшись в городской думе, избрали из своей среды временный комитет безопасности. Но этот комитет не предпринимал никаких действий ни против губернатора,

ни против жандармов и полиции. В этот же день большевиками и меньшевиками был избран временный рабочий комитет, который должен был воззванием оповестить рабочих о происшедших событиях и провести на митингах избрание Совета рабочих депутатов. 15-го (2) марта состоялись многолюдные рабочие митинги в театрах городском и «Олимпе» и в общественном собрании. Не было на митингах лишь солдат, которых офицерство не выпускало из казарм. На митингах был избран временный Совет рабочих депутатов, в него вошло шесть большевиков.

В первый Совет рабочих депутатов было избрано шесть большевиков: Бакаев, Клейман, Дерябина, Венцек, Яшанов, и Еремеев, остальные девять были меньшевики и бундовцы.

В это время 16 (3) марта, когда комитет еще только собирался, на заседание его явился капитан саперного батальона П. П. Митрофанов (м-к), заявивший о присоединении батальона к новому правительству. Такое же постановление было вынесено и на гарнизонном собрании офицеров, состоявшемся вечером 16 (3) марта.

16 (3) марта Комитет безопасности переименовал себя в Комитет народной власти. Под давлением Совета раб. деп. 17 (4) Комитет народной власти арестовал губернатора, жандармского полковника и других представителей администрации.

18 (5) марта состоялась «манифестация свободы», в которой приняли участие рабочие, войска, в количестве до 50.000 человек, и служащие правительственных учреждений. Манифестация прошла с блестящим успехом. Из массы красных знамен с большевистскими лозунгами были лишь знамена у рабочих организаций; так, на знамени портных было: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; на огром-

ном разрисованном знамени трубочников: «Да здравствует труд, долой войну, долой капиталистов, да здравствует революция». У многих войсковых частей на знаменах еще красовалось: «Война до победного конца».

После образования Совета рабочих депутатов возникли Советы солдатских и крестьянских депутатов.

В организации Советов солдатских, военных и крестьянских депутатов руководящего влияния большевики не имели, так как, в силу своей малочисленности в первое время, не могли охватить все отрасли работы. Необходимо было прежде всего произвести внутри-партийную организационную работу, за которую, несмотря на то, что самарская организация была почти разгромлена, арестами конца 1916 и начала 1917 года, оставшиеся большевики принимаются с первых дней февральской революции.

Уже 17 (4) марта состоялось первое общее собрание большевиков городского района, на котором был избран временный партийный комитет в составе т.т. А. Х. Митрофанова, И. Бирна, Бауэр, Звейнека и Клеймана.

Временному комитету было поручено приступить к подготовке выборов постоянного Самарского комитета и организации районов, кроме уже организованных—латышских рабочих и трубочного завода. Решено было издавать партийный большевистский орган.

В скором времени большевистская организация пополнилась товарищами, вышедшими из Самарской тюрьмы и возвратившимися из ссылки: Ю. Милоновым, Н. П. Тепловым, В. В. Куйбышевым и А. С. Бубновым. С конца марта начала выходить большевистская газета «Приволжская Правда». В

Самаре образовалось крепкое большевистское ядро в лице А. А. Масленникова, В. В. Куйбышева, А. Х. Митрофанова, С. И. Дерябиной, Ф. И. Венцека, Н. М. Шверника и группы латышей, которые, выступая перед рабочими массами, разоблачали буржуазное правительство Милюкова, а затем и Керенского, старавшихся в интересах буржуазии вести измучившую народ войну «до победного конца». Приходилось самарским большевикам вести постоянную борьбу с эс-эрами и меньшевиками, составлявшими большинство в Советах. Под влиянием их находились несознательные рабочие массы, которые большевикам приходилось завоевывать шаг за шагом.

1-го мая 1917 г.

Протест против войны самарский пролетариат выявил уже во время празднования 1-го мая 1917 года, которое прошло с большим под'емом.

В празднике приняли участие, как все партийные организации, так и профсоюзы. Союзы с утра начали собираться в театре «Аквариум». Здесь среди рабочих распространились № 7 «Приволжской Правды», посвященный празднику «Известия Совета рабочих депутатов», первомайское воззвание, выпущенное Советом рабочих депутатов и листовка, выпущенная от имени большевиков, меньшевиков и Бунда. Сборным пунктом для всех организаций была назначена Соборная площадь, от которой манифестация направилась к месту митинга у Постникова оврага, так памятного самарскому пролетариату.

Впереди всех двигалась группа большевиков губернский комитет и районы, за ними шли эс-эры, далее профсоюзы, войска и другие организации и кооперативы.

Играло много оркестров, развевались знамена с лозунгами на русском, латышском, польском, еврейском и татарском языках. Лишь только на одном знамени был лозунг «Война до победного конца». Это знамя вызвало возмущение солдат и рабочих и по их требованию было убрано до начала митинга.

На полянке у Постникова оврага было устроено пять трибун. С главной трибуны приветствовали манифестантов с днем международного пролетарского праздника представители Советов рабочих и военных депутатов. Речи продолжались в течение двух часов. Кроме рабочих, выступало много солдат, которые выражали свою солидарность с пролетариатом.

Власть Советам.

Нота Милюкова 4-го мая (21 апреля) вызвала негодование самарских рабочих, которые начинают после этого выносить резолюции о переходе всей власти к Советам.

Впервые лозунг о власти Советов был выдвинут 9-го мая (26 апреля) в резолюции латышского района по докладу Бирна. В ней говорилось «единственный выход из создавшегося положения возможен только тогда, когда Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет государственную власть в свои руки и станет на место теперешнего буржуазного империалистического правительства».

На второй общегородской конференции 30 (17) июня программными требованиями для партии выставляются три пункта:

1) Республика советов рабочих и крестьянских епутатов.

2) Всенародное поголовое вооружение, организация трудовой повинности, контроль над производством и распределением.

3) Выборность чиновников, сменяемость их и судей, ограничение их окладов размерами средней заработной платы.

Вопрос о земле.

Не разрешило Временное правительство и вопроса о земле, к овладению которой были направлены все мысли крестьянства. Крестьяне на своих с'ездах сами начинают разрешать этот вопрос. Так на 1-м Самарском крестьянском с'езде, бывшем с 7-го по 10 апреля крестьяне постановили, что земля должна находиться в руках трудового населения, но разрешение вопроса о форме землевладения принадлежит Учредительному собранию, что прекращаются всякие сделки по купле-продаже, в законодательном порядке и должны быть приняты все меры для увеличения посевной площади; инвентарь, если владелец не желает сам засевать, передается в Вол. ком. нар. власти. Арендные цены на землю могут быть определены, исходя из цены на участки перед войной с понижением на три четверти.

Все представители крестьян высказывались за немедленную передачу земли крестьянству. В этом духе и были составлены, принятые с'ездом «Временные правила пользования землей». Самым существенным пунктом их явился п. 4-й, наносивший удар частной собственности, в котором говорилось: «Все земли частно-владельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетные, церковные и вообще все земли, необрабатываемые собственным трудом, немедленно же поступают в ведение и под конроль земельных комитетов, а где таковых нет, то комитетов народной власти, которые и становятся

от сего времени фактическими их распорядителями впредь до решения этого вопроса Учредительным собранием. Поименованные земли составляют общий народный фонд, из которого и будут удовлетворяться потребности населения».

Временное правительство, узнав об этих Самарских «правилах» забило тревогу, присылало в Самару своих комиссаров для переговоров, но отменить их не имело силы.

Рабочие идут за большевиками.

В июльские дни в Самаре организуется кадетско-эсэровский комитет общественной безопасности, который начинает травлю и преследование большевиков. Но это вызывает горячий протест рабочих масс, особенно энергично выступает завод № 42; в резолюции его от 19 (6) июля говорится: «Мира, хлеба и свободы. Вся власть—революционному народу. Все—в нашу партию. Организуйтесь. В единении—наша сила. Пусть не смущают нас временные поражения и неудачи. Будущее за нами».

Громадную работу по воспитанию масс в духе большевизма выполняла и газета «Приволжская Правда». Руководящие ее статьи, принадлежащие перу большевистских лидеров, раз'ясняли смысл происходящей войны, необходимости борьбы с социал-соглашателями, на ее страницах велась борьба по выборам в городскую думу и Учредительное собрание.

В конце августа в течение двух дней (27 и 29-го) в Аржановском саду, близ завода № 42, собирались тысячные митинги рабочих и солдат с протестом против Московского совещания, прошедшие под большевистскими лозунгами. «Приволжская Правда» по поводу их писала. «Единство рабочих и солдат—это великое слово было у всех на устах. Мы получили

предметный урок, доказавший всем, как велика внутренняя неразрывная связь между революционными массами и нашей партией».

В сентябре в исполнительный комиетт завода № 42 избирается восемнадцать большевиков и только два с.-р., тогда как ранее весь комитет был эсэровский. Завоевание большевиками заводских масс дает возможность поставить на очередь вопрос о создании вооруженной силы из рабочих. 12 октября (29 сентября) В. В. Куйбышев выступил с докладом об организации Красной гвардии и предложил принять основные положения ее устава.

23 (10) октября, под председательством А. Булышкина, на заводе № 42 состоялось организационное собрание Красной гвардии, на котором присутствуют несколько сот человек; временным начальником гвардии избирается т. Гавриленко, его помощниками Булышкин и Е. Галкин. Гвардия разбивается на десятки и сотни.

Октябрь в Самаре.

Вопрос о захвате власти, в связи с наростанием революции в Петрограде, был поставлен на об'единенном собрании губернского и общегородского комитета большевиков. Особенно энергично настаивали на необходимости приступить к осуществлению переворота в Самаре В. В. Куйбышев, Е. С. Коган и А. Х. Митрофанов. В.В. Куйбышев предлагал начать с закрытия буржуазных газет, наложения принудительного займа на буржуазию и т. п. Эти мероприятия должны найти поддержку в массах, и тогда можно будет об'явить диктатуру Советов. Собрание никакой резолюции, однако, не приняло, но уже через два дня после этого начавшийся переворот в Петрограде продиктовал самарским большевикам необходимость произвести то же самое и в

Самаре. 7-го ноября (25 октября) Московским и Петроградским Советами рабочих и солдатских Депутатов было сообщено по прямому проводу в Самару о свержении Временного правительства.

В этот же день состоялось экстренное заседание исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Крестьянские депутаты, эсэры, меньшевики и «единство»—осуждали выступление большевиков, называя его анархическим, требовали созыва «всесословного» губ. с'езда, который и решил бы вопрос о власти, обеспечив свободу выборов в Учредительное собрание

Большевики, интернационалисты и максималисты предлагали немедленный переход всей власти в губернии в руки Советов и признания временного правительства низложенным силой революции. Большинство отклонило это предложение, но никакой резолюции по текущему моменту не было принято.

8-го ноября обсуждение Петроградских событий продолжалось на соединенном заседании совместно с представителями крестьянских уездных организаций ж. д. и п. т. комитетами, фабзавкомами, полковыми и ротными комитетами. Массы рабочих и солдат переполнили помещение кино «Триумф». Настроение всех было бодрое, приподнятое.

Из-за многолюдности пришлось перенести собрание в театр «Олимп» (К.-Маркса). Одна за другой делегации заводов и полков высказывались за свержение временного правительства и за переход власти к Советам. Начались выступления представителей политических партий. С твердой определенностью большевики поставили вопрос о немедленном переходе власти к Советам.

Эсэры заявили, что они «сомневаются в силе пролетарской революции, а что делать сейчас, они не знают». Большевиков поддерживали с.-д. интернационалисты, максималисты, бундовцы, поалейционисты, с.-д. Литвы и Польши.

Выдвинуты были две резолюции.

Расплывчатая меньшевистская признавала необходимым «создание единого органа революционной демократии, в состав которой должны войти как представители советов, политических партий, так и представители органов демократического управления и других демократических организаций.

В большевистской резолюции говорилось: «Демократия находится в положении борьбы с правительством и будет стремиться к его низвержению». «Все распоряжения правительства и его агентов признаются недействительными. Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов. Признавая единственною властью и на местах Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, собрание избирает из своей среды Революционный комитет, который и обладает неограниченными полномочиями в деле сохранения революционного порядка и организации сил в борьбе с правительством и контр-революцией».

Меньшевистская резолюция собрала 140 голосов, большевистская—441. После этого собрание сразу же избрало ревком, во главе с председателем его В. В. Куйбышевым (ныне председатель Высшего совета народного хозяйства СССР).

Вслед за Самарой, в течение первых двух месяцев, советская власть была утверждена и в уездных городах и селах губернии. В селах ее по большей части вводили солдаты и матросы, возвращавшиеся с фронта, которые разгоняли прежние учреждения

временного правительства, комитеты народной власти, волостные земские управы. Они находили поддержку в массе крестьянства, вступившего еще до октября на революционный большевистский путь и на основании правил 2-го Самарского губернского крестьянского с'езда (июнь 1917 года) захватывавшего помещичьи земли. Октябрьская революция, передавшая землю в пользование крестьянства, привлекает на сторону советской власти всех крестьян бедняков и восстанавливает против этой власти кулаков, которые также должны были лишиться земель, захваченных ими при царизме. Часть среднего крестьянства остается при этом нейтральной.

Борьба с контр-революцией.

Октябрьский переворот, давший возможность самарскому пролетариату взять в свои руки власть, прошел бескровно, но уже через несколько дней после него начинается борьба с контр-революцией. Против советской власти выступают партии соглашателей—меньшевиков и с-р, требующих передачи власти Учредительному собранию; офицеры старой царской армии стараются взбунтовать солдат, в Самаре начинают безобразничать и производить налеты анархические организации, в уездах поднимает борьбу крестьянское кулачество, которое сумело провести большинство своих представителей на 4-й Крестьянский с'езд. Из 312 делегатов с'езда только 133 были на стороне советской власти. Служащие прежних правительственных учреждений отказались работать с советской властью и начали забастовку, продолжавшуюся до последних чисел января 1918 года.

Защитницей советской власти в Самаре является Красная гвардия, образовавшаяся перед Октябрьской революцией из самарских рабочих. На

красногвардейцев начинаются покушения ,производятся убийства их из-за угла; наконец, в ночь на 28 (15) декабря происходит взрыв «Белого дома», где помещался штаб Красной гвардии, при этом было убито 6 человек и 30 человек ранено. Кроме самарской контр-революции Ревкому пришлось начать борьбу с Оренбургским казачеством, которое поднял против советской власти атаман Дутов.

Первые шаги советской власти.

12-го января 1918 года Исполнительный комитет советов принял резолюцию об упразднении Ревкома и перехода всех его обязанностей к Губисполкому. Первым председателем Губисполкома был В. В. **Куйбышев**. Губисполком продолжал работу Ревкома: он ликвидировал все прежние правительственные учреждения и земские самоуправления, провел в жизнь декреты об уничтожении старого суда, о национализации банков, об отделении церкви от государства и т. д. Губисполком приступил также к созданию Красной армии вместо Красной гвардии. Для заведывания отдельными отраслями управления Губисполкомом были утверждены должности губернских комиссаров. Считая необходимым установить связь с крестьянством, Губисполком собрал в январе 5-й крестьянский с'езд советов.

Этот с'езд вынес резолюцию, которой приветствовал все декреты и постановления советской власти и предлагал ЦИК и Совнаркому итти твердо и неуклонно по пути уничтожения старого строя.

Одновременно с 5 крестьянским с'ездом социал-революционеры, бывшие в Исп. ком. сов. кр. деп., устроили свой самозванный с'езд, выступивший против советской власти и поэтому разогнанный Губисполкомом, В марте 1918 г, состоялся 6-й

губернский с'езд советов, на котором против большевиков выступили с.-р. максималисты, старавшиеся повести за собой крестьянство. Они настаивали, чтобы продовольственное дело было из'ято из рук центральной власти и передано в местные советы, чтобы в Губисполкоме крестьянам было отведено 2/3 мест, а рабочим только 1/3. Избирается Губисполком, состоящий, главным образом, из максималистов и крестьян, идущих за ними.

Губисполком начинает проводить ломку только что установившегося губернского управления: заведывание каждым из отделов поручается уже не отдельному комиссару, а коллегии, в состав которой входило два представителя от рабочих и семь от крестьян (по одному от уезда). Эта громоздкость аппарата тормозит дело управления и приводит к столкновениям между Губисполкомом и горсоветом, в котором преобладающее влияние имели большевики. В апреле 1918 года начинают образовываться особые военные отряды из максималистов, которые группируются вокруг Губисполкома.

В мае 1918 года контр-революционные банды Дутова врываются в Самарскую губернию и сов. раб. и солд. деп. образует чрезвычайный военно-революционный штаб, которому передается вся военная и гражданская власть в губернии.

Анархо-максималистский бунт.

Когда 16-го мая чрезвычайный штаб издает распоряжение о мобилизации лошадей для отправки на Дутовский фронт, анархо-максималисты ведут погромную агитацию среди извозчиков, и 17-го мая поднимают вооруженное восстание в городе. Этот бунт был подавлен боевой дружиной коммунистов и красноармейскими частями, верными советской власти. 20-го мая, по распоряжению главно-

командующего Оренбургско-Уральским фронтом Яковлева, Губисполком был распущен, при чем были арестованы некоторые члены его. Снова была организована чрезвычайная власть Губревком.

От Февраля к Октябрю в Оренбурге.

О Февральской революции Оренбург, как и Самара, узнал 14 (1) марта из двух телеграмм. Одна из них была получена Нач. ж.-д. телеграфа Мазуровским, который скрыл ее от рабочих, сообщив лишь администрации и ген. Куропаткину в Ташкент, прося его прислать карательные отряды. Вторая телеграмма была получена в редакции «Оренбургское Слово» от П. А. Кобозева. В редакции собрались большевики и меньшевики, имевшие в то время об'единенную организацию. Было решено обратиться к рабочим с воззванием, призывая их производить выборы депутатов в Совет. В тот же день после большого митинга в городской управе рабочие приступили к организации Совета. Только 18 марта были арестованы представители старой власти.

В Оренбурге создается три политических группировки. Буржуазия сосредоточивает свои силы в городской думе, поддерживающей временное правительство и назначенных им комиссаров; казачье офицерство в своем большинстве во главе с атаманом Дутовым подготовляется к контр-революции, рабочие и крестьянство идут за советами.

Но сами советы в Оренбурге до августа месяца были соглашательскими, так как в них входили, кроме большевиков, меньшевики и эс-эры, поддерживавшие буржуазию. В об'единенной с. д. организации начинается раскол: меньшевики высказываются за продолжение войны, за поддержку выпущенного Керенским займа свободы, большеви-

ки же выступают против того и другого. Наконец, в августе большевики избирают свой партийный комитет, в который входят братья Коростелевы, Лобов, Кичигин, Кобозев, К. Котов и Герман. Между большевиками и меньшевиками начинается борьба за руководство рабочими массами в совете и профсоюзах. Большевики развивают свою агитацию и пропаганду на фабриках и заводах, в казармах и на жел. дороге. Начинает выходить большевистская газета «Пролетарий», распространяется большевистская литература, получаемая из центра. В сентябре состоялась первая большевистская конференция, на которой обсуждалась кампания по выборам в Учредительное собрание. В числе делегатов из Челябинска присутствовал Самуил Моисеевич Цвиллинг, оставшийся затем работать в Оренбурге и сделавшийся одним из вождей Оренбургской организации. Большевистские лозунги «долой войну», «власть советам», «землю крестьянам» об'единили вокруг партии рабочих и крестьян. На произведенных в конце октября и начале ноября выборах в Совет солдатских депутатов вошло 90% членов большевистски настроенных. В деревнях начались крестьянские восстания, которые дутовцы старались подавить военной силой.

Контр-революция в Оренбурге.

Когда в Петрограде произошла Октябрьская революция Дутов об'явил в Оренбурге военное положение и образовал «комитет спасения родины и революции». В него входили дутовцы, эс-эры и меньшевики. Первыми действиями этого комитета был разгром газеты «Пролетарий» и арест председателя Совета рабочих депутатов т. Коростелева и нескольких других большевиков. В ответ на это рабочие главных мастерских Ташкентской и Орской жел.

дор., кожевники, пекаря, пищевикии др. об'явили забастовку, которую пытались сорвать меньшевики. 27-го (14) ноября в Караван-Сарае состоялось собрание Совета рабочих депутатов, на котором был избран военно-революционный комитет во главе с председателем тов. Цвиллингом. Ревком издал приказ № 1 по гарнизону об образовании в Оренбурге власти советов. Когда происходили выборы Ревкома,—Караван-Сарай по распоряжению Дутова был окружен юнкерами и казаками, которые арестовывали всех там находящихся, произведя при этом избиения. Часть рабочих после допроса была выпущена, но 36 большевиков были задержаны дутовцами. Тов. Коростелева, Цвиллинга, Мартынова и Корнилова—Дутов разослал под арест в казачьи станицы, а остальные были посажены в Оренбургскую тюрьму, куда через несколько дней привезли и первых четверых. После этого Дутов, став диктатором в Оренбурге, начинает громить рабочие организации, распускает гарнизон, на который он не надеется, производит мобилизацию казаков и его отряды стремятся захватить Ташкентскую железную дорогу, чтобы овладеть и Самарой. Отряды Самарской и Бузулукской Красной гвардии выступают против Дутова и задерживают его наступление. Рабочие Оренбурга, узнав об аресте большевиков, требуют от Дутова их освобождения, но получив отказ в этом, организуют стачечный комитет, который и становится руководителем борьбы с Дутовым. Рабочие в это время подпольно организуют отряды Красной гвардии, под начальством т. т. Котова, Левашова и др.

Винтовки для гвардии были добыты рабочими в 105 и 238 полках при участии караула из этих полков. 89 винтовок и 3 пулемета были привезены

из Бузулука в виде тендера, а патроны и ленты—в угле,—это выполнили т. т. Калинин, Кравченко и Болотин.

Побег из тюрьмы.

В ноябре месяце красногвардейские части Самарские и Бузулукские повели наступление из Бузулука на Оренбург. Можно было опасаться, что когда фронт приблизится к Оренбургу, то Дутов расстреляет 36 заложников-большевиков, сидевших в тюрьме. Заключенные вошли в связь с большевиками, оставшимися на воле и Красной гвардией и было решено 25 (12) декабря устроить побег из тюрьмы. Для этого заключенные должны были внезапно напасть на внутреннюю стражу, обезоружить ее и бежать из тюрьмы. Красная гвардия к назначенному сроку должна была также подойти к тюрьме и не допустить наружную охрану уведомить о побеге дутовцев; кроме того, красногвардейцы должны были помочь скрыться бежавшим. Это рискованное предприятие удалось большевикам выполнить без всяких потерь. По сигналу тов. Цвиллинга, запевшего интернационал, заключенные бросились на надзирателей, обезоружили их, заперли в одну из камер, а затем через забор бежали из тюрьмы, где их встречали красногвардейцы. Цвиллинг и Коростелев, загримированные, как проводники, бежали на Бузулукский фронт, остальные скрылись в самом городе и его окрестностях. В январе началось наступление красных на Оренбург. Дутов, не надеясь на простых казаков, бросил против красных лучшие свои силы: офицерские отряды, юнкеров и кадетов. После нескольких успешных боев, красные 31 (18) января вступили в Оренбург, и Дутов с своими приспешниками бежал в степи.

Советская власть в Оренбурге.

В Оренбурге опять создается Ревком под председательством тов. Цвиллинга, который разоружает буржуазию, облагает ее контрибуцией, вводит по губернии советскую власть, пополняет военные части, организует продовольствие и т. д. 12-го марта (27 февраля) состоялся II-й губ. с'езд советов. Но во многих станицах еще хозяйничали контр-революционные атаманы с шайками казаков, например, в станицах Мертвецовской, Ветлянской, Ново-Илецкой, Изобильной и других, в которых белогвардейцы мешали заготовлять продовольствие, подбивая казаков не сдавать излишков советской власти. Для ликвидации белогвардейщины туда был отправлен отряд под командой т. Абрамовича, а затем выехал на фронт и сам председатель Губисполкома С. М. Цвиллинг, отряд которого был окружен в ст. Изобильной.

Налет Дутовцев на Оренбург.

В бою с Дутовцами были убиты и т. Цвиллинг и большая часть его отряда.

Известие о смерти Цвиллинга ободрило Оренбургскую буржуазию и при ее поддержке 4-го апреля 1918 года был произведен налет на Оренбург казацкой банды сотника Лукина. Ночью казаки, подкравшись к юнкерскому училищу, где находился красногвардейский отряд, ворвались в здание и начали зверское избиение спавших людей. Убивали прикладами, штыками и шашками не только мужчин, но и женщин и детей, так как при некоторых красногвардейцах находились их семьи. Затем они рассеялись по городу, производя избиения рабочих. Первый отпор был дан им тов. Курач, нач.

гарнизона. Тов. Курач собрал находившихся в штабе венгерцев-эмигрантов, к ним присоединилась часть спасшихся красноармейцев из юнкерского училища, и некоторые члены Губисполкома. Составился отряд человек в 100 и тов. Курач начал обстреливать белогвардейцев из пулемета. Главные свои силы шайка устремила на вокзал, которым и завладела на один час. По тревожному гудку главных мастерских быстро собрались железнодорожники и из мастерских повели наступление на вокзал, откуда и выбили казаков. Преследуя их, рабочие двинулись к центру города. Отступающие бандиты пытались задержаться, устраивая засады, но когда была в ход пущена артиллерия, они в панике бежали из города. Тем из них, кто попадался в руки красногвардейцев, пощады не было, что являлось естественным в виду тех зверств, которые произвела белая банда в юнкерском училище. Всего убитых белогвардейцами было 128 человек. Вот как описывает один из очевидцев картину, которая представилась при осмотре юнкерского училища: «У многих красногвардейцев были вывернуты руки в кистях, локтях и плечах, откуда торчали белые окровавленные кости. У многих были отрублены ноги, носы и даже половые органы. На лбу, щеках и подбородках шашками вырубались кресты. У двух женщин отрублены груди, и сами они изрублены во всех местах тела, у мальчика лет 5-6 до половины разрублена голова». 6-го апреля все жертвы белогвардейско-бандитского налета были похоронены с революционными почестями в братских могилах. Так прошли в Оренбурге первые месяцы после Октябрьской революции.

Февральская и Октябрьская—революции в Симбирске.

О происшедшем в Петрограде перевороте Симбирск узнал 1-го марта из тех же телеграмм Родзянко и Бубликова, которые давались и по всем городам. 2-го марта было выпущено губернатором и земством извещение о перевороте. В городе начались демонстрации рабочих и солдат, но только 5-го марта была разоружена полиция, образовался комитет местной власти и организована милиция. Комитет народной власти и его исполнительный орган—губернский исполнительный комитет—состоял исключительно из представителей буржуазии и помещиков. В уездах создаются такие же комитеты, в волостях волостные, но на-ряду с ними до апреля оставались на местах в губернии и земские начальники, и урядники. Рабочее движение в первые месяцы после февраля проявилось преимущественно в деле организации профсоюзов за: 1917 год в Симбирске образовался 31 союз, в Сызрани 21, в Сенгилее 18 и т. д.

На первом собрании союза типографских рабочих 7-го марта было постановлено образовать совет рабочих депутатов, к чему типографщики привлекли и членов других союзов. Но в созданном совете типографщики поддерживали меньшевиков, таков же был и союз служащих городских предприятий.

Уже в марте началось в губернии аграрное движение, которое проявлялось в тех же формах, что и в 1905 году. Губернский крестьянский с'езд, состоявшийся 20, 22-го марта, ничего по вопросу о земле не решил, приняв лишь резолюцию по вопросу о спекуляции, в которой говорилось—«Об'явить все излишки хлеба, у кого бы то они ни были

государственной собственностью и произвести расчет за него по установленной цене». Гораздо дальше пошел крестьянский с'езд Симбирского уезда, который 15-20 мая выносит резолюцию о немедленном переходе земли к крестьянам, что крестьяне начали осуществлять уже ранее, захватывая земли помещичьи, удельные, церковные и т. д. Отчет губ. комиссара за 1917 год—отмечает 71 случай разгрома имений, 78 случаев порубки лесов и 332 случая—захвата земли и инвентаря.

В июне начались волнения в войсках Симбирского гарнизона, в котором насчитывалось до 70 тысяч: офицерство, буржуазный исполнительный комитет и соглашатели эс-эры и меньшевики из совета пытались отправить некоторые части на фронт, но пошло лишь несколько рот в июне месяце; остальной гарнизон категорически отказывался покинуть город.

После июльских дней буржуазия и соглашатели вместо комитета народной власти создают комитет спасения родины и революции, просуществовавший до выступления Корнилова. В это время революционная часть совета настояла на образовании губревкома, в уездных городах также создаются ревкомы. Сызранский совет уже 20 августа провозглашает себя высшей властью в городе и уезде, принимает на себя командную власть над войсками и закрывает контр-революционные газеты. С половины сентября в Симбирске усиливается влияние большевиков в совете, так как в это время оформляется их организация: 15 сентября создается временный комитет партии, который проводит вербовку новых членов, усиливает работу фракции совета и начинает охватывать своим влиянием и гарнизон и профессиональные союзы.

К октябрю положение в Симбирской губернии, в виду постигшего ее неурожая, стало критическим; не только в городах, но и в деревнях начался голод; губернии до нового урожая нехватило 11 миллионов пудов, и на этой почве возникали волнения.

25-го октября войска вышли на улицу с протестом против войны и направились к совету, но, благодаря провокации демонстрация превратилась в разгром винных складов и частных магазинов. Образованный военно-революционный комитет только через три дня ликвидировал погром. В ноябре симбирская буржуазия делает последнюю попытку удержать власть в своих руках и образует так называемый «Симбирский парламент», на заседаниях которого буржуазные ораторы призывают к борьбе с диктатурой. Через несколько дней «парламент», на заседаниях которого отсутствовало 2/3 его членов, окончил свои дни, передав власть губернскому земству. Последнее этой властью не успело воспользоваться, так как 10 декабря на об'единенном совете, профсоюзов и представителей гарнизона было постановлено взять власть в руки совета.

Советская власть в Симбирске.

Совету пришлось вести долгую борьбу с земством и другими буржуазными организациями, чтобы удержать власть в своих руках. Совет немедленно приступил к организации Красной гвардии, в которую массами начали вступать рабочие города, Заволжья и суконных фабрик. Выделенный советом ревком с января 1918 года при помощи вооруженной силы отнимает от буржуазии одно учреждение за другим, как например, госбанк, казначейство, губернское правление и т. д. Служащие этих учреждений, не желая подчиняться новой вла-

сти, начинают саботаж, организуют особое «бюро об'единения», которое начинает проводить с 8-го января забастовку служащих, которая продолжается до 23 января, когда совет об'явил, что чиновники, не вышедшие на работу, будут уволены и лишены права поступить в советские учреждения.

После 5-го губернского крестьянского с'езда, бывшего 20-го января, произошло об'единение трех секций совета рабочей, солдатской и крестьянской, работавших до этого отдельно. С этого момента образуется единый губернский исполнительный комитет, который к 1-му февраля образовал 10 отделов управления. Для об'единения деятельности всех комиссариатов был образован Совет Народных Комиссаров. Советская власть испытывала в это время острый недостаток средств, почему и пришлось провести контрибуцию с буржуазии, в размере 4-х миллионов рублей. К марту 1918 года были проведены национализация предприятий крупной промышленности и распределение земельного фонда между крестьянством. С февраля в Симбирской губернии началось формирование частей Красноармии, пошедшее быстро вперед лишь после нападения чехо-словаков.

Февральская и Октябрьская революция в Пензе.

О свержении самодержавия Пенза узнала 14/1 марта. Пензенская буржуазия, как это было и везде, поспешила захватить власть в свои руки, образовав губернский исполнительный комитет и выбрав комиссаром временного правительства кн. Кугушева, председателя земской управы. В это же время образовался совет солдатских и офицерских депутатов. Совет рабоч. депутатов возник в Пензе позднее и состоял он по преимуществу из соглашателей—эсэров и меньшевиков, большевиков в нем было лишь

несколько человек во главе с В. В. Кураевым. Соглашатели поддерживали буржуазию, старались убедить рабочие массы в необходимости продолжения войны «до победного конца», в необходимости отложить разрешение земельного вопроса до Учредительного собрания. Рабочие, солдаты и крестьяне своими выступлениями свидетельствовали, что они не пойдут по пути соглашательства. Так, во время манифестации свободы, в которой участвовали до 60 тысяч рабочих и солдат, солдатами был убит начальник Пензенского гарнизона ген. Бем; крестьяне на первом своем губернском с'езде выносят резолюцию, в которой требуют уничтожения частной собственности на землю и об'явления ее общественным достоянием без всякого выкупа. Происходившая летом конференция фабзавкомов вынесла резолюцию недоверия временному правительству и требовала передачи всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но Пензенский совет продолжал оставаться соглашательским и даже после июльских дней высказывался в том роде, что «пролетариат в России представляет собой слишком небольшую силу, чтобы можно было спокойно работать, опираясь только на него, приходится искать поддержки и сотрудников среди буржуазии». Резолюция большевика Савицкого, говорившая о диктатуре пролетариата, была отклонена. Избранная на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования дума состояла также из соглашателей и была бессильна бороться с наростающей в городе с каждым днем дороговизной, спекуляцией и разрухой. На этой почве в дни Октябрьской революции в Пензе произошел погром, продолжавшийся целый день, пока его не прекратили рабочие, с'организованные большевиками.

Когда в Петрограде произошла Октябрьская

революция, в Пензе собрание общественных организаций под председательством городского головы Степанова приняло резолюцию «не подчиняться большевистским рапоряжениям из центра и повести борьбу с большевиками в Пензе». К этой резолюции присоединился и соглашательский с'езд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и городская дума. В Пензе образуется контр-революционный комитет спасения революции.

16-го ноября в Пензу приехал В. В. Кураев, командированный сюда В. И. Лениным, чтобы провести здесь переход власти к советам. В партийном активе большевиков было человек до 30, по преимуществу рабочих, как например, Пладухин, Трясогузов, Яковлев, Серегин, Мебель и др., затем после приезда Кураева в организацию вошли интеллигенты Соколова, Марьин, П. Кутузов, Либерсон. Много помог делу организации старый большевик т. Охлопков, работавший в Мокшанском уезде. Большевики для организации и воспитания рабочих масс признали необходимым начать издание своей газеты «Голос Правды», которая и стала выходить с 22 ноября. Газета сразу получила широкое распространение среди рабочих. Редактор ее т. Кураев и приехавший с ним из Петрограда Гринштейн в своих статьях раз'ясняли значение Октябрьской революции и, разоблачая предательство эс-эров и меньшевиков, призывали рабочих сплотиться вокруг большевистской партии и готовиться к захвату власти. Вместе с этим большевики вели индивидуальную агитацию на фабриках и заводах, а также часто устраивали митинги. Были брошены силы и для работы среди гарнизона, который до этого шел за соглашателями. Когда среди солдат наметился перелом в пользу большевиков, была начата кампания за перевыборы советов. 7-го декабря пе-

ревыборы состоялись; в солдатской и рабочей секции большевики получили большинство голосов и председателем совета рабочих и солдатских депутатов был избран Кураев, начальником гарнизона большевик Макеев. На первом заседании обновленного совета было решено приступить к организации Красной гвардии. В декабре же произошел раскол в партии эс-эров, от которых откололась группа левых эс-эров во главе с Костиным и Тутенковым, которая начала работать вместе с большевиками, считая необходимым произвести захват власти.

Советская власть в Пензе.

2-го января 1918 года (20 декабря) совет, который уже перешел в губернаторский дом, большинством голосов постановил взять в Пензе власть в свои руки. На следующее утро были взяты дела революционного меньшевистско-эсэровского штаба, ад'ютант последнего выдал дела без всякого сопротивления. Затем к зданию совета были вызваны войска и тов. Кураев сообщил им о переходе власти к совету, в ответ на что солдаты заявили, что они будут поддерживать новую власть. В этот же день были национализированы банки; директоры их были первоначально арестованы, но после беседы с Кураевым они, заявив, что снимают с себя ответственность, согласились передать все дела назначенным комиссарам и были освобождены. Служащие некоторых учреждений начали забастовку, продолжавшуюся до 10-го января, что сильно тормозило на первых порах работу новой власти, так как чувствовался большой недостаток в работниках. Несмотря на это, совет составил план управления губернией, организовал различные комиссариаты, работой которых руководили коллегии. Губерн-

ский крестьянский с'езд признал новую власть и для всей губернии. К концу марта в Пензенской губернии везде была проведена диктатура пролетариата и в ней установилась советская власть.

Глава IX.

Гражданская война в Среднем Поволжье.

В эпоху гражданской войны 1918—1919 годы удары мировой буржуазии в лице наемников Антанты чехо-словаков и Колчака были направлены на Среднее Поволжье. Стремясь захватить Среднюю Волгу, капиталисты расчитывали при помощи чехов, Дутова, а затем и Колчака отрезать житницу России от красной Москвы и тем самым «костлявой рукой голода» задавить революцию рабочих и крестьян.

В Среднем Поволжье важным стратегическим пунктом являлась Самара, через которую проходили железные дороги: Самаро-Златоустовская в Сибирь и Ташкентская в Среднюю Азию, поэтому на завладение Самарой были направлены чехо-словаки.

Возникновение чехо-словацкого корпуса.

При Николае II-м много представителей чешской буржуазии жило в Киевской и Волынской губерниях, где они имели фабрики, заводы и поместья. Несмотря на то, что они оставались австрийскими подданными, царское правительство давало им различные привиллегии: не мало чехов было и на службе в государственных и общественных учреждениях.

Когда началась империалистическая война, министр внутренних дел отдал распоряжение выслать чехов в Сибирь, как австрийских подданных. Чтобы не растаться с насиженными гнездами и теплыми местечками, представители чешской буржуазии обратились к Николаю с петицией об оставлении их в России, обещая за это сформировать боевые чешские дружины, которые в рядах русских войск будут сражаться против их вековой угнетательницы Австрии.

Николай согласился на это, и чехи были оставлены в России. Формирование дружин, однако, шло туго, сынкам чешской буржуазии не хотелось подставлять свои лбы под австрийские пули и из них сформировалось только две роты: одна в Москве, другая в Кременчуге.

Однако, руководители этого дела нашли выход из положения и добились разрешения от Николая вести агитацию за вступление в дружины среди чехов и словаков, взятых русскими в плен на австрийском фронте. Пленных чешских рабочих и крестьян агитаторы-интеллигенты призывали вступить в дружины, уверяя их, что после войны Чехия получит национальную независимость, отчего на них посыплются всякие блага. Дело формирования пошло быстрее и к осени 1916 года из пленных чехо-словаков было образовано 24 чешских роты, из которых генерал Брусилов составил три полка. Часть чешских войск принимала участие в наступлении, затеянном Керенским на австрийском фронте, а затем была расположена после поражения на отдых в Волынской губернии.

В феврале 1918 года после наступления немцев на Украину, чехи вместе с советскими войсками отступают сначала на Киев, а потом после занятия Киева и далее вглубь России.

При отступлении чехов от Киева председатель чешского национального совета в Париже, профессор Масарик, бывший в это время в России, выпустил воззвание к чешским солдатам, в котором говорилось:

«Советская власть заключила мир с Германией и на этом основании пребывание чехо-словацких войск в России стало излишним и они должны переехать на французский фронт, согласно переговоров с французской миссией».

С этого момента чехо-словаки начали получать жалованье от французского правительства, в корпусе был принят французский дисциплинарный устав. Из документов архива корпуса, захваченных впоследствии чехо-словацкой компартией, видно, что сотрудники чешского национального Совета Шип и Богумил Чермак с 7-го марта 1918 года и до дня восстания чехов получили от французского консула в РСФСР 11.188.000 рублей; кроме того, английским консулом было также уплачено отделению чешского совета около 4 миллионов рублей. Итак, за 15 миллионов рублей чехо-словацкая армия была продана ее вождями французским и английским империалистам. Империалисты тряхнули своей мошной вовсе не для того, чтобы везти чехов в далекую Францию, а им нужна была организованная контр-революционная сила—внутри России, чтобы уничтожить ненавистную для них первую рабоче-крестьянскую республику. Теперъ оставалось только поднять восстание чехо-словаков против советской власти.

В марте 1918 года представители отделения чешского национального совета Макса и Чермак обращаются к Наркомвоен. Л. Д. Троцкому с

просьбой об отправке чешского корпуса во Францию. Л. Д. Троцкий ответил им:

«Если чешские солдаты сами желают, то я не считаю себя в праве мешать им в этом».

Троцкий договорился с представителями национального совета, что корпус будет отправлен через Владивосток. Зная, что в корпусе ведется агитация против советской власти и предвидя, какую опасность может представить эта вооруженная сила иноземцев внутри Республики, Л. Д. Троцкий поставил непременным условием, чтобы чехи сдали все имеющееся у них оружие, оставив лишь для охраны по 120 винтовок и одному пулемету на каждый из 56 их эшелонов. Разоружение должно было производиться особой комиссией в г. Пензе.

Командный состав корпуса, сынки буржуазии и интеллигенты, энергично развивают провокационную работу среди чешских солдат; им внушают, что Троцкий договорился с германским послом в Москве, графом Мирбахом, и их разоружают для того, чтобы отправить в плен в Германию. Чешские солдаты всеми способами стараются скрыть оружие, что им и удается сделать, так как в Пензе осмотр и разоружение эшелонов производились комиссией весьма поверхностно.

В начале апреля 1918 года часть эшелонов прибывает во Владивосток; другие же в это время были растянуты по Сибирской ж. д., некоторые эшелоны находились еще в Европейской России.

Лишь только первые чешские части начали прибывать во Владивосток, Л. Д. Троцкий обратился к начальнику французской миссии с запросом:

«Заберет ли Франция чехо-словаков на свои корабли для отправки во Францию?».

Французский представитель не дал никакого ответа. На тот же вопрос, обращенный к Англии, получился ответ:

«Этот вопрос очень острый, у нас нет свободных кораблей».

Чешские солдаты в ожидании отправки томились во Владивостоке, а офицерство разжигало их против советской власти, убеждая, что их намеренно задерживает Троцкий. Между тем в эшелонах были образованы боевые единицы и разработаны инструкции о боевых действиях против РСФСР.

В это время чехо-словацкая армия насчитывала до 40 тысяч человек.

Восстание чехословаков.

Восстание чехов происходит почти одновременно в конце мая в трех пунктах: Омске, Челябинске и Пензе. 25 и 26 мая чешский генерал Гайда производит восстание в Омске. 26 мая чехи под командой полковника Войцеховского свергают советскую власть в Челябинске.

С начала переворота Антанта (Франция и Англия) начинает осыпать чехов своими милостями: до того времени, как чешские солдаты, так и их офицеры получали одинаковое жалованье по 5 рублей в месяц; с первого же дня их контрреволюционного выступления каждому рядовому назначается жалованье в 200 руб. в месяц на всем готовом, чешские же офицеры начинают получать громадные суммы, размеры которых нельзя даже точно определить. Чешское командование входит в связь с сибирской кооперацией, в которой орудовали правые эс-эры, и кооперация услужливо принимает на себя снабжение эшелонов продовольствием и фуражем; при посредстве

эс-эров чехи связываются и с другими контр-революционными организациями Сибири.

При получении известия о выступлении чехов в Сибири Троцким издается приказ:

«Немедленно остановить всякие передвижения чехо-словацких эшелонов и разоружить всех чехо-словаков; добровольно сдающим оружие предоставляется полная свобода передвижения и обеспечивается поддержка со стороны советской власти; оказавшие малейшее сопротивлеление будут расстреливаться на месте».

Чешский командный состав скрывает этот приказ от солдат. Вслед за восстанием в Омске и Челябинске происходит восстание чехов в Пензе, где на Рязанско-уральском вокзале и по линии ж. д. в окрестностях города расположились прибывшие 28 мая чешские войска под командой поручика Чечека, в количестве 8.000 человек.

Пензенский губисполком 29 мая пред'явил чехам приказ о разоружении, но те отказались его выполнить и с утра 30 мая с боем начали оттеснять из города слабые красноармейские части. К 4 часам дня Пенза была занята чехами. Они разгромили Губисполком, разграбили продовольственные и вещевые склады, увозя награбленное в вагоны, «прихватили» в казначействе 500.000 рублей. Попадавшихся им в плен комиссаров и чехов, служивших в Красной армии, они сразу же расстреливали или вешали.

Передав управление городом с.-р. и меньшевикам, чехи 31-го мая уехали из Пензы на ст. Рузаевку.

30-го мая другая группа чехов захватила г. Сызрань, где добилась от Сызранского исполкома обещания ходатайствовать перед правительством о беспрепятственном пропуске их во Вла-

дивосток, обязавшись с своей стороны сдать все захваченное в Пензе, Кузнецке и Сызрани оружие. Но этого чехи не сделали и 31 мая силой прорвались через Сызранский мост, а затем очистили Сызрань и двинулись к Самаре. Под Безенчуком чехи успешно выдержали бой с настигавшим их от Сызрани советским отрядом Попова. 2-го июня чехами была занята станция Иващенково, которую советские войска сдали без боя, чтобы избежать жертв неминуемо бы последовавших при взрыве от обстрела снарядных складов. В Иващенкове чехи вошли в близкую связь с правыми эс-эрами, бежавшими сюда из Самары.

Самарские эс-эры в лице своих лидеров П. Л. Климушкина, Фортунатова и Брушвита—еще задолго до чехов начали вести контр-революционную работу, имевшую своей целью свержение советской власти. При этом роли распределяются так:Фортунатов занялся созданием боевых сил, Брушвит собиранием необходимых средств, на Климушкина легла обязанность общего политического руководства. Брушвит ездил в Томск, где связался с сибирскими эс-эрами. Когда в Пензе вспыхивает восстание чехов, Брушвит мчится туда. Чехи вначале встречают его недружелюбно. Они заявляют, что их главная цель пробиться на Дальний Восток, и что во внутренние дела России они вмешиваться не намерены. Брушвит убеждает их, что на местах имеются организации, могущие поддержать их выступление и помочь им бороться с Германией.

В Сызрани к Брушвиту явился мальчик, посланный его единомышленниками, который привез подробные сведения о расположении большевитских войск. «Чехи стали убеждаться, что

в Самаре имеется надлежащая организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана, как взять Самару».

Бои за Самару.

В Самаре стало известно о выступлении чехо-словаков 28-го мая и в этот же день В. В. Куйбышев, как председатель Ревкома, издал приказ о введении в Самаре военного положения. Все боевые силы были подчинены штабу в составе: главкома Урало-оренбургского фронта Яковлева, его помощника Гузакова и коменданта Самары Кадомцева.

30-го мая собрание членов РКП(б) об'явило мобилизацию всех членов партии, способных носить оружие. Клуб коммунистов на Заводской улице (ныне ул. Венцека, клуб ЦРК) с этого вечера превратился в военный лагерь. Члены Ревкома и советские работники все влились в ряды коммунистической дружины и перешли к походному образу жизни. Вблизи города начали рыться окопы, возводиться временные укрепления, у элеватора на площади расположилась батарея. В Самару начали подходить подкрепления из других городов (из Уфы и Симбирска).

3-го июня в городе послышались первые орудийные выстрелы—это начались бои на ст. Липяги. Линия обороны была расположена по берегу реки Татьянки в 15 километрах от Самары. Позиция была крайне не выгодна в тактическом отношении, так как ее можно было обойти с флангов. Защищал позицию отряд в 2.000 человек, но состав его был крайне разнороден: мобилизованные коммунисты, отряды матросов, татаро-башкирские роты, только что сформированные

красноармейские части и др. Чехи повели наступление с трех сторон, покрывая перекрестным огнем наши части, и притиснули их к р. Татьянке. Красноармейцы кинулись в реку, расчитывая переплыть ее и спастись на другом берегу, в лесу. Большая часть их, осыпаемая пулями чехов, утонула. Начальник отряда, тов. Кадомцев, пытавшийся с несколькими бойцами прорваться через огонь чехов, был убит.

В течение трех дней чехи не двигались дальше, опасаясь наступления советских войск от Сызрани. В это время их союзники, правые эс-эры и белогвардейское офицерство, подготовлялись к избиению рабочих в городе: из офицеров были образованы отряды пулеметчиков, которые должны были начать свою гнусную работу при вступлении чехов в город. Одним из таких отрядов 5-го июня была разгромлена тюрьма, при чем перебита часть тюремной стражи, из тюрьмы выпустили 470 человек уголовных преступников и 80 самарских капиталистов, сидевших там за неуплату контрибуции.

Убедившись, что со стороны Сызрани им опасность не угрожает, чехи начали продвигаться к Самаре и 5-го вечером они уже обстреливали мост через реку Самарку и Уральскую улицу. В ночь на 6-е июня разведывательные партии чехов подходили к мосту, но были отбиты. Обстрел города продолжался и весь следующий день. В ночь с 7-го на 8-е июня чехи переправились по мосту через реку Самарку, при чем охранявшая мост уфимская мусульманская рота отошла без боя. Они повели наступление на жел. дор. станцию и одновременно у устья р. Самарки. К 9 часам утра 8-го июня чехи ворвались в Самару. В городе они встретили сопротивление у

клуба коммунистов на Заводской улице (ныне ул. Венцека), где осталось около 50 членов партии, отстреливавшихся из винтовок и пулеметов. Когда стало очевидно, что положение безнадежно, коммунисты во главе с т. Масленниковым вышли из клуба и сдались в плен чехам. Пленников повели в тюрьму. По дороге озверевшая толпа обывателей глумилась и издевалась над пленниками: «в них кидали камнями и грязью, старались чем либо ударить, и конвой не отгонял толпу. «Части коммунистов перед сдачей клуба, как, например, В. В. Куйбышеву, Е. С. Коган и др. удалось спастись на пароход ревкома, стоявший у Струковского сада, который тотчас же отплыл в Симбирск.

Белый террор.

Тотчас по занятии города чехами начинается ряд зверских убийств, совершенных как самими чехами и учредиловцами, так и науськиваемой ими контр-революционной толпой. У клуба коммунистов после зверских истязаний был убит председатель ревтрибунала т. Ф. И. Венцек: его били палками, топтали ногами и, наконец, камнем размозжили череп. Были убиты: председатель жилищного союза Штыркин, организатор красноармейских отрядов Шульц, председатель революционного бюро П. И. Шадрин, коммунист-мусульманин Аббас Алеев, юноша—коммунист Длуголенский, женщина—красноармейка латышка Вагнер, военный комиссар Елагин, бывший подпольщик эс-эр Романов, который старался помочь раненому красноармейцу, слесарь Конихин и многие другие, имена которых остались неизвестными.

При появлении чехов их первый вопрос был: «где красноармейцы?» Захваченных во дворах от-

дельных красноармейцев расстреливали тут же на месте. За Самаркой же производился массовый расстрел всех красноармейцев, взятых в плен. В первые два дня переворота чехами было перебито свыше 300 человек.

Самарская буржуазия торжествовала свою грязно-кровавую победу: на ее домах вывешивались трехцветные царские флаги, на площади Революции раскрывался памятник Александру II-му, толпа призывалась к еврейскому погрому, а учредиловцы производили сбор в пользу семейств убитых «братьев» чехо-словаков.

Комитет членов Учредительного Собрания.

В то время, когда на улицах Самары чехословаки и озверевшие мещане—обыватели избивали коммунистов, рабочих и красноармейцев, самарские учредиловцы проезжали на автомобиле в городскую думу для открытия комитета «под охраной не своих штыков, а штыков чехо словаков», так рассказывает Климушкин. «Реальная поддержка была ничтожна», говорит он, «к нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали».

Несмотря на это, учредиловцы об'явили населению Самары об образовании нового правительства: «Комитета Членов Учредительного Собрания», который вначале состоял только из пяти человек: И. М. Брушвита, П. Д. Климушкина и Ф. К. Фортунатова от Самарской губернии, В. К. Вольского (Тверская губ.) и П. Нестерова (Минская губерния).

В последующие дни и недели комитет начал пополняться учредиловцами и из других губерний, приехал и эс-эровский министр земледелия Чернов, появилась и пресловутая «бабушка» Брешко-Брешковская.

Комитет с первого же дня начинает пачками издавать свои приказы. В приказе № 1 «большевистская власть в Самаре и Самарской губернии об'является низложенной» «восстанавливаются городские думы и земские управы». Приказом № 2 военному штабу предлагалось «приступить к формированию дисциплинированной и сильной народной армии». Приказ № 3 гласил об аресте всех лиц, подозреваемых в большевизме.

Приказы ком. член. уч. собрания («Комуча», как прозвали его в Самаре) сыпались, «как горох из дырявого мешка», но с ними не считались ни рабочие, ни крестьяне, ни даже приглашенные «деятелями» комуча наемники, чехо-словаки. Трухлявое здание самарской учредилки держалось лишь на чехословацких штыках и чешской контр-разведки, для которой «Комуч» услужливо отвел в первый же день переворота дом Курлина (ныне здание Окружкома). Подвалы этого дома и до сих пор хранят следы производившихся здесь чехо-словаками расстрелов.

Чехи, Комуч и крестьянство.

Стоном застонало самарское крестьянство, когда уполномоченные учредилки начали творить над ним свою дикую расправу; в этом им усердно помогали и господа помещики, возвращавшиеся в свои былые гнезда и начавшие отбирать у крестьян помещичьи земли. Пошли в ход розги, нагайки, издевательства, побои, расстрелы. Несмотря ни на что крестьянство не шло в «сильную народную армию», в которую хотели его загнать силой наемных штыков эс-эры и кадеты.

Об этом красноречиво говорят доклады с мест делегатов губернского крестьянского с'езда, созванного Комучем в сентябре.

Приведем некоторые из них.

В Ключевской волости отряд казаков в 200 человек оцепил село и до вечера никого не выпускал из домов. Ослушников стегали нагайками. Вечером арестовали 18 человек. Новобранцы скрылись от страху. Пороли их отцов и матерей. На утро арестованных вывели на площадь, заставили раздеться, подстелить под себя одежду и всех перепороли, двух человек вывели на задворки и расстреляли.

В Поповской волости, Бугульминского уезда, «новая власть стала пускать в ход нагайки, что озлобляет население».

В с. Обрышкине, Бузулукского уезда, «приехал карательный отряд и всех перепорол, не исключая матерей».

Таких заявлений на крестьянском с'езде были десятки.

Крестьянство, понимая, что ему угрожает потеря земли и свободы, начинает подниматься против насильников и образует в некоторых местах партизанские отряды, которые бьются с чехо-словаками, как, например, в Домашкинской волости, Самарскгоо уезда. В Пугачевском уезде образуются крестьянские полки пугачевской красной гвардии, которые во главе с Чапаевым, самоотверженно бьются с чехо-словаками и уральскими казаками и отстаивают от них территорию уезда, не допуская эти две волны контр-революции соединиться между собою. В июле месяце 1918 г. один из чешских отрядов неожиданным налетом завладевает г. Пугачевым. Чапаев со своим отрядом в это время находится в 70 верстах от Пугачева. Менее чем в сутки отряд Чапаева прошел это расстояние, неожиданно напал на чехов и после непродолжительного боя выбил их из города, захватив у них орудия, пулеметы и более 200 возов снарядов. После этого

Чапаев назначается командиром одной из бригад 25 дивизии.

Рабочие и учредилка.

Учредиловцы чувствовали слабость своей власти в Самаре, поддерживаемой лишь чешскими штыками, и поэтому старались заглушить сознание рабочих масс и привлечь их на свою сторону. С этой целью Комучем, по инициативе меньшевиков и была разрешена беспартийная рабочая конференция, заседания которой продолжались с 11 июня до 10 августа. Конференция должна была выбрать совет, который являлся бы защитником экономических интересов рабочих, но не пред'являл бы никаких прав на политическую власть.

На открытии конференции эс-эр Вольский призывал к образованию армии для борьбы с большевизмом и убеждал Самарский пролетариат помочь Комучу в этом деле; то же самое повторял за ним и меньшевик С. М. Лепский; присоединились к декларации и представители «Бунда» и «Единства».

Но уже на втором заседании конференции 14 рабочих делегаций, как, например, от металлистов, кожевников, «Игла», строителей и др. высказываются за власть Советов. Многие рабочие организации протестуют против самосудов над большевиками и расстрелов их, требуют прекращения арестов и освобождения заключенных большевиков и красноармейцев. Чехи на конференции стараются оправдать свое выступление интересами России, и меньшевик Кабцан лебезит перед захватчиками и имеет наглость заявлять, что сочувствие всех рабочих на стороне чешского народа».

Рабочая конференция выделила из своей среды комиссию для обследования тюрьмы, которая выяснила, что положение заключенных в тюрьме

ужасное; в ней находилось свыше 1.000 человек, многие в общих камерах спали прямо на полу, вместо 20 заключенных в камере содержалось по 60 человек, пища давалась один раз в день. Больную чахоткой большевичку Дерябину, С. И. томили в общей камере, тогда как сидевшему в тюрьме жандармскому полковнику Познанскому была предоставлена отдельная, большая и светлая комната.

Выступления рабочих против произвола учредилки приводят к тому, что членов конференции начинают арестовывать особенно из группы «беспартийных левых», среди которых много было необнаруженных большевиков.

Заседания конференции превращаются учредиловцами в говорильню, и поэтому рабочие начинают отзывать из нее своих представителей. Собравшийся 10 августа совет рабочих депутатов, в котором «беспартийные левые» были в меньшинстве, был также бессилен в своей борьбе против произвола учредиловцев.

Захват Самары разделил самарских коммунистов на две группы; одна из них во главе с ревкомом 8 июня уехала в Симбирск, вторая осталась в Самаре—в подполье. Ревком из Симбирска направился в Мелекес; после захвата Мелекеса самарцы снова собираются в Симбирске, а затем после падения его—в Казани.

Ревком поддерживал постоянную связь с Самарой, посылал разведчиков на чехо-словацкий фронт, оказывал материальную поддержку самарским товарищам, находившимся в подполье, а также заключенным коммунистам самарской тюрьмы. Члены ревкома принимали деятельное участие в боях с чехами, которые происходили по линии Волго-Бугульминской ж. д. в Симбирске и Казани.

После эвакуации ревкома из Казани там осталось много самарских коммунистов в подполье.

Казанский коллектив избрал временное бюро в составе Левина, Я. Бауэра, Маринина, Галле и Сиротина. Коллектив и при чехах продолжал вести конспиративную работу ревкома.

Ревком же из Казани отправился в Москву для доклада ВЦИК'у, а затем из Москвы, по настоянию делегации уездов Новоузенского и Пугачевского и по распоряжению ВЦИК'а выехал в г. Покровск Саратовской губернии, откуда он и должен был руководить восстановлением советской власти в Самарской губернии.

Сюда же прибыли товарищи из Казанского коллектива. 17 августа был избран временный парткомитет, в составе В. Мяги, Струппе и Тронина; к этим товарищам 20 августа был добавлен от прежнего Губкома Бирн и от казанских самарцев Я. Бауэр и Гайле.

Дальнейшая деятельность комитета партии и ревкома происходила уже в Покровске. Здесь были созданы агитационный отдел и агентура изданий ВЦИК. Было возобновлено издание «Приволжской Правды», и открыта партийная школа. В то время, как ревком и партийный комитет, образовавшийся в эвакуации, вели работу вне Самары: организовывали большевистские силы и вливали их в полки Красной армии и на советскую работу в других губерниях, в Самаре работал подпольный комитет РКП(б).

После захвата Самары чехами многие коммунисты были арестованы и заключены в самарскую тюрьму, как например, Масленников, Вавилов, С. И. Дерябина, Адамская, Авейде, П. И. Андронова, Паршин и другие. Многие из коммунистов остав-

шиеся в подполье, решили образовать подпольную организацию.

Только через две недели удалось собрать нелегальное собрание, на котором и был избран временный партийный комитет. В состав его вошло большинство не местных работников. Деятельность комитета, как расказывает один из его участников, тов. Левитин, сводилась вначале к подготовке вооруженного восстания. В образуемую учредилкою народную армию были посланы артиллеристы и другие военные с тем, чтобы в нужный момент захватить оружие и ударить в тыл врагу. Распропагандированные части требовали приказа о выступлении, но сделать этого не пришлось, так как за это время руководители были арестованы, склады оружия раскрыты, а Красная армия была еще далеко. Главной работой подпольного комитета было оказание помощи нуждающимся товарищам деньгами, платьем, документами; заключенным в тюрьме оказывалась помощь хлебом и мясом, а также бельем. Подпольный комитет поддерживал все время связь с ревкомом и частями Красной армии на фронте.

Три месяца продолжались военные успехи чехов. Сразу же после овладения Самарой они двинулись на Уфу, преследуя небольшой отряд красных, отступающих под командой Блохина. Другие же небольшие чехо-словацкие отряды заняли в это время гг. Сергиевск, Бугуруслан, Бугульму и Стерлитамак. 18-го июня после упорных боев белыми была взята Сызрань и они повели наступление на Симбирск от Бугульмы, Сызрани, Сенгилея и Ставрополя. 20-го июня Симбирск был об'явлен на осадном положении. Для борьбы с чехо-словаками у нас было образовано три армии: особая армия под командой т. Хвесина находилась в районе Саратова. I-ая армия под командой Тухачевского—

в районе Кузнецк, Сенгилей, Бугульма и 3-я армия —в Екатеринбургском районе. Главкомом в это время был лев. с-р. полковник Муравьев. В первой армии было образовано три дивизии—Симбирская, Инзенская и Пензенская, комсостав которых мобилизовался из бывших офицеров, проживавших в Симбирской и Пензенской губернии. Муравьев поставил своей задачей уничтожить Самарскую группу чехов, для чего первая армия должна была наступать по фронту Кузнецк—Сенгилей—Бугульма, 2-я армия должна была поддерживать 1-ю и, кроме того, вести наступление на Челябинск. Командующий первой армией Тухачевский изменил этот план и решил вести наступление по фронту Симбирск—Самара, на котором можно было использовать Волжское пароходство. В Симбирске начали приготовлять для перевозки артиллерии пароходы и баржи.

В начале июля красными были взяты обратно Сызрань и Бугульма. Но в это время произошла измена ком. войсками Муравьева, которая разрушила создавшуюся благоприятную обстановку. 11-го июля Муравьев на пароходе «Межень» с двумя вооруженными пароходами, на которых был—отряд до 1.000 штыков, неожиданно прибыл в Симбирск и арестовал командующего первой армией т. Тухачевского и ряд ответственных работников. Затем он дал телеграмму по фронту, в которой об'являл, что он заключает мир с чехо-словаками и об'являет войну Германии. Горсточка симбирских коммунистов начала борьбу с Муравьевым, несмотря на то, что он приказал окружить 6 броневиками и пулеметами здание, где находились Губисполком, комитет партии и отряд коммунистов. Арестованного председателя партийного комитета т. Варейкиса, Муравьеву пришлось освободить по требованию

латышских отрядов. Губисполкому Муравьев отдал распоряжение собраться в Кадетском корпусе и ожидать его. Большевики повели агитацию в Муравьевских частях, разоблачая его авантюру. Муравьев явился на заседание Губисполкома в 12 часов ночи. Фракцией коммунистов после заседания Муравьев был арестован; когда он попытался оказать сопротивление при аресте его тут же расстреляли.

Смерть Муравьева волнения среди войск его не создала, но на фронте она понизила боеспособность армии, так как красноармейцы стали не доверять своему комсоставу, заподозревая его в измене, и поэтому не подчинялись иногда его распоряжениям. В результате этого пришлось сдать чехам Бугульму, Мелекес, Сызрань. 21-го июля после нескольких часов боя Симбирск был взят белыми, Губисполком эвакуировался в Буинск. Бывшие в Сенгилее советские войска под командою тов. Гая остались со всех сторон в кольце, но им удалось прорваться и соединиться с другими красными частями. Отряды Гая положили начало доблестной Симбирской железной дивизии. В армию в это время вливаются тысячи бойцов из пролетарских центров: Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска, в полках везде образуются ячейки; ячейки и политкомиссары воспитывают и мобилизованные крестьянские массы в духе коммунистической партии, и Красная армия, несмотря на переживаемые ею лишения, становится непобедимой и грозной для всех врагов революции. В начале сентября Команд. арм. Тухачевский телеграфировал в Реввоенсовет: «12-го сентября Симбирск будет взят». 10-го сентября Красной армией была взята Казань, а 12-го железная дивизия Гая, после трехдневных боев

вступала в Симбирск, откуда в панике бежали чехи, белогвардейцы и буржуазия.

16-го сентября белые, получив подкрепление, делают попытки вернуть Симбирск. Четыре дня идет ожесточеннейший бой, но железная дивизия Гая своею грудью отстояла родину Ленина.

2-го октября 1-ая армия овладела Сызранью и двинулась к Самаре, куда также шли из Пугачева части 4-й армии—25 Чапаевская дивизия. Почти одновременно части первой и четвертой армии 7-го октября вступили в Самару, восторженно приветствуемые рабочими, которые уже перед их приходом вооружились, чтобы поднять восстание против учредиловцев. Народная армия учредилки к этому времени разложилась, ее части сдавались без боя и учредиловцы вместе с наймитами чехо-словаками должны были бежать в Уфу. В течение октября Красной армией были взяты Бугуруслан, Бузулук, Мелекес и Бугульма. Перед своим бегством из Самары чехо-словаки отправили в Сибирь всех арестованных, находившихся в Самарской тюрьме. Для этого были составлены два поезда, получившие название «поездов смерти», так как значительная часть заключенных в них или была расстреляна чехами, или уже умерла в пути от голода, заболеваний и издевательств чехов.

Вместе с войсками Красной армии, вступившей в Самару 7 октября 1918 года, возвратился в нее и Губревком, председателем которого стал тов. А. И. Галактионов.

Губревком 9 октября 1918 г. об'явил о восстановлении Советской власти в Самарской губернии; началась работа восстановленных отделов управления. Управление городом было передано Городскому Исполкому, который избрал своим председателем В. В. Куйбышева.

Губревком в начале своей работы все свое внимание должен был обратить на борьбу с контр-революцией: были расстреляны не успевшие скрыться активные контр-революционеры, поддерживавшие чехов, белогвардейцы и бандиты. Имущество сбежавшей с чехами буржуазии было конфисковано, а для оставшейся была введена трудовая повинность; и на нее был наложен чрезвычайный налог.

Дутовщина.

Захват чехо-словаками Самары угрожал и Оренбургу, поэтому Реввоенсовет Оренбурга решил вывести красные войска из города. 4-го июля на Актюбинск было отправлено до 22.000 человек, а меньшая часть направлена в г. Орск. Лишь только красные части оставили город, как в нем появился уполномоченный «учредилки», а вслед за ним 7-го июля и атаман Дутов, восторженно встреченный буржуазией и ее прихвостнями: звонили в колокола, бросали цветы под ноги атаману—бандиту. Затем Дутов 14-го июля отправляется в Самару, где также буржуазия и учредиловцы устраивают в честь его празднества. Ком. член. учр. собр.— принимает его в свои члены, производит в генералы и назначает своим уполномоченным по Оренбургскому Казачьему войску и Тургайской области. По возвращении Дутов вводит в Оренбургской губернии власть комитета уполномоченных учредительного собрания, который рассылает своих уполномоченных и по всем уездам. Начинается самая дикая расправа с рабочими и крестьянами: восстанавливаются старые учреждения, производятся истязания и расстрелы рабочих, в деревнях идет порка крестьян и отбирание у них земли, которая передается возвратившимся помещикам на

основании приказа Дутова: «Закон на землю оставить старый».

Когда Красная армия заняла Самару, Дутов поспешил эвакуироваться в Сибирь, увозя с собою имущество всех учреждений, архивы и т. п.

Колчаковщина.

Адмирал Колчак при Николае и после февральской революции был командующим Черноморским флотом. Когда произошла октябрьская революция, он бежал в Америку, а затем через Японию вернулся в Сибирь и был на службе у Сибирского эсэровского правительства. В ноябре 1918 г. в Омске он свергнул это правительство и провозгласил себя «Верховным правителем России». Затем он разгоняет образованное Комитетом членов учр. собр. правительство Директорию. Некоторые из эс-эров учредиловцев были даже казнены Колчаком. Колчака поддерживают Англия, Франция и Америка, от которых он получает средства на борьбу с Советской властью, получает снаряды и обмундирование. Колчак производит насильственную мобилизацию сибирских крестьян, у него образуется 400-х тысячная армия. К Колчаку сбирается все белогвардейское отрепье: помещики, капиталисты, бывшие офицеры, к нему присоединяются остатки выгнанного из Европейской России чехо-словацкого корпуса.

Дутов также признает над собой власть Колчака и, возвратившись в Оренбург, следует примеру «правителя» и разгоняет уполномоченных учредилки. 21—22 января 1919 г. красные войска вступают в Оренбург: из Бузулука отряд т. Гая и из Актюбинска т. Зиновьева. В течение февраля-марта от белогвардейцев очищаются Ташкентская и Орская ж-д, и в губернии вновь начинается советское строи-

тельство. Крестьяне—фронтовики, испытавшие на себе произвол и кровавые расправы Дутова в количестве 30.000 вступают добровольно в Красную армию.

К началу марта 1919 года уже 4 колчаковских армии начали действовать против нас в Европейской России: одна из них шла на Вятку и Сарапул, вторая на Уфу и Самару, третья Дутова—действовала в Оренбургской губернии и четвертая Уральская. Красные войска были в это время сильно изнурены постоянными переходами и боями, поэтому они хотя и превосходили колчаковцев своею численностью, но в начале терпели неудачи. Наши части были сгруппированы в пять армий. Вторая колчаковская армия повела нападение на нашу пятую армию (Уфа—Самара) и заставила ее отступать к Волге. Это вызвало отступление первой армии т. Гая (Орск) и Туркестанской—Зиновьева, а также второй и третьей армий, действовавших в Вятском районе. К апрелю Колчак захватил гг. Уфу, Белебей и в Среднем Поволжье—Бугуруслан, Бугульму и Бузулук. В то же время Дутовские белогвардейцы заняли гг. Орск и Актюбинск и подошли к Оренбургу, который безуспешно осаждали в течение нескольких месяцев. В это время в Оренбурге вместо Губисполкома создается Губревком. Наступившая весна задержала продвижение колчаковцев в Самарском направлении, что и дало возможность Красной армии пополнить свои силы. Брошенный в Республике Советов клич—«все на Колчака», всколыхнул все партийные, советские и профессиональные организации: армии пополнились коммунистами и рабочими пролетарских центров. Главкомом армий, действовавших против Колчака был назначен М. В. Фрунзе, прибывший в Самару. Здесь в доме Реввоенсовета Приво в

течение двух дней происходило его совещание с командармами, которое и выработало план операции против Колчака. План этот сводился к следующему: в Бузулукском районе была сформирована ударная группа, под командою т. Зиновьева, которая должна была повести наступление на Бугуруслан во фланг и тыл противнику. В эту группу входила и бригада 25-й дивизии.

Фрунзе оценил значение Чапаева как организатора и авторитетного руководителя красноармейских частей, вызвал его в Самару и назначил командующим 25-й дивизии.

В дивизию эту вливаются прибывшие отряды Иваново-вознесенских ткачей; рабочие вносят присущие им дисциплинированность и организованность в крестьянские Пугачевские полки. Возникшие ячейки в полках и политкомиссары воспитывают красноармейцев, как сознательных и стойких бойцов за дело коммунизма под знаменами коммунистической партии. Коммунистическое влияние, как цемент, спаяло в боевой союз беднейшее и среднее крестьянство с рабочим классом.

С конца апреля начинаются успехи Красной армии. 24—26 апреля в Оренбургском районе командарм первой армии т. Гай на р. Салмыше нанес поражение дутовскому корпусу генерала Бакича. С 28-го апреля началось наступление Туркестанской группы и пятой армии, которыми были разбиты две дивизии Колчаковцев. Затем был нанесен Колчаковцам сокрушительный удар в районе Бугуруслан—Сергиевск, и эта местность к четвертому мая очистилась от белогвардейцев. Далее красными занимается Бугульма и Белебей. Колчаковская армия откатывается к Уфе, где рассчитывает задержаться под прикрытием рек Уфы и Белой. 25-я Чапаевская дивизия переправляется

в брод через Белую и после кровопролитного боя берет Уфу. Колчаковцы шаг за шагом оттесняются в Сибирь, терпя одно поражение за другим. В январе колчаковская армия была разбита окончательно, а сам «верховный правитель» взят в плен и после суда над ним расстрелян в Иркутской тюрьме 7-го февраля 1920 года.

Борьба с Уральским и Оренбургским казачеством.

Пользуясь тем, что силы Красной армии были брошены на восток на борьбу с Колчаком, а на юге с Деникиным, уральские казаки возобновили свою борьбу против Советской власти: они опять окружили Уральск, захватили Пугачев и угрожали Саратову. Тогда М. В. Фрунзе после занятия Уфы перекидывает 25-ю Чапаевскую дивизию снова на Уральский фронт. Чапаевцы освобождают Уральск и гонят казаков на юг к Гурьеву. Части Чапаева уходят вперед, а он лишь с одним штабом дивизии останавливается в г. Лбищенске. 5-го сентября ночью, казаки, осведомленные жителями, нападают врасплох на штаб Чапаева и после ожесточенной схватки на берегу реки—Чапаев кидается в Урал, рассчитывая переплыть его, но, как рассказывают его бойцы, он был ранен в это время и погиб в волнах Урала.

Гибель вождя не сломила чапаевцев, они довели до конца его дело и заставили уральское казачество подчиниться Советской власти. В сентябре 1918 года началось и беспорядочное бегство дутовцев в степи Казакстана, а затем и в Восточный Китай. Сам Дутов погиб в Монголии. Остатки корпуса Бакича в 1921 году были уничтожены в Китае, а Дутовские генералы: Бакич, Степанов, Попов и др. были расстреляны по приговору суда в г. Ново-Сибирске.

Кулацкие и бандитские восстания.

В начале первого периода гражданской войны среднее крестьянство еще не вполне сознавало, что только диктатура рабочих может осуществить его заветные мысли о земле, о своей близкой к крестьянству власти. В течение долгого времени соглашатели внушали крестьянству мысль, что это может сделать только учредительное собрание. Поэтому и на некоторых самарских крестьянских с'ездах после октября, как например, на 4-м и 6-м, на которые попадала кулацкая верхушка, руководимая с-р, ведутся рассуждения о власти учредительного собрания, о демократии, о представительстве всех социалистических партий и т. п. Крестьянин-середняк иногда в этих вопросах колебался и шел за кулаком. Лишь беднота деревни, близкая к пролетариату, шла беззаветно за ним.

Тяжелым бременем на крестьянство ложилась необходимая в то время продразверстка, чем неоднократно и пользовались кулаки, стараясь возбудить крестьянство против Советской власти.

На этой почве и возникали в 1919 и 1920 году в некоторых местностях Среднего Поволжья кулацкие так называемые «чапанные» восстания.

Наиболее крупным из кулацких восстаний было восстание, происшедшее в марте 1919 года и охватившее ряд сел Сенгилеевского, Сызранского уездов Симбирской губернии и Самарского и Ставропольского уездов Самарской губернии. Центром восстания явилось село Усинское (Уса), в которое стекались главные силы повстанцев и где было до 300 винтовок, оставшихся от белых. Отсюда распространились—агитационная литература вроде следующего провокационного воззвания—«Усинский волостной совет доводит до вашего сведения, что

наша волость, а также вокруг лежащие волости: Печерская, Усольская, Верхне-Мазинская, Ново-девиченская, Шигонская и все Сенгилеевского и Ставропольского уезда восстали против коммунистов. Восстание разростается вплоть до Симбирска и Самары, сформированы отряды и везде коммунисты свергаются и бегут от восставших крестьян... Просим и вас граждане присоединиться к восставшему крестьянству и сформировать отряды и известить близлежащие к вам села и деревни и кто с чем может итти на Сызрань».

Повстанцы намеревались из Усинска действительно идти на Сызрань. В Сызрани был образован военно-революционный комитет, который и отправил против повстанцев небольшой отряд из членов РКП(б) Сызранской и Самарской организаций и железно-дорожных рабочих. Отряд этот потерпел поражение; 32 человека, попавших в плен к повстанцам, были зверски растерзаны ими и тела их изуродаваны. В самой Сызрани восстания не произошло, так как во-время было введено военное положение, и обезоружен второй запасный батальон, состоявший из мобилизованных крестьян из восставших волостей. Когда в Сызрань пришли подкрепления из Пензы, Кузнецка и Самары, то разосланными отрядами движение было быстро подавлено.

В Ставрополе восстание началось также 7-го марта. При поддержке местных эс-эров и кулаков повстанцы заняли город, произвели убийства коммунистов, образовали для управления свой штаб. Для подавления этого восстания из Самары был послан в Ставрополь военно-полевой штаб под председательством тов. Тронина и отряд в 1200 человек под командой Шевердина. К 13-му марта восстание было подавлено. В результате восстания несколько

десятков кулаков в Сызранском и Самарском уездах были расстреляны советскими войсками. Увлеченные в восстание темные середняки, а в редких случаях и беднота горько раскаивались в своих выступлениях и выносили резолюции об этом.

Так, крестьяне с. Студенцы вынесли постановление: «Заслушав доклад тов. Ковалева, мы поняли, что нас, бедняков, одурачили кулаки, спекулянты, помещики, которые нашим трудом набивали себе карманы. Мы шлем проклятие всем негодяям, преступникам, буржуазии, угнетателям рабочих масс и будем твердо стоять за Советскую власть!».

В с. Усолье крестьяне выносят резолюцию: «обсудив выступление крестьян против коммунистов, благодаря гнусной агитации злодеев—кулаков клянемся товарищам коммунистам и советской власти, что впредь такого явления не повторится».

Крестьянство осознало, что разрыв с рабочим классом поведет его к гибели, к новому засилью от помещиков и кулаков, и поэтому оно быстро отошло от вожаков восстания.

Восстание дивизии Сапожкова.

В первые годы формирования Красной армии, когда при массовых мобилизациях в полки вливалась масса малосознательных крестьян с мелкобуржуазными настроениями, а политико-воспитательная работа была поставлена еще слабо, иногда происходили восстания целых частей, вызываемые или эс-эровской провокацией или изменой командиров. Так в 1920 году в Бузулукском уезде произошло восстание дивизии Сапожкова. Сапожков, в прошлом лев. с-р, по поручению округа формировал

в Бузулукском уезде кавалерийскую дивизию для отправки ее на Врангельский фронт. Он начал подбирать и комсостав, родственный ему по убеждениям: 49-й полк он формировал из уральских и оренбургских казаков, а 50 из крестьян Новоузенского уезда, которые были известны ему по участию в партизанских отрядах на Уральском фронте. Узнав о направлении Сапожкова, Штаб округа присылает нового командира дивизии. Сапожков отказался передать дивизию, арестовал присланного на его место товарища и начал восстание. Он называет свою дивизию «Армией правды», выбрасывает лозунг «Долой бывших офицеров, занявших в Красной армии командные должности». «Долой комиссаров», «Долой продотряды, да здравствует свободная торговля». С двумя своими полками Сапожков 11-го июля занял Бузулук, где на его сторону после митинга перешел запасный полк. После этого Сапожков занял несколько станций и селений по линии Ташкентской железной дороги. Против Сапожкова были двинуты отряды из Оренбурга и Самары, которые очистили от сапожковцев г. Бузулук и линию жел. дор. Терпя везде поражение, Сапожков отступил в юго-восточную часть Пугачевского уезда, где под д. Таловой он был окружен советскими войсками, и предполагалось, что он будет захвачен в плен. Сапожков разбил свой отряд на два: первый из них, 8-й полк, ушел на Уральск, а сам Сапожков с 7 полком через ст. Семиглавый Мар ушел в Новоузенский уезд. Сочувствия в окружающем населении Сапожков не находил. 6-го сентября остатки его отряда у Ханской ставки (Астраханской губернии) были настигнуты отрядом Борисоглебских кавалерийских курсов. Во время происшедшего боя Сапожков был убит одним из курсантов.

Борьба с бандитскими шайками.

В течение 1921 и 1922 года уезды Пугачевский, Балаковский, Бузулукский и Оренбургский нередко подвергались налетам бандитских шаек, которые образовывались на территориях Саратовской губернии, Республики немцев Поволжья и Оренбургской губернии. Так, в феврале 1921 года в Пугачевском уезде, когда там начались волнения среди крестьян, недовольных продразверсткой, появилась с правого берега Волги банда Попова, в ней насчитывалось до 1.000 штыков. К апрелю месяцу она была ликвидирована, но в мае появились более мелкие банды: Серова (500 сабель), Аистова, Сарафанкина и Софонкина. Банды эти разоряли совхозы, громили сельсоветы и волсоветы, убивали коммунистов и крестьян общественников, угоняли крестьянский скот, производили реквизиции. Борьбу с ними вели, кроме отрядов Красной армии и коммунистические части особого назначения, получившие название ЧОН. К августу 1921 года Пугачевский уезд был очищен от этих банд, но в ноябре снова появилась банда Серова, увеличившаяся до 1000 человек. Она в половине ноября произвела налет на Пугачев. Пугачевская парторганизация, милиция и добровольцы составили отряд в 300 человек, который в продолжение четырех часов отбил ряд атак бандитов, но, наконец, должен был оставить город. Отряду удалось пробиться через окружение бандитов и соединиться с шедшей из уезда Пугачевской ротой и кав эскадроном. Об'единенными силами бандиты были выбиты из Пугачева.

Весной 1922 года банда Серова появилась опять, но уже в Бузулукском уезде, где также была скоро ликвидирована.

Борьба с бандами носила затяжной характер., так как они при приближении советских войск уклонялись от боя и быстро рассеивались, чтобы через некоторое время собраться в другом месте.

Для преследования их нужно было создать особые отряды, которые бы обладали большой подвижностью. Кроме того приходилось в тех районах, где эти банды формировались, повести политико-просветительную работу среди крестьянства, чтобы оно поняло всю опасность для него бандитизма и приняло бы деятельное участие в борьбе с бандитами. Благодаря целому ряду мероприятий, бандитизм в Среднем Поволжье был уничтожен к концу 1922 года.

Глава X-ая.

После гражданской войны.

Голод.

В начале 1921 года гражданская война закончилась, и на место военного союза между рабочими и крестьянами возникает союз экономический, основанный на обмене через госторговлю и кооперацию продуктов сельского хозяйства, добываемых крестьянством на продукты промышленности, изготовляемые городом. Но еще в течение года крестьяне Среднего Поволжья не могли воспользоваться благами этого союза, так как все губернии, входящие ныне в Средне-Волжский край были охвачены стихийным бедствием—голодом.

Голод был вызван засухой 1921 года и предшествующим разорением и истощением крестьянского хозяйства, вызванного империалистической и гражданской войнами. По всей республике голодало 23 губ. с населением в 37 милл. чел., из этого количества на Среднее Поволжье приходилось не менее

5-6 милл. чел. В одной Самарской губернии к февралю 1922 года голодало—2.430.000 человек, или 93 % всего населения губернии, смертность на почве голода дала громадную цифру до 150.000 человек, количество скота сократилось на 47 %, площадь засева уменьшилась за 1921 год на 50 %, сельско-хозяйственный инвентарь от 10 % до 46 %.

Население, питавшееся в начале осени растительными суррогатами: лебедой, липовыми листьями, подсолнечными стеблями, древесной корой, картофельной ботвой и т. д., когда это было с'едено, начало есть кошек, собак, старые кожи, падаль. Далее начали отмечаться случаи трупоедства и людоедства.

«Люди начали есть людей» сообщает Натальинский волисполком Бугурусланского уезда,— «Нет сил и средств рыть могилы и хоронить мертвых. Мертвые стаскиваются целыми грудами к отведенным для этого местам—сараям и амбарам. Зачастую и трупы стаскивать некому, и они по нескольку дней остаются лежать в избах, разлагаются, отравляя воздух. Нет сил для выражения этого ужаса».

Центральная и местная советская власть отпускают в это время громадные средства на борьбу с голодом. Во всех губерниях образуются комиссии помощи голодающим. Производится снабжение населения семенами для засева ярового и озимого клина. Для спасения жизни голодающих было произведено из'ятие церковных ценностей. К голодающим губерниям для оказания помощи был приписан ряд губерний, благополучных по урожаю. Кроме помощи советской власти голодающему Поволжью была оказана помощь и со стороны многочисленных иностранных организаций: иностранные рабочие для этой цели образовали «международный рабочий комитет помощи голодающим» (Межрабпом),

который собрал до 1 миллиарда марок, 700 тысяч пудов продовольствия, сельско-хозяйственные орудия и т. д., Американская организация помощи («АРА») ввезла в Россию по договору с советской властью около 30 миллионов пудов продовольствия, одежды, медикаментов, значительная часть которых была распределена в Среднем Поволжье; кроме этих организаций в Среднем Поволжье работали «Общество квакеров», организация Нансена, Шведский красный крест.

К октябрю 1922 года борьба с самим голодом была закончена и явилась возможность приступить к восстановлению хозяйства.

Восстановительный период.

С 1924 года сельское хозяйство и промышленность в Средне-Волжской области начали быстро восстанавливаться. Посевная площадь в 1925 году занимала 5.114.000 гектаров, в 1926 году 5.834.000 гектаров, в 1927 году 5.665.000 гектаров, в 1928 г. —6.320.000 гектаров. Некоторое уменьшение посева в 1927 году произошло вследствие неблагоприятной погоды 1926 года. Во всей области преобладает зерновое хозяйство, главной культурой является рожь, площадь под которой занимала в области в 1927 году 34,7 %. За нею следует пшеница—27,5 %, на третьем месте стоит овес 16,1 %.

Количество скота по области также увеличивалось из года в год по трем губерниям (без Оренбургской), в 1925 г. было 957 тысяч лошадей, а в 1927 году уже 1.302.000. Крупного рогатого скота в 1926 году было 1.974.000 голов, в 1927 году—2.581.000 Овец в 1926 г. 4.126.000 голов, в 1927 г. 5.401.000. Все же количество лошадей составляет лишь 76,1 % до военного уровня 1913 г., за то крупный рогатый скот превысил довоенный уровень на

36,5%. Быстро увеличилось число с.-х. машин в области, в том числе и тракторов, так. например, в Самарской губернии в 1922 году было только 39 тракторов, в 1925 году 329, в 1926 году—1.740, и в 1927 г.—1.150 тракторов. В деревне из года в год становится меньше хозяйств малопосевных, но за то увеличивается число средне-посевных и много-посевных, что видно из следующей таблицы:

	Года	Малопо-севные	Средне-посевные	Многс-посевные
По трем губерниям без Оренбургской.	1925	54,1	41,8	4,
	1926	49,0	45,2	5,
	1927	47,8	45,8	6,

Расслоение деревни по рабочему скоту представлялось за эти годы в следующем виде:

	Года	ПО РАБОЧЕМУ СКОТУ.			
		Без раб. скота	С 1-й головой	С 2-мя головами	С 3-мя головами
По области.	1925	41,5	48,0	8,3	2,1
	1926	38,7	47,2	10,1	4,8
	1927	33,9	48,4	12,7	5,4

Стоимость продукции сельского хозяйства области за 1927/28 год составила сумму в 557,3 миллиона рублей. В восстановительный период быстро начало развиваться и кооперирование крестьянского населения: так число колхозов с 1586 в 26-27 г. возросло до 1965 к 1 апреля 1928 г., число специальных товариществ, как например, машинных,

семенных, животноводческих и т. д. за это же время возросло с 1406 до 1945.

Увеличение экономического благосостояния вызвало возрастание политической активности крестьянства, его готовности принять участие в управлении, в работе советов.

Препятствием для этого являлись остатки военного коммунизма в деревне, не изжитые еще и в начале новой экономической политики низовыми работниками советской власти. Эти недостатки выражались в командовании над крестьянством, в назначенстве в сельсоветы и волисполкомы, в обязательном иногда голосовании за списки и т. п. Эти несовершенства низового аппарата удерживали часть крестьянства от участия в выборах.

Так, в ноябре 1924 года в выборах приняло участие в области лишь 20-30 %. Центральной властью были тогда назначены перевыборы в марте 1925 года, которые прошли везде без всякого нажима, или командования, и в них уже приняло участие 40 % крестьянства.

Для привлечения к участию беднейших слоев крестьянства к советской работе, начинается с 1925 г. организация групп бедноты, в которые привлекаются и середняки крестьяне. Перевыборы советов в 1926 г. и 1927 г. прошли с еще большею активностью крестьянства; в них начинают принимать горячее участие и женщины. Перевыборы советов становятся большим событием в деревне.

Оживлением советов сопровождается и укрепление революционной законности; крестьянство начинает сознавать свои права, предоставленные ему законами советской власти, оно уже не примиряется с злоупотреблениями органов власти, если замечает их, а ведет с ними борьбу. Создается деревенская общественность, гласность, которая че-

рез крестьян селькоров путем печати освещает ненормальные явления деревни.

Рост экономического благосостояния и политического сознания крестьянства повышают и его культурные запросы, на удовлетворение которых также обращают большое внимание и коммунистическая партия и советская власть. Увеличивается из года в год число газет, получаемых в деревне, увеличивается количество школ, изб-читален, политшкол и кружков самообразования, растет число членов добровольных общественных организаций. В этом общем под'еме крестьянства экономическом, политическом и культурном участвуют и нацменьшинства Средне-Волжского края—мордва, чуваши и татары, которым только советская власть дала возможность получать знания на родном языке, без чего не было возможно их дальнейшее развитие.

Фабрично-заводская промышленность в Средне-Волжском крае всегда была развита слабо; особенно это можно сказать про крупную промышленность, которая давала лишь 22 % от всей продукции края. Промышленность Среднего Поволжья связана, главным образом, с переработкой с.-х. сырья (производства: мукомольное, пивоваренное, винокуренное, кожевенное) или же с лесным хозяйством. Промышленность по изготовлению орудий производства давала лишь 13 % от всей промышленности, 87 % давали отрасли, занятые выработкой предметов потребления.

Государственная промышленность в крае к июлю 1928 г. составляла 87,5 %, кооперативная—8,5 %, частная—4 %. Число предприятий цензовой промышленности, действовавших в 1926/27 году, равнялось 463 с основным капиталом в 88.343.000 рублей при числе рабочих в 32.700. человек.

Эти цифровые данные показывают, что промышленность Среднего-Поволжья концентрирована слабо: на одно предприятие в среднем приходилось 82 тысячи основного капитала и 70 рабочих. Валовая выработка продукции по губернским совнархозам повышалась из года в год: в 26/27 г. она выражалась в сумме 27.930.000 рублей, 32.602.000 р. —в 27/28 г. и 43.086.000 рублей—в 28/29 году.

Численность промышленного пролетариата в Средне-Волжском крае все же очень не велика: на общую массу населения около 7 миллионов человек к июлю 1928 года приходилось рабочих, занятых в промышленности, транспорте и строительстве всего около 75.000 человек. Отсюда вытекают задачи повысить активность, спайку рабочего класса, чтобы он мог явиться руководителем миллионных масс деревни.

В культурном отношении Средне-Волжский край значительно отстал от других районов советского Союза. Процент грамотных мужчин в области 49,8 %, тогда как в среднем по РСФСР—56,4 %, женщин 24,5 % по РСФСР—33,2 %, обоего пола 35,4 % по РСФСР—44,1 %.

Расход по образованию на одного жителя по краю составлял в год 2 р.01 к. по РСФСР 3 р.44 к. Школа 1-й ступени охватывает по краю 72,7 % учащихся, по РСФСР 86,3 %. На одну избу-читальню приходится жителей в крае 8.168, в РСФСР —5.555, библиотеку по краю 7.645, в РСФСР 6.243 и т. д.

Также неудовлетворительно поставлено в крае и лечебное дело: по нормам Наркомздрава на 1 врачебный участок должно приходиться 8.000 населения, в среднем же по краю на врачебный пункт приходится 19.364 человека. По нормам Наркомздрава (одна койка на 500 человек) в крае

должно было быть 12.035 коек, было же к 1 июля 1928 года лишь 3.053 койки.

Широко распространены в крае социальные болезни: туберкулез, сифилис, трахома. Особенно свирепствует трахома среди нацменьшинств края, так, например, среди призывников чуваш было 37,7 % трахомных, мордвы—26 % и татар 25 %.

Низкая степень культуры в Средне-Волжском крае должна настойчиво толкать рабочие и крестьянские массы Среднего Поволжья к энергичной борьбе за культурную революцию.

Глава XI.

На пути социалистического строительства.

XV с'ездом ВКП (б) были намечены основные директивы для составления пятилетнего плана социалистического строительства. XVI партконференция ВКП(б) и V Всесоюзный с'езд утвердили и самый план, выработанный на основе этих указаний.

По пятилетнему плану на Средне-Волжский край ложится задача быть районом зернового хозяйства, который будет давать хлеб как для внутреннего, так и для внешнего рынка. Среднее Поволжье должно стать мощной зерновой фабрикой для СССР. По плану вся продукция сельского хозяйства края за 5 лет должна будет возрости на 109,7 %, т.е. увеличиться более чем вдвое, продукция же зерновых культур на 329,4 %. Производство зерновых культур будет сосредоточено по преимуществу в восточной части Среднего Поволжья (быв. губернии Самарская и Оренбургская), сообразно с чем будет рационализироваться и система земледелия. В западной же части области (бывшие губер-

нии Пензенская и Ульяновская) должны получить развитие засевы технических культур, ведение молочного хозяйства и т. п.

По плану произойдет и увеличение социалистического сектора хозяйства: коллективы, занимающие в 1928 году лишь 2½ % посевной площади, к концу пятилетки будут занимать 20 %. В некоторых районах, как например, в Чапаевском, будет произведена сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. В обобществленных хозяйствах повысится урожайность на 38,2 %.

Большое развитие получит и механизация сельского хозяйства: в пятилетке предположено ввести в область—18.000 тракторов, не считая другие сельско-хозяйственные машины.

Крестьянство не только само начнет лучше питаться, но и будет давать гораздо больше товарного хлеба, а именно в индивидуальных крестьянских хозяйствах с каждой души больше в 2½ раза, а в коллективах в 7½ раз больше, чем получалось в 1927 году.

Промышленность.

Развитие промышленности в Среднем Поволжье в прошлом тормозилось отсутствием здесь каменного угля, между тем как на местные горючие породы —сланцы, внимания не обращалось, хотя при известных условиях они могут заменить более ценный каменный уголь. На сланцах предположено построить две электро-станции: одну в Сызранском округе мощностью в 20.000 киловатт и другую, постройка которой закончится лишь в следующем пятилетии, в Самарском округе в районе Общего Сырта. Кроме электро-станций на сланце будут устроены гидростанции в Сызрани и Ульяновске, электростанция на торфу в г. Кузнецке.

Промышленная пятилетка Среднего-Поволжья преследует две основные-задачи: во-первых, использование местного сельско-хозяйственного сырья и, во-вторых, проведение подготовительных работ для использования минеральных богатств края.

Общая сумма капитальных затрат по Среднему Поволжью по цензовой промышленности составит 230 миллионов рублей, при чем только на постройки по гос. промышленности затратится 146 миллинов рублей. Более всего затрат (100 миллионов рублей) из этих сумм будет произведено на промышленность, изготовляющую орудия производства. По металлопромышленности в Среднем Поволжье будет выстроено пять мощных заводов:

1) завод цельнотянутых изделий, стоимостью в 4 миллиона рублей.

2) Завод химической аппаратуры—10 миллион.

3) Котельный завод—6 мил. рублей.

4)Медноплавильный завод—7 мил. рублей. и

5) Судостроительная верфь—500 рублей.

По химической промышленности будут выстроен нефтеперегонный завод и два сланцево-перегонных завода.

Важное значение получит в крае и постройка новых заводов строительных материалов: в Самаре двух заводов силикатного кирпича, заводов красного кирпича в Сызрани и Рузаевке, черепичных заводов в Оренбурге и Ульяновске, алебастрово-серного завода, толево-руберондной фабрики. В пятилетнем краевом плане обращено также внимание и на развитие текстильной и пищевой промышленности.

Валовая продукция заводов, производящих орудия производства, возрастает на 224,4 %, а предприятий, изготовляющих средства потребления, на 157,3 %.

Валовая продукция кустарной промышленности увеличится в полтора раза и будет оцениваться в в 240—250 миллионов рублей, при чем число кустарей достигнет 220 тыс., из которых 60 % будет втянуто в кооперацию. Производительность труда в предприятиях краевой промышленности поднимается на 105 %, а номинальная (денежная) зарплата на 38 %, себестоимость же продукции будет снижена на 29 %.

Товарооборот области к концу пятилетки будет выражаться в сумме 1.260 миллионов рублей. На каждого городского жителя придется промтоваров на 1/3 больше, чем получается теперь, а на деревенского—в два раза более.

Железнодорожная сеть Среднего Поволжья до настоящего времени развита слабо: три ее главных магистрали: Самаро-Златоустовская, Сызрано-Вяземская и Волго-Бугульминская имеют направление с запада на восток и одна Ташкентская с северо-запада на юго-восток.

Промежуточные железно-дорожные линии, соединяющие первые три магистрали, имеются лишь в западной части края по левому берегу Волги, но их нет в восточной правобережной части. Пятилетний план железно-дорожного строительства в значительной мере этот пробел исправляет. В восточной части намечено проведение следующих железно-дорожных линий—Оренбург-Уфа (345 клм), Безенчук-Ершово (215 клм.), Самара-Уральск (267 клм.) Сургут-Погрузная (70 клм.), Ульяновск-Кинель (200 кил.), Уральск-Илецк (270 кил.), Бузулук-Пугачев (250 клм.)

Весьма важное значение будет иметь пересечение линий: Бузулук-Пугачев, Самара-Уральск, так как в этом районе будут находиться крупные зерносовхозы, здесь имеются возможности для раз-

вития скотоводства, и здесь же залежи сланцев и фосфоритов.

В западной части края намечено строительство линий: Инза-Пенза (140 клм.), Ульяновск-Алатырь (140 клм.).

По улучшению главной водной артерии области р. Волги намечено: удержание ее русла у Самары, для чего должны быть уничтожены Аннаевские пески, и борьба с оползнями у Симбирска. На грунтовые дороги будет израсходовано до 20 миллионов рублей.

В предыдущей главе мы уже отмечали низкое культурное состояние нашей области. Пятилетним планом на этот вопрос обращено серьезное внимание. Ассигнование на школы соцвоса составит 87% бюджета областного отдела народного образования, число учащихся в школах 1 ступени возрастет с 397 тысяч (данные школьной переписи 1927 года) до 720 тысяч человек. Всеобщее обучение в деревнях будет осуществлено к 1934-1935 году, в городах к 1929-1930 году. Ликбез за пять лет обучит 1 миллион человек, т. е. седьмую часть населения области.

Так как для проведения индустриализации важно не только наличие денежных средств и материальных возможностей, но необходимо для этого и наличие людских технических сил, пятилетним планом предположено расширить сеть профтехнических школ, курсов, показательных мастерских и т. п. К концу пятилетия профтехническое образование пройдут 24 тысячи человек.

Нужно отметить также и предполагаемое открытие в области трех ВУЗ'ов: педагогического, медицинского и ветеринарного. По линии Наркомздрава в городах предполагается большая специализация врачебной помощи, расширение внеболь-

ничного обслуживания. Число лечебных пунктов на предприятиях увеличится на 65%, специальных кабинетов на 20%. В деревнях будут открываться лечебные заведения прежде всего в тех районах, где их не имеется вовсе до настоящего времени, а также в местах наибольшей санитарной вредности. В нацменовских районах усиливается борьба с социально-бытовыми болезнями. Увеличивается количество детских яслей, консультаций и т. п.

Проведение пятилетнего плана вызовет повышение доходов местного бюджета на 110%, тогда как по Республике бюджет повысится лишь на 92,7%. В таком же темпе возрастут и расходы области, из которых на хозяйственно-производственные нужды будет затрачено до 1/3 бюджета, а на социально-культурные 57,8%.

Проведение плана индустриализации области, коллективизации ее сельского хозяйства и поднятия ее культурного уровня потребуют большого напряжения всех сил рабочих и крестьян, всей советской общественности под испытанным руководством ВКП(б). В результате этой коллективной работы Средне-Волжский край быстро продвинется вперед в ее социалистическом строительстве.

Глава XII.

ВКП(б)—вождь трудящихся.

В течение 30 с лишком лет Всесоюзная коммунистическая партия (до 1918 года—Р.С-Д.Р.П.) выполняла великую задачу вождя, воспитателя и организатора рабочих и крестьянских масс в их борьбе с царизмом, помещиками и буржуазией. Партия подготовила массы к диктатуре пролетариата, провела эту диктатуру в жизнь, отстояла и отстаивает

ее поныне от всех покушений мировой буржуазии, осуществляя социалистическое строительство в первом пролетарском государстве мира. Во время существования Р.С-Д.Р.П. истинными носителями революционного начала являлись большевики, другая же фракция Р.С-Д.Р.П.—меньшевики пошли по пути соглашательства (оппортунизма), а с момента Октябрьского переворота скатилась в лагерь контрреволюции. Борьба с меньшевизмом, борьба со всякими уклонами от основной задачи партии—диктатуры пролетариата, даже, если эти уклоны проявлялись в рядах большевиков,—составляли отличительную черту большевизма на всем протяжении его истории.

Большевистские организации Среднего Поволжья в этой долголетней великой борьбе всегда шли вместе со всей партией, быстро и решительно исправляя политические ошибки, если таковые происходили.

Создавшаяся ранее других Самарская организация была всегда сильнее и своими материальными средствами, и людскими силами и большей своей связью с центром и центральными органами. За Самарской организацией шли, по ней равнялись организации—Оренбургская, Ульяновская и Пензенская. Так было и во время большевистского подполья, когда Самарская «Искровская» организация снабжала литературой 17 пунктов Поволжья и Урала. То же мы видим и в революцию 1905 года. В Самаре развивается сильное забастовочное движение, сопровождающееся многотысячными демонстрациями, пред'явлением политических требований, столкновениями с войсками и полицией, в Самаре создается совет рабочих депутатов и делаются попытки, правда, слабые, но все же попытки, на-

чать вооруженное восстание, как это имело место при взятии войсками Пушкинского дома.

Другая ветвь революции 1905 года—крестьянское движение широко охватывает уже все губернии Среднего Поволжья—Самарскую, Пензенскую и Симбирскую, слабее оно выражается в губернии Оренбургской, населенной казачеством.

В городах рабочая масса в 1905 году уже идет за большевиками, но большевистское влияние за отсутствием необходимых для этого сил еще слабо охватывает деревни Среднего Поволжья. В разрозненности рабочего и крестьянского движения, в неодновременном под'еме их до высшего напряжения и заключается одна из причин поражения революции 1905 года.

Реакция почти разгромила молодые организации Симбирскую и Пензенскую и загнала в глубокое подполье организации Самарскую и Оренбургскую. Но и из подполья большевики продолжали руководить организацией рабочих масс, используя для этого все легальные возможности: профессиональные общества, кооперативы, больничные кассы. Эта работа приводит уже к новому под'ему рабочего движения, начавшемуся в Среднем Поволжье с 1912 года. В эпоху мировой войны 1914—1918 года большевики раз'ясняют ее империалистический характер, необходимость превращения ее в войну гражданскую, удерживают рабочих от вступления в военно-промышленные комитеты, тогда как меньшевики стараются убедить их в необходимости «защиты отечества», в важности поддержки буржуазии в военно-промышленных комитетах.

Переход от февраля к октябрю, намеченный тезисами Ленина, дает возможность большевистским организациям Среднего Поволжья освободить рабочие и крестьянские массы от тлетворного вли-

яния соглашателей меньшевиков и эс-эров. Выброшенные большевиками лозунги: «Конец войне»! «Власть советам!», «Переход земли к крестьянству до Учредительного Собрания»! об'единяют рабочих и крестьян вокруг большевистской партии и дают ей возможность осуществить диктатуру пролетариата.

В эпоху гражданской войны организации ВКП(б) Среднего Поволжья мужественно отражают натиски контр-революции и дают тысячи бойцов на борьбу с чехо-словаковщиной, дутовщиной и колчаковщиной. В этой борьбе крестьянские массы Среднего Поволжья идут за коммунистами, отдавая сотни тысяч своих сыновей в Красную армию и организуя по своей инициативе партизанские отряды (Чапаевцы Пугачевского уезда). Тысячи большевиков погибают в это время на полях гражданской войны, своею кровью скрепляя союз рабочих и крестьян. Голод и эпидемии 1921-1922 г., на которые опять были брошены силы коммунистов, снова уносят многие жертвы из их среды.

Восстановительный период выдвигает перед большевистскими организациями новые задачи по поднятию производительности труда, по рационализации производства, по снижению себестоимости продукции и т. д.; Партийные организации Среднего Поволжья, составлявшие после февральской революции несколько десятков или сотен человек, в настоящее время исчисляются десятками тысяч человек, которые пришли в партию из рабочей и крестьянской среды. Идет беспрерывно, как видно

из следующей таблицы, рост областной организации, и орабочение ее социального состава.

ДАТА	Всего коммунистов (членов ВКП(б) и кандидатов	Из них (в $^0/_0{}^0/_0$) По социальн. положению. Рабочих	Крестьян	Служ. и пр.
На 1/I—1926 г. .	28,149	47,1	31,8	21,1
» » —1927 г. .	31,659	45,9	34,6	19,5
» » —1928 г. .	34,206	47,8	30,6	21,6
» » —1929 г. .	43,613	52,8	29,1	18,1
» 1/VII—1929 г.	49,333	56,6	28,2	15,2

Великое дело проведения пятилетнего плана индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства в крае ее партийные организации проведут в жизнь, ведя решительную борьбу со всеми проявлениями правого уклона и не ослабляя внимания к борьбе с троцкизмом, не допуская примиренческого отношения к уклонам, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, —в этом залогом служит вся их прошлая история.

Рабочий класс, беднейшее и среднее крестьянство, охваченные мощным потоком коллективизации, как это показал уже первый год пятилетия, дружно идут под знаменами ВКП(б), поддерживая все ее начинания. Несокрушимая твердыня рабоче-крестьянского союза, с его испытанным руководителем ВКП(б), отразит все натиски империалистов и, следуя ее примеру, пролетариат запада зажжет пролетарский пожар революции в своих странах.

СПИСОК

Источников, использованных при составлении настоящей брошюры.

Сочинения В. И. Ленина, т. т. I и IV.

Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. Александр Ильич Ульянов и дело 1-го марта 1887 года. ГИЗ. М. 1927 г.

И. И. Блюменталь.—В. И. Ленин в Самаре. С примечаниями А. И. Елизаровой. Губиздат—Самара—1925 г.

Е. **Ярославский.** Жизнь и работа В. И. Ленина.

Статья проф. А. Е. Любимова.—Мордовское население Пензенской губернии. Краткий исторический очерк Мордовского народа. Пенза. 1927 г.

Сборники Самарского Истпарта «Красная Быль» № 1. Ноябрь 1922 г. № 2—март 1923 г., № 3—октябрь 1923 г.

Сборник Самарского Истпарта «1905 г. в Самарском Крае». Самара 1925 г.

1905 год в Симбирске. Изд. Ульяновского Истпарта. Ульяновск 1925 г.

П. О. Никишин—очерки по рабочему и крестьянскому движению в Пензенской губернии, под редакцией Н. Абушаева. Пенза 1925 г.

1905 год в Оренбургской губернии—изд. Оренбургского Истпарта. Оренбург 1925 г.

И. Блюменталь.—Хроника революционных событий в Самарской губернии. Т. I-й. 1917 г. Самара 1927 г.

В. Троцкий.—«Хроника революционных событий в Самарской губернии». Т. II-й. 1918 г. Самара 1929 г.

Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г. Оренбург. 1927 г.

В. Н. Алексеев.—Два года борьбы—1917-1918 г. Октябрь и гражданская война. Издание Ульяновской Комиссии по проведении юбилея X-летия октябрьской рев.

В. Кураев.—Октябрь в Пензе. Пенза. 1927 г.

И. А. Колесников.—Военные действия на территории Самарской губернии в 1918-1921 г.г. Самара. 1927 г.

С. А. Девяткин.—Историческая справка об Оренбургской губ. Оренбург. 1927 г.

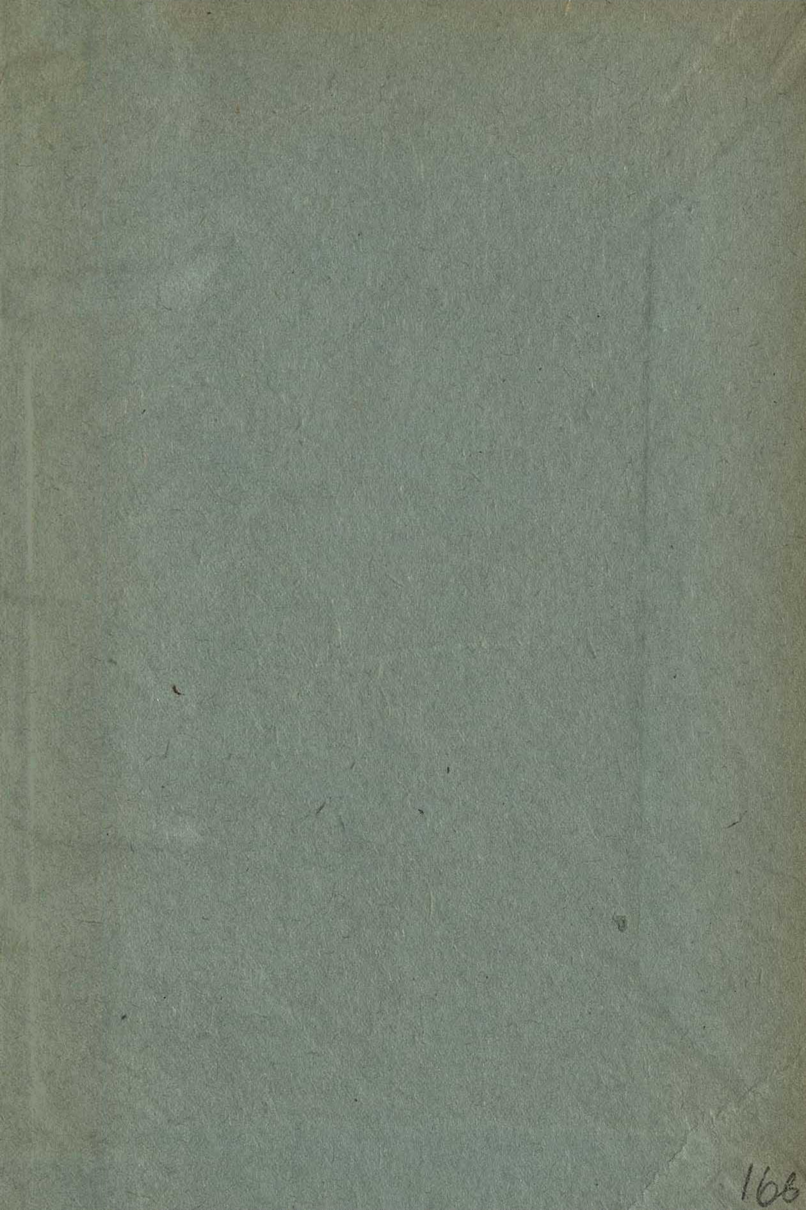
Статьи автора, помещенные в 1927-1928 г.г. в Самарской периодической печати.

Воспоминания (из архивов Самарского и Оренбургского Истпартов).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 60 коп.




168


2010480748